

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Международный сборник научных статей

Выпуск VI

Белгород 2018

УДК 81/82
ББК 81+83.0
П 78

Печатается по решению кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Рецензент:

Игорь Владимирович Чекулай, доктор филологических наук, профессор (Россия)

Ответственный редактор:

Петрова Лиллия Геннадиевна, кандидат педагогических наук, доцент (НИУ «БелГУ», Россия)

Редакционная коллегия:

Минкин Лев Михайлович, доктор филологических наук, профессор (Харьковский национальный педагогический университет, Украина)

Моисеева Софья Ахметовна, доктор филологических наук, профессор (НИУ «БелГУ», Россия)

Перси Уго, профессор славистики (Бергамский государственный университет, Италия)

Полонский Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики (НИУ «БелГУ», Россия)

Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, директор ИМКиМО (НИУ «БелГУ», Россия)

Свойкина Людмила Фёдоровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации (НИУ «БелГУ», Россия)

Сунь Дамань, профессор, заместитель декана факультета иностранных языков (Китайский нефтяной университет, Китай)

Ларини Светлана, кандидат педагогических наук, доцент (Колледж Шарля III, Монако)

П 78 Проблемы лингвистики и лингводидактики: международный сб. науч. ст. Вып. VI / под ред. Л.Г. Петровой. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2018. – 244 с.

В сборнике публикуются научные статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы современной лингвистики, лингводидактики, межкультурной коммуникации и методики преподавания РКИ.

Рекомендуется для лингвистов, преподавателей высших учебных заведений, магистрантов, аспирантов, стажёров.

Коллектив кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации благодарит ООО «Ключи» в лице А.Г. Мартиросяна за финансовую поддержку публикации сборника.

Ответственность за достоверность изложенных фактов, аутентичность цитат, правописание, стиль и правильность оформления списка литературы несут авторы статей.

ISBN 978-5-98242-159-3

© Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, 2018
© Авторы, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Блажевич Ю.С.</i> ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАМЕРУНА.....	6
<i>Волошина Т.Г.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НИГЕРИИ.....	10
<i>Волошина Т.Г.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В НИГЕРИИ.....	15
<i>Глушкова В.Г.</i> ДЕЛОВОЙ ТУРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА.....	21
<i>Губина С.А.</i> Научн. рук.: <i>Полонский А.В.</i> ОСВЕЩЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СМИ ОПЫТА МЕЖКУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ: (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, 2016 - 2017 ГГ.).....	28
<i>Дрога М.А.</i> ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОСТАВНЫХ СЛОВАХ-ЗАГОЛОВКАХ	37
<i>Елфимова А.В.</i> Научн. рук.: <i>Петрова Л.Г.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В ПРЕПОДАВАНИИ ГРАММАТИКИ РКИ: ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ	41
<i>Климова Ю.А., Ху Жоси.</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	46
<i>Копытина П.А.</i> Научн. рук.: <i>Копытина Н.Н.</i> АББРЕВИАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РЕЧИ	54
<i>Копытина Н.Н., Купина Н.И.</i> ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ АРГО (НА МАТЕРИАЛЕ СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ).....	61
<i>Костина Н. И., Костина Д. М.</i> ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ КОНЦЕПТА «MULTICULTURALISM» (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ).....	75
<i>Костина Н.И., Костина Д. М., Карнаухова Н.А.</i> СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ В КУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ	78
<i>Красецкая О.</i> DEJAVU: РУССКИЙ ОБЕД В ЛЕГНИЦЕ.....	84
<i>Куксова Е.Л.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА.....	88
<i>Куксова Е.Л.</i> ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ БИЛИНГВИЗМА.....	93

Кулешова Р.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ ЗАДАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ.....	98
Лютова О.В. ГЛАГОЛЫ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	103
Мартиросян А.Г. ПРИНЦИПЫ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ И КОНТРАСТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ РКИ.....	110
Мартиросян А.Г., Петрова Л.Г. МЕСТОИМЕНЯ В РОЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	115
Моисеенко О.А., Потехина В.В. РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	122
Моисеенко О.А., Тростянская А. НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	128
Моисеенко О.А., Тулякова Г. ФОРМИРОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ.....	134
Никитина Т.Г. ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ: МАТЕРИАЛЫ М.И. СОКОЛОВОЙ В ПОЛНОМ СЛОВАРЕ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	140
Нью Юйфэн. ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ КОННОТАТИВНОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	149
Обрадович Маша, Дрога М.А. ЗАГОЛОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОЙ ПРЕССЕ.....	154
Петрова Л.Г., Шапоренко Е.Г. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАЛАМБУР И ЕГО ПЕРЕВОД.....	158
Перси Уго. «Я ГЛУБОКО ВЕРЮ В СПАСЕНИЕ... РОССИИ»: РОМАН ЮРИЯ МАМЛЕЕВА «ШАТУНЫ».....	166
Полонский А.В. ТЕКСТ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ.....	174
Присная Л.Л., Литвинова Т.Н. О СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ.....	183
Раюшкина М.Е. ЗАИМСТВОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СУАХИЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)	193

Ромеро Интриаго Д.И. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	197
Свойкина Л.Ф., Сяо И. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	202
Сиярто Жофия Пирошка, Петрова Л.Г. СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	210
Супрун А.Г. МЕСТО ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	214
Фуникова С.В., Цуй Яосиньянь. ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ТОПОНИМОВ Г. БЕЛГОРОДА.....	218
Чжао Пэнбо. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	223
Чыонг Тхи Кам Ми. Научн. рук.: Петрова Л.Г. РАССКАЗЫ А.П. ЧЕХОВА «ДОРОГИЕ УРОКИ» И «ЗИНОЧКА»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	227
Шевченко Н.Н. Научн. рук.: Петрова Л.Г. РУССКИЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДМЕТА, ИСХОДНЫЙ И КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ ДВИЖЕНИЯ, И ИХ АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ	231
Яковлева Е. С. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЗООНИМА «ВОРОБЕЙ» В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	236
Яковлева Е. С. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЗООНИМА КАК КЛЮЧ К ФОРМИРОВАНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМА	240

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАМЕРУНА

Ю.С. Блажевич,

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, Белгород

В статье рассматриваются основные источники лексических заимствований территориального варианта английского языка Камеруна. Обсуждаются причины и последствия данного процесса. Наиболее часто употребляемые заимствования распределены в лексико-семантические группы в соответствии со сферами социальной жизни, в которой они используются.

Ключевые слова: французский, английский, камерунские языки, языковой контакт, заимствование, пиджин

The main donors of lexical borrowings for the territorial variant of English in Cameroon are considered in the article. The extralinguistic reasons and the outcomes of this process are discussed. The most frequently used loans are classified into lexico-semantic groups according to the social domains they serve.

Keywords: French, English, Cameroonian languages, language contact, borrowing, pidgin.

В Камеруне сложилась уникальная ситуация многоязычия (более 250 языков), при которой официальными являются два импортированных европейских языка (английский и французский), монополизовавшие наиболее престижные сферы жизни государства. Местные камерунские языки фактически исключены из политической, административной и социально-экономической сферы обслуживания в основном семейно-бытовую сферу. При этом их использование осуществляется, как правило, в пределах пространственно-территориального размещения этноязыковых общностей, говорящих на этих языках (исключение составляют некоторые языки межэтнического общения и камерунский креольский язык «пиджин-инглиш», способные выполнять роль лингва франка на значительных территориях).

Основными источниками или «донорами» лексики для английского языка Камеруна являются французский язык и камерунский контактный язык «пиджин-инглиш» (через который заимствуется лексика из камерунских языков).

Исторически сложилось, что из десяти регионов Камеруна лишь два англоязычны, а крупнейшие города Яунде (столица) и Дуала (важнейший экономический центр) находятся в зоне франкофонии. По причине численного преобладания франкофонов, на французском языке проходят обсуждения в Парламенте Камеруна [1: 35-36]. В армии рабочим языком также является французский. Документооборот в республике ведется на обоих языках, но чаще документация составляется на французском языке, а в дальнейшем переводится на английский. Французский язык также главенствует в СМИ. В конкурентной борьбе между английским и французским языками последний постепенно берет верх, фактически выдавливая английский язык из законодательно закрепленных сфер. Именно поэтому заимствования, относящиеся к политической, экономической и социальной сферам, являются самыми многочисленными в английском языке Камеруна. Приведем некоторые примеры:

Политическая сфера:

greffier вместо «courtclerk» – секретарь суда;

commissaire divisionnaire вместо «senior superintendent» – зав. отделением;

procureur вместо «public prosecutor» – прокурор;

adjutant-chef – воинское звание во Франции; старшина;

commandant – начальник жандармерии;

arrêté – вместо «decree» – постановление, решение;

Экономическая сфера:

decharger (afile) – забрать документ из офиса или отдела;

bordereau вместо «mailenclosureslip» – уведомление;

bon de caisse вместо «pay voucher» – кассовый ордер;

cahier вместо «folder» – папка, дело;

vignette вместо «roadtaxdisc» – наклейка об оплате налога на транспортное средство;

credit foncier – «estate bank» – государственный банк.

Социальная сфера (социальная защита, образование, медицина):

accoucheur вместо «mid-wife» – акушер;

concours вместо «competitive examination» – вступительный экзамен;

BP (аббревиатура BoîtePostale) вместо «POBox» – абонентский ящик;

mandat вместо «post office money order» – почтовый перевод;

fiche de renseignement вместо «information sheet» – информационный лист

[2: 85; 3: 125-131].

Использование французской лексики, относящейся к данной группе, помогает избежать двусмысленностей и недопонимания при обсуждении важных житейских или государственных вопросов между англоязычными и франкоязычными говорящими (например, в ходе судебного процесса). При переводе документов с французского языка на английский проникают кальки (т.е. буквальный перевод). Заимствованная лексика, которая постоянно на слуху, не воспринимается англофонами как инородная и полностью заменяет исконно английскую. В этом случае экономятся речевые усилия коммуникантов, поскольку французский эквивалент может оказаться более коротким и емким. О доминирующем положении французского языка в Камеруне также можно судить по тому факту, что английский язык заимствует из французского намного интенсивнее, чем французский из английского.

Из местных камерунских языков в английский язык заимствуются главным образом лексические единицы, обозначающие природные явления, предметы и виды деятельности, а также объекты и явления социокультурной жизни, относящиеся в основном к лакунарным понятиям. Важно отметить, что чаще всего проникают эти единицы не напрямую, как во французский язык, а опосредованно через пиджин-инглиш.

Наиболее распространенная заимствованная лексика из африканских языков относится к таким лексико-семантическим группам, как «традиционные объекты и виды деятельности». Приведем некоторые примеры:

Традиционные титулы и обращения, номинации людей:

fon (ламнсо) – обращение к вождю;

nwerong (ламнсо) – обращение к знати;

mbanya (баса) – женщина, которая является одной из нескольких жен;

ashia (один из камерунских языков) – выражение приветствия, а иногда и сочувствия;

mbombo (баса) – брат; близкий друг;

ntchinda (один из камерунских языков) – слуга;

tchango (банту) – два мужчины, женатых на двух сестрах;

Культура и искусство:

ambasibé (дуала) – жанр музыки и стиль танца дуала;

assiko (баса) – жанр музыки и стиль танца баса;

bikutsi (эвондо, булу) – жанр музыки и стиль танца бети;

bol (булу) – название стиля музыки и танца;

bolobo (дуала) – традиционный танец в Прибрежном регионе;

takossa (дуала) – популярный жанр музыки и стиль танца дуала;

tangambeu (багангте) – жанр музыки и стиль танца Западного региона;

Жилище, предметы обихода, традиционная одежда:

aba (эвондо, булу) – дом или заведение для мужчин;

évou (эвондо, булу) – колдовство;

famla (гомала) – колдовство (от названия тайного общества в местах проживания народа бамилеке);

gandoura (фульфульде) – мужское платье;

samara (хауса) – кожаные сандалии, которые изготавливают в Северном Камеруне [4: 24-27].

Эти заимствования очень важны для поддержания коммуникативной функции. С одной стороны, решается важнейшая проблема номинации лакунарных понятий, с другой стороны, экономятся речевые усилия

коммуникантов, благодаря тому, что используется точное слово вместо иносказательных объяснений какого-либо понятия (например, если в английском языке нет односложного эквивалента). Иными словами, языковая реальность камерунских автохтонных языков переносится в английский язык, чтобы заполнить образовавшийся там «вакуум» металингвистической природы. Этот же процесс происходит с разной степенью интенсивности между всеми языками в Камеруне.

Литература

1. Rosendal, T. Multilingual Cameroon Policy, Practice, Problems and Solutions [Текст] / T. Rosendal // Gothenburg Africana Informal Series, 2008. – №7. – p.65.
2. Nkwain, J. Does Language Contact Necessarily Engender Conflict? The Case of Cameroonian Quadrilingualism [Текст] / J. Nkwain // Linguistik online, 2010. – №3, Bd. 43. – P.82-98.
3. Anchimbe, E. Cameroon English: Authenticity, Ecology and Evolution [Текст] / E. Anchimbe. – Frankfurt a. M.: «Peter Lang», 2006. –p.231.
4. Багана, Ж., Блажевич, Ю.С., Кусова, Е.Л. Заимствования из местных языков в территориальном варианте французского языка в Камеруне [Текст] / Ж. Багана, Ю.С. Блажевич, Е.Л. Кусова // Научные Ведомости БелГУ, серия: Гуманитарные науки, 2017. – №21 (270). – вып.35.– С.21-28.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НИГЕРИИ

Т.Г. Волошина,

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, Белгород

В статье рассматриваются особенности демографической ситуации в современной Нигерии. Автор анализирует этническое разнообразие одной из наиболее густозаселенной страны Африки и выделяет ее полилингвистические особенности. Исследуя этническое разнообразие групп, автор приходит к выводу о самобытности развития народностей Нигерии в силу разнообразия религиозных верования, языковых групп, системы культов различных народностей.

Ключевые слова: демографическая ситуация, Нигерия, этнос, полилингвистические особенности, взаимосвязь.

The article deals with the peculiarities of demographic situation in modern Nigeria. The author analyses ethnic groups' varieties of the most densely populated

countries of Africa, stressing its polilinguistic peculiarities. While investigating the process of ethnic groups variations in Nigeria the author comes to the conclusion of integral part in religious, language and cult system of Nigeria's people.

Keywords: *demographic situation, Nigeria, ethnic group, polilinguistic peculiarities, interaction.*

Нигерия – одна из крупнейших и одна из самых интересных стран африканского континента. Коренное население Нигерии – это около 250 народностей, именно такое этническое разнообразие и привлекает в эту страну основную массу туристов. Эта страна является самой крупной по численности населения страна африканского континента и принадлежит к числу десяти наиболее населенных государств мира. Высокая плотность населения характерна для юго-восточных штатов.

Нигерия является полиэтническим государством и насчитывает более 250 народностей и этнических групп. Наиболее крупными из них являются *хауса-фулани* (29%), *йоруба* (21%), *игбо* (игбо – 18%), *иджо* (10%), *ибидио* (3,5%), *тив* (2,5%), *бини* и др. *Хауса-фулани, йоруба и игбо* составляют около 70% населения. *Хауса* – наследники древних северонигерийских цивилизаций (раннефеодальные государства Зария, Кано, Кацина и др.) [1: 19]. Их язык – самый распространенный в странах Западной Африки. *Йоруба* одними из первых в Нигерии начали развивать связи с Западом, который в значительной мере повлиял на их культуру и систему ценностей. *Йоруба* составляют большинство в среднем классе страны, а также среди образованных нигерийцев. Продолжаются интенсивные процессы этнической консолидации и интеграции. Насчитывается около 400 местных языков и наречий, наиболее распространены языки *хауса, йоруба, игбо*. В условиях этнической пестроты населения страны официальным языком продолжает оставаться английский язык.

В конце 1990-х в стране обострились этнические и конфессиональные противоречия, в 1999г. имели место столкновения между представителями

этнических групп *ицекири, урхобо и иджау*, в результате которых погибли около 200 человек [2: 64].

Эта крупнейшая страна Африки является федеративной республикой, расположенной в экваториальном поясе материка. Климат территории страны отличается высокой влажностью, а также среднегодовыми температурными показателями.

Страна является одной из самых густозаселенных в Африке, причем численность населения Нигерии стремительно возрастает ежегодно. Нигерия – многонациональная и полилингвистическая страна, даже в соседних селениях здесь могут говорить на различных местных наречиях. Для Нигерии характерно также и религиозное многообразие. Так, около 40 % населения страны считают себя мусульманами, 40 % – христианами, и еще 20 % являются приверженцами различных местных верований [3: 34].

Демографическая ситуация этой страны отличается высокими показателями смертности, но в то же время для Нигерии характерны и очень высокие показатели рождаемости, как результат этого – динамика численности жителей является стабильно позитивной. Ежегодно население Нигерии увеличивается в среднем на один миллион человек, каждый день в стране рождается около 9000 младенцев [3: 35].

Демографическая ситуация в Нигерии осложнена целым рядом острых и актуальных проблем. Так, для страны типичны высокие показатели детской, а также материнской смертности, согласно данным статистики, около 5-6 процентов населения Нигерии заражено вирусом ВИЧ, средняя продолжительность жизни в стране невысокая и составляет 47 лет. Одним из показателей, которые определяют экономическое благосостояние страны, является размер валового внутреннего продукта (ВВП на душу населения). Нигерия в рейтинге стран по данному показателю занимает не самые худшие позиции, так, по состоянию на 2017 год, ВВП на душу населения здесь составляет около 900 долларов США, для стран

Африки это довольно высокий показатель. Здесь стоит напомнить, что экономика государства основана на нефтяной промышленности.

Средняя густота населения Нигерии составляет 188 человек/км, это достаточно высокий показатель не только для Африки, но и для всего мира. Плотность населения Нигерии очень отличается по регионам страны, так, максимальные её показатели характерны для так называемых приморских штатов, которые имеют выход к океану. Для сравнения: в штате Тараба, который расположен в глубине страны, плотность населения составляет около 40 человек/км, а вот в штате Лагос на побережье Гвинейского залива этот показатель превышает 2000 человек/км [4: 138].

В целом, весь юго-восток Нигерии отличается высокой плотностью заселения. В юго-западной части страны она несколько ниже, а северные и центральные штаты отличаются крайне низкой степенью заселенности. Единственным исключением на севере страны можно считать штат Кано, где плотность населения в отдельных районах достигает 600 человек/км. Полоса самой слабой заселенности земель в Нигерии начинается от штата Квара, проходит по долине реки Нигер и заканчивается на территории штата Борно.

Население Нигерии, большей частью, проживает в сельских населенных пунктах, горожане составляют около 40 процентов. Лидерами по уровню урбанизации остаются штаты в юго-западной части Нигерии, к основным и самым крупным городам государства относятся Абуджа, Лагос, Абекута, Ибадан, Зария, Иво, Кано и другие.

На территории Нигерии насчитывается не менее 250 этнических групп, каждая из которых сохранила свое наречие и культурные традиции. Однако наиболее численными являются лишь десять из них. В северных штатах Нигерии это народы фульбе, тив, хауса и канури. Представители народа хауса отличаются воинственностью, а вот фульбе, наоборот, весьма либерален и консервативен.

Почти все представители этих народностей исповедуют ислам, кроме тив, которые считают себя христианами.

В восточной части страны проживают другие этносы, в основном это ибо, иджо и ибибио-эфик, все они проживают в маленьких деревнях, во главе которых стоят свои старейшины. Интересен и такой народ Нигерии, как йоруба, который сумел сберечь свои традиции, народную музыку и яркие религиозные обряды [5: 166].

Кроме христианства и ислама, на территории Нигерии также распространены многочисленные местные верования и религии. Среди них – фетишизм, анимализм и культ предков. Самым интересным и самобытным религиозным верованием в Нигерии является система культов народа йоруба. Приверженцы ислама концентрируются, как правило, в северных регионах страны, а христиане – в южных, а также восточных. Современная религиозная картина страны характеризуется довольно острой конкуренцией между этими двумя конфессиями [2: 23].

Таким образом, Нигерия относится к числу самых густозаселенных стран на планете. На африканском континенте эта страна – абсолютный лидер по количеству жителей. Население Нигерии на сегодняшний день составляет свыше 170 миллионов человек и продолжает увеличиваться. Нигерия – государство, для которого характерно значительное языковое, этническое и религиозное разнообразие.

Литература

1. Бакаре И.А. Международные усилия в борьбе с «Боко Харам»: роль ЭКОВАС // Современная научная мысль. – 2016. – № 6. – С. 117-122; Bakare I.A. International efforts in fighting Boko Haram: United Nations and African Union as case study // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 5. – С.17-20.

2. Гевелинг С.В. Клептография. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Издательство «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001. – 590с.

3. Крутов А.А. Движение за освобождение Дельты Нигера: конфликт на юге Нигерии // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 9. – С.31-36.
4. Albert I.O. Ethnic and Religious Conflicts in Kano // Community Conflicts in Nigeria: Management, Resolution and Transformation. Ed. by Otite O., Albert I.O. – Abuja, Spectrum Books. – P.274-309. 101 Uchendu E. Religion and Nation-Building in Nigeria // Nigeria Heritage. – 2004. – 13. – P. 132-144.
5. Onuoha F. Boko Haram and the Evolving Salafi Jihadist Threat in Nigeria / Boko Haram: Islamism, Politics Security and the State in Nigeria. Ed. by Perouse de Montclos M.-A. – African Studies Centre, Institut Français de Recherche en Afrique, 2014. – P.166.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В НИГЕРИИ

Т.Г. Волошина,

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются особенности языковой политики в Нигерии. Автор анализирует этническое разнообразие одной из наиболее густозаселенной страны Африки и рассматривает лингвистические особенности национального языка. Ссылаясь на социолингвистическую ситуацию в стране, в работе выделяются основные факторы, повлиявшие на качество основного средства общения – пиджин – инглиш.

Ключевые слова: демографическая ситуация, Нигерия, этнос, полилингвистические особенности, взаимосвязь, языковая политика.

The article deals with the peculiarities of demographic situation in modern Nigeria. The author analyses ethnic groups' varieties of the most densely populated countries of Africa, stressing its polilinguistic peculiarities. While investigating the process of ethnic groups variations in Nigeria the author comes to the conclusion of integral part in religious, language and cult system of Nigeria's people.

Keywords: demographic situation, Nigeria, ethnic group, polilinguistic peculiarities, interaction, language policy.

На сегодняшний день английский язык является официальным языком в большинстве африканских государств, являющихся бывшими колониями Великобритании, и используется как средство межэтнического общения, так и для международных контактов.

Английский язык является официальным языком в крупнейшей по численности населения стране Африки и одной из крупнейших стран мира –

Федеративной Республике Нигерии. Известно, что каждый седьмой житель африканского континента является нигерийцем.

Этнический состав населения страны отличается чрезвычайной сложностью: в Нигерии проживают более 250 этнических групп, представители которых говорят на 521 языке [1: 113].

Путь исторического развития некоторых народов Нигерии насчитывает тысячелетия, страна богата не только природными ресурсами, но и древними культурными традициями ее народов. Необходимо отметить, что 36 нигерийских штатов неоднородны по своему этническому составу: многие штаты полиэтничны, некоторые штаты населены представителями одной этнической общности (моноэтничны).

Неудивительно, что лингвистическая ситуация в стране весьма сложная, официальным языком согласно конституции является английский язык, язык этнически не закрепленный ни за одной общественной группой.

В Нигерии культурная и языковая ситуация в целом является характерной для западноафриканского региона, однако в Нигерии в отличие от, например, Ганы, большее распространение имеет *пиджин-инглиш*, являющийся устойчивым средством межэтнического общения. Нигерийские языки достаточно неоднородно употребляются их носителями: существуют языки, на которых говорит лишь несколько тысяч человек, однако вместе с этим, есть и языки, на которых говорят несколько миллионов. Лидирующую роль занимают три крупнейших языка не только в Нигерии, но и во всей Западной Африке: *хауса*, *йору-ба*, *игбо*, используемые половиной населения страны [1: 64].

Данные языки являются ведущими в трех регионах страны – Северном, Западном и Восточном. Следует отметить, что, если штаты в Нигерии были образованы с учетом традиционно сложившихся историко-культурных и этнолингвистических общностей, этнолингвистическая карта страны гораздо

сложнее, чем политико-административная. Этноязыковая ситуация в Нигерии отличается разнообразием и гетерогенностью.

Языки Нигерии входят в три из четырех крупных семей, на которые делятся языки континента: *африкано-азиатскую, нигеро-кордофанскую и нилосахарскую*. В Нигерии отсутствует койсанская семья языков [2: 33].

В стране отмечается большая диспропорция между «импортированными» и автохтонными языками. Благодаря работе, проводимой христианскими миссионерами, осуществлялись первые попытки создания нормативных грамматик и словарей африканских языков и их внедрение в систему школьного образования в колониальный период.

К периоду наступления независимости лишь некоторые африканские языки, например, *хауса*, имели достаточную степень кодификации, позволявшую использовать их в школьном обучении и в СМИ. Есть основания полагать, что характер колониальной политики Франции (прямой) и Англии (косвенный) в области языка и культуры имел ключевые моменты: во французских колониях типичным было стремление ограничить использование местных языков только сферой устного бытового общения с внедрением в более высокие сферы французского языка. Местная образованная прослойка элиты стимулировалась к дальнейшей галлизации. В свою очередь, в английских колониях можно было проследить тенденция распределения функций между местными языками и английским; христианские миссионеры проводили работу по модернизации наиболее значимых местных языков, также осуществлялись переводы Библии на многие местные языки [2: 34].

В англоязычной зоне распространение получили *пиджины* на базе английского языка, и наблюдалось отсутствие этого явления во французской зоне. В значительной степени на социолингвистическую ситуацию в Нигерии повлияла урбанизация. Она характерна для городов современного европейского типа, появившихся, главным образом, на побережье Африки.

Особенностью этих городов является пестрота этнического состава, изменчивое разноязычие и, как следствие, распространение в качестве городских койне пиджинов или европейских языков.

Таковыми же современными урбанистическими центрами являются крупные плантации, куда съезжаются большие контингенты сезонных рабочих различной этноязыковой принадлежности. Именно эти области становятся родиной пиджина, откуда он вместе с сезонными мигрантами проникает вглубь страны.

На социолингвистическую ситуацию оказала влияние внешняя миграция. После отмены рабства произошла реиммиграция бывших рабов из Нового Света, и как следствие, в стране появились значительные группы детрибализованного населения, использовавшего в качестве основного средства общения *пиджин-инглиш* и тем самым способствовавшего его распространению в Африке в качестве средства межэтнического общения. В местах большого скопления этих детрибализованных групп начинался процесс креолизации пиджина.

Внутренняя миграция также способствует размыванию этноязыковых границ и распространению различных средств межэтнического общения. На уровне семейно-бытового общения создается основа для распространения английского языка или пиджина. В патриархальной семье сохраняются сложившиеся в коммуникативной среде этноязыковые традиции; однако в семье нуклеарного типа с современным укладом жизни создается основа для распространения пиджинов и английского языка.

Эти процессы характерны в случае смешанных браков и проживания таких семей в этнически чуждом и разнородном окружении, что наблюдается, в основном, в городах. Необходимо отметить влияние религиозного фактора на состояние социо-лингвистической ситуации в стране – распространение христианства, которое способствовало расширению функций европейских языков в Африке и повышению их престижа, особенно среди обращенного в христианство местного населения. Локальные же традиционные автохтонные

культы, особенно культ предков, способствовали закреплению архаичных форм в языках, обслуживающих эти культы.

Среди культурных факторов, повлиявших на социолингвистическую ситуацию в стране, является наличие у этносов устной эпической традиции. Деятельность народных сказителей, которые не связаны с узкими этнолокальными группами, обслуживающими большие ареалы, оказала влияние на выработку наддиалектных норм в языке фольклора. Следует также учитывать, что существенное место в духовной жизни этносов занимают традиционные ритуалы. Распространенные в основном в деревнях ритуалы сопровождаются каноническими речевыми формулами и образуют замкнутую сферу символической коммуникации, доступную только для локального этноса.

Английский язык, являясь официальным языком, доминирует практически во всех сферах: органах исполнительной и законодательной власти, образовании, в судебной системе, в СМИ. Такая политика «языковой гегемонии» вызывает большое недовольство в стране. Английский язык является языком общения 20% элиты страны. Как правило, в семьях, в которых родители получили университетское образование, разговаривают на английском языке [4: 166].

Многочисленные примеры из произведений нигерийской художественной литературы дают основание сделать вывод, что родным языком в семье «пользуется» старшее поколение, а детям позволяют говорить только на английском. Согласно исследованиям лингвистов, 50% детей не знают своего языка. По данным ЮНЕСКО, через 50 лет такой развитый язык, как игбо, на котором говорят десятки миллионов человек, может исчезнуть.

В Нигерии существует как этническая, так и языковая иерархия. Языки имеют различный официальный, социальный и образовательный статус. Существуют три уровня языков: 1) федеральные языки (хауса, йоруба, игбо); 2) языки штатов (канури, ибибио, эфик, эдо и др.), которые правительства штатов объявляют официальными; 3) языки малочисленных этнических групп, которые

используются местными властями в небольших поселениях. Принимая во внимание крайне сложную этнополитическую ситуацию в Нигерии, многие общественные и политические деятели, представители интеллигенции считают необходимым признание в качестве официального языка английский, поскольку выбор в качестве африканского любого из трех крупнейших местных языков – хауса, игбо, йоруба – привел бы к межэтническим конфликтам [3: 133].

Таким образом, на современном этапе развития языковой ситуации в Нигерии, английский язык получил статус официального языка в сфере политики, экономики, бизнеса, культуры. На нигерийском пиджине выходят различные радиопрограммы, печатаются афиши, плакаты, объявления. Нигерийские литераторы используют пиджин в своих произведениях, главным образом, для индивидуальной характеристики персонажей. В последнее время появились толковые словари, поясняющие на английском языке значение слов из пиджина. В соответствии с политикой в области образования обучение в начальной школе ведется на родном языке, а в средней школе и в университетах на английском.

Литература

1. Гевелинг С.В. Клептография. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Издательство «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001. – 590с.
2. Крутов А.А. Движение за освобождение Дельты Нигера: конфликт на юге Нигерии // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 9. – С.31-36.
3. Albert I.O. Ethnic and Religious Conflicts in Kano // Community Conflicts in Nigeria: Management, Resolution and Transformation. Ed. by Otite O., Albert I.O. – Abuja, Spectrum Books. – P.274-309. 101 Uchendu E. Religion and Nation-Building in Nigeria // Nigeria Heritage. – 2004. – 13. – P. 132-144.
4. Onuoha F. Boko Haram and the Evolving Salafi Jihadist Threat in Nigeria / Boko Haram: Islamism, Politics Security and the State in Nigeria. Ed. by Perouse de Montclos M.-A. – African Studies Centre, Institut Français de Recherche en Afrique, 2014. – P.166.

ДЕЛОВОЙ ТУРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В.Г. Глушкова,

кандидат филологических наук, доцент

Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

Деловой туризм играет сегодня важнейшую роль в развитии национальных экономик, содействует интеграции мирового рынка и культур. В статье деловой туризм рассматривается как самостоятельная ресурсобразующая форма туризма, как одно из важнейших условий успешного бизнеса, как способ социальной репрезентации личности, как особая форма доставляющей удовольствие поездке.

Ключевые слова: деловой туризм, путешествие, культура, поездка, познавательная практика.

Business tourism plays an important role in the development of national economies and contributes to the integration of the world market and cultures. In the article business tourism is considered as an independent resource-forming form of tourism, as one of the most important conditions for successful business, as a mode of social representation of the person, as a special form of a fun trip.

Keywords: Business tourism, travel, culture, traveling, educational practice.

Путешествие с целью решения не только важных экономических или политических задач, но и окрашенного эмоцией узнавания новых миров имеет солидный «возраст» и «биографию». Достаточно вспомнить средневековые арабские сказки, описывающие путешествия купца Синдбада-морехода: «Давно-давно жил в городе Багдаде купец, которого звали Синдбад. У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям. Капитаны кораблей, возвращаясь из путешествий, рассказывали Синдбаду удивительные истории о своих приключениях и о далеких странах, где они побывали. Синдбад слушал их рассказы, и ему все больше и больше хотелось своими глазами увидеть чудеса и диковины чужих стран. И вот он решил поехать в далекое путешествие...». Безусловно, мы найдем и многие другие дерзновенные поступки человека, обусловленные необходимостью решения актуальных задач и желанием отправиться в путь, чтобы увидеть другие земли и узнать других людей. Это путешествия и Марко Поло, и Афанасия Никитина, и Ханса Ульриха Крафта Дерншваля.

Деловой туризм, играющий сегодня важнейшую роль в развитии национальных экономик, содействующий интеграции мирового рынка и культур, как осознанная социальная практика, весомо представленная в современном обществе, явление достаточно молодое [1]. О деловом туризме как о самостоятельной ресурсобразующей форме туризма, как об одном из важнейших условий успешного бизнеса и социальной репрезентации личности, как особой форме доставляющей удовольствие поездке или «прогулке» стали говорить особенно активно в последние годы.

Экспертный анализ показывает, что в настоящее время практически четверть туристских поездок в мире обусловлена служебными целями и на их долю приходится более половины общего оборота туристической индустрии. Среди стран, лидирующих в сфере делового туризма, находятся США, Испания, Франция, Германия, Италия, Великобритания. В последние годы значительную роль в этом процессе начинает играть Китай.

В России деловой туризм как осознанная социальная практика получил свое активное развитие лишь с середины 90-х годов, когда страна ощутила не только потребность, но и реальную возможность расширения международного сотрудничества. Россия занимает пока достаточно скромное место в предложении услуг, связанных с въездным деловым туризмом (здесь выделяются только города Москва, Санкт-Петербург и Сочи, в которых доля въездного делового туризма, как говорят эксперты, выше культурно-познавательного туризма), однако выездной деловой туризм в России используется сегодня достаточно широко. Он постепенно набирает силы, поскольку все более и более осознается не только как эффективная ресурсобразующая практика, как форма решения профессиональных задач в сфере маркетинговых коммуникаций, но и как доставляющая удовольствие познавательная практика.

Электронные средства массовой информации (Интернет-ресурсы, форумы, онлайн конференции), особенно активно развивающиеся в последние годы, стимулировали развитие деловых поездок.

Деловой туризм – форма ресурсообразующей поездки, нацеленной на получение и обмен информацией, установление связей с новыми партнерами, формулирование новых совместных проектов, выявление новых рынков, социальное продвижение, укрепление корпоративной культуры и т.п., но это и форма познания. Выездные мероприятия (школы, семинары, конгрессы, форумы, тренинги и т.п.) – эффективная возможность совместить установление деловых связей и укрепление корпоративного духа с освоением и эмоциональным переживанием пространства, открывающегося деловому человеку по определенному плану, в соответствии с его целевыми установками и социально-психологическим статусом. В качестве примера можно привести «Отчет: Санкт-Петербург в феврале» А.В. Новака: *«Командировка в Питер предполагалась вначале на неделю, но в итоге ограничилась двумя днями. Вырваться со службы и сменить обстановку хотя бы на пару дней представлялось перспективой достаточно заманчивой, тем более что в Санкт-Петербурге я не был никогда (в Ленинграде последний раз - лет двадцать тому назад).*

Узнав об этом обстоятельстве, многие знакомые очень удивлялись: как же так? Приходилось терпеливо объяснять каждому, что когда (изредка) получаешь отпуск, то за свои деньги путешествие выбираешь всё-таки не в Питер, а в Испанию, Турцию (и т.д.) – там теплее, а с командировками в Санкт-Петербург у меня в истекшие годы как-то не складывалось. Тем более, что в Ленинграде я когда-то неделями обитал, так что ничего принципиально нового в городе этом (да и в пригородах его) меня не ожидало» (http://turizm.lib.ru/n/nowak_anatolij_wladimirowich/sanct-petersburg.shtml).

Деловой туризм, безусловно, не претендует на статус полномасштабного путешествия [4, с. 72] – динамической метафоры свободного выбора. Деловая

поездка всегда предполагает наличие заранее продуманного плана, который затем поэтапно реализуется. Этим объясняется практически отсутствие или минимализация случайных «поворотов» или «остановок». Продуманная, грамотно спланированная деловая поездка, в которой все факторы, способные качественно изменить ситуацию, имеет максимальный ресурсообразующий эффект.

Особенностью делового туризма является то, что новые знания (географические, культурно-исторические, этнографические и др.) и запоминающиеся впечатления становятся эффективным фоном для делового общения, на что и обращают внимание предлагающие данную услугу туристические фирмы: *«Пушкинские Горы: яркие впечатления и новые знания. ... Центр повышения квалификации... проведет выездной осенний семинар «Новое в бухгалтерском учете, налогообложении и финансовой отчетности». Впервые выездной семинар состоится в удивительном по красоте и атмосфере поселке-заповеднике Пушкинские Горы. Этот поселок расположен в 120 километрах к юго-востоку от Пскова, на невысоких холмах, окруженных сосновым лесом. Когда-то это место называлось Святые Горы. Название связано с расположенным здесь Святогорским монастырем, который издревле входил в ряд самых почитаемых монастырей на Руси. С XIX века эта обитель неразрывно связана с именем А.С.Пушкина. Живя в Михайловском, поэт часто бывал в монастыре.*

У участников семинара появится уникальная возможность не только обсудить актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения, но и посетить экскурсии в Псковский кремль, Псково-Печорский Успенский монастырь, заповедник «Михайловское» – усадьбу Ганнибалов-Пушкиных..., а также побывать на могиле А.С. Пушкина...» (<http://www.4dk.ru/process/news/subjects/events/1117/>).

Деловой туризм менее других видов туризма связан непосредственно с тем или иным сезоном, хотя тенденции предпочтения, думается, здесь можно обнаружить: зачастую он стремится захватить и часть того периода, который традиционно предназначен исключительно для отдыха – длинные выходные, праздники, а также время отпуска и каникул. *«Вы не знаете, как отпраздновать новый год со своими коллегами или друзьями? Приезжайте в Карелию! Вас ждет катание на снегоходах, банька, шашлычок с карельским бальзамом на природе, праздничный стол с блюдами национальной кухни и фееричная развлекательная программа на банкете с танцами, карельским Дедом Морозом и веселыми аниматорами. Интересная экскурсия по Петрозаводску, на водопад Кивач и в Успенскую церковь познакомит Вас с нашим красивым и удивительным краем!»* (<http://karelia-lines.ru/novyy-god-v-karelii/korporativnyu-novyy-god.html>).

Деловой туризм раздвигает хронологические рамки так называемой «праздной поры», подключая и их к деловым проектам.

Деловой туризм является важной составляющей повышения социального статуса человека и его профессиональной квалификации, поскольку он расширяет познаваемое человеком пространство, расширяет его кругозор, мотивирует саморефлексию и поиск инновационных проектов.

Деловой туризм зачастую сопровождается отдыхом с семьей: *«Организация отдыха или корпоративного тура в замках Испании – это прекрасная возможность не только отдохнуть и провести время с семьей, но и торжественно отметить важное событие в жизни или приобрести необходимые знания и деловые навыки, одновременно наслаждаясь духом старины, прикоснувшись к истории...»*. (<http://www.brigantina21.ru/otdyh/?id=17&type=12&control=country2>).

Деловой туризм – это сфера потребителя услуг, способного оплатить достаточно высокие расходы, поскольку основной «туристический пакет» оплачивается либо организацией, либо самим самостоятельно, но с пониманием того,

что это инвестирование в будущую прибыль. *«Гулкие галереи старинных замков, ужин при свечах, ночь на кровати под балдахином в покоях средневекового замка, ресторан в средневековом стиле или стиле эпохи Возрождения – всё это создает неповторимую ауру отдыха в замках Испании. Из окон комнат-номеров открываются удивительной красоты пейзажи. Расположенные в самых интересных местах Испании, на оживленных туристических перекрестках страны, замки не просто место для отдыха и новых впечатлений. В замках к вашим услугам не только великолепный сервис и экскурсии по близлежащим достопримечательностям, но также и гольф, конный спорт, пешие прогулки по живописным окрестностям и скалолазание. Здесь вы сможете заняться дайвингом и подняться к небу на воздушном шаре или парашуте, а также прокатиться на яхте.*

Любое деловое или торжественное мероприятие обязательно пройдет с успехом» (<http://www.brigantina21.ru/otdyh/?id=17&type=12&control=country2>).

Среди ключевых тенденций современного делового туризма в России можно назвать:

(1) интеллектуализацию деловой поездки, то есть постепенный уход от единственной практики увеселительного времяпрепровождения, что было характерно для постперестроечного периода;

(2) востребованность комбинированных мероприятий, сочетающих в себе обучающие, познавательные и развлекательные программы;

(3) более высокий рейтинг выездных корпоративных мероприятий, в особенности за рубеж (в Турцию, Хорватию, Черногорию, Италию), а также в Москву и Подмосковье, Санкт-Петербург, Сочи;

(4) достаточно молодой возраст участников деловых поездок (от 20-25 лет до 45 лет);

(5) преобладание в деловых поездках мужчин [5].

Социальные сети, в последние годы получившие необыкновенное развитие, обеспечивают формирование сообществ [3] путешественников, объединенных обменом информацией и впечатлениями о той или иной поездке, в том числе имевшей деловой характер. Мотивация этих рассказов может быть, безусловно, разной. Однако рассказ о деловой поездке, сопровождаемый эффектными иллюстрациями и удивительными историями, выполняет, как представляется, прежде всего, функцию демонстрации социального статуса и, соответственно, социального продвижения, конструирования автообраза как преуспевающего и компетентного человека. Этим объясняется тот факт, что рассказ, кроме ожидаемой информации общего характера о нравах и традициях, о быте и стиле жизни, может включать даже специальные (культурно-исторические и профессионально-научные) сведения, которые могут быть неинтересны широкой аудитории.

Таким образом, деловой туризм – это сложное социально-экономическое явление и культурно-познавательная практика, одна из востребованных сегодня форм ресурсообразования, имеющих значительные маркетинговые и социально-культурные перспективы.

Современным обществам предстоит освоить потенциал делового туризма и осмыслить многоаспектность порождаемого им культурного текста.

Литература

1. Биржаков М.В. Введение в туризм. СПб: «Издат. дом Герда», 2003.
2. Боголюбов В.С. Экономика туризма. М., 2007.
3. Полонский А.В. Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // Медиалингвистика Материалы II Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.А. Малышев. 2017. С. 329-331.
4. Путешествие // Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 15. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – С. 72.
5. Растегаева Т.Е., Чуваткин П.П. Пути развития делового туризма в России // Вестник СГУТиКД. 2011. № 4 (18). С. 72 – 76.

**ОСВЕЩЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СМИ ОПЫТА МЕЖКУЛЬТУРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ:
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, 2016 - 2017 ГГ.)**

С.А. Губина,

магистрант факультета журналистики

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

А.В. Полонский

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В статье рассматривается влияние региональных печатных СМИ на развитие межкультурного диалога города Белгорода, анализируются конкретные примеры и материалы, опубликованные в период 2016-2017 гг. Исследование опирается также на опрос редакторов печатных СМИ Белгородской области о развитии и проблемах межкультурного диалога Белгорода. В статье делаются выводы о важнейшей роли печатных СМИ региона в сохранении межкультурного диалога в период осложнённой международной обстановки.

Ключевые слова: межкультурный диалог, города-побратимы, региональные СМИ, печатные СМИ.

The article is devoted to the influence of the print media to the development of the intercultural dialogue of Belgorod, examples and papers released in 2016-2017 are being analyzed. The research is based on the interview of the editors of the regional print media about the development and problems of the inter-cultural dialogue. Conclusions about the most important role of the print media to preserve the intercultural dialogue at the period of the complicated international situation are made in the article.

Keywords: inter-cultural dialogue, twin-cities, regional media, print media.

В условиях бурно развивающейся глобализации возрастает роль средств массовой информации как проводников межкультурного диалога. С позиции сохранения диалога интересно рассмотреть именно региональные СМИ, которые, находясь в общем русле федеральной информационной повестки, всё же находят возможности и форматы для продолжения сложившегося межкультурного диалога.

Межкультурный диалог совершается ежедневно и ежечасно и представляет собой непрерывный процесс. Мы, как правило, не осознаём этого, а замечаем лишь тогда, когда сами становимся непосредственными участниками диалога или

когда о нём говорят ведущие новостных программ телевидения и радио, обозреватели печатных и интернет-изданий.

СМИ играют важнейшую роль в межкультурном диалоге начала XXI века. В эпоху ускоряющегося информационного обмена и меняющихся внешнеполитических условий на первый план выходит медийная среда, в которой осуществляется и развивается диалог, поскольку о стране и её культуре зачастую судят по тому, какой медиаобраз складывается в СМИ. Медиакратия – не только политологический образ, подчёркивает К. Косачёв, председатель Комитета Совета Федерации по международным делам. Влияние некоторых медиаконцернов и газет гораздо больше влияния отдельных государств. Они задают интерес к стране (или напрочь стирают ее из актуального контекста), формируют (или обрушают) имидж [1].

Масс-медиа формируют картину мира современного человека – его ценности, концепты и стереотипы, поэтому в контексте их деятельности диалог культур предстаёт как процесс «взаимовоздействия» различных картин мира, воплощённых в текстах СМИ [2].

Диалог культур происходит на разных уровнях. На федеральном – это взаимодействие на уровне дипломатических представительств, межгосударственных контактов, на региональном и местном – образовательный, культурный обмен, туризм, совместные мероприятия, народная дипломатия. Возможно и перекрещивание уровней взаимодействия – поскольку межкультурный диалог постоянно углубляется и приобретает новые формы. Всё это отражено в печатных СМИ, хранящих свидетельства дружбы города и его жителей с представителями других культур. Наглядно мы это можем увидеть на примере Белгорода.

С 1968 г. Белгород открыл для себя эпоху побратимских отношений, когда состоялись первые обмены делегациями с польским городом Ополе. В 70-е–80-е годы XX века областная газета «Белгородская правда» сообщала обо всех

официальных событиях, и, следовательно, о том, как сама сотрудничала в разных форматах с коллективом газеты «Trybuna Opolska»: *«День ото дня крепнет дружба между Белгородом и польским городом-побратимом Ополе»*. (1970); *«30 лет исполнилось Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ПНР. Белгородцам особенно дорога эта дата, ведь «узы братства» давно и прочно связывают наш край с польским городом Ополе. По сему случаю «Трибуна Опольска» гостит на страницах «Белгородской правды». Вот заголовки статей, которые написали для белгородских читателей журналисты из братской республики: «Первые польские контакты Ульяновых», «То, что больше всего сближает», «Строили вместе», «Благодаря советским друзьям», «Трудовой ритм Ополе»*(1975); *«Редакция «Белгородской правды» и наши коллеги из Ополе, коллектив газеты «Трибуна Опольска», организовали шахматный турнир по переписке между любителями обоих городов»*(1984); *«Частые гости Белгородчины – друзья из польского города-побратима Ополе. Вот и на этот раз делегация, возглавляемая первым секретарем воеводского комитета ПОРП Э. Мрузом, побывала на Белгородском комбинате асбестоцементных изделий, заводе лимонной кислоты и заводе по переработке пищевых отходов»* (1985).

В конце 80-х–90-е «Белгородская правда» продолжила освещать будни польского города-побратима, но уже в русле экономических перемен в нашем государстве. Выдержки из газеты «Trybuna Opolska» теперь касались практики развития предпринимательства: *«Актуальны для кооперативов Белгорода польские методы решения проблем начинающих предпринимателей»* (1989).

С появлением газеты «Наш Белгород» в 1990 г. она становится основным рупором побратимских отношений. Конечно, не с первых дней – в самом начале 90-х важных вопросов в самом городе хватало, – но постепенно газета начинает освещать как официальную хронику визитов, так и рассказывать о совместных культурных и спортивных мероприятиях, даёт зарисовки из жизни Ополе и нового побратима – немецкого Херне. Несомненно, это служит активизации и

укреплению межкультурного диалога: *«Юные танцоры самодеятельного коллектива Дворца пионеров и школьников им. Н.Ф.Ватутина получили приглашение посетить летом будущего года немецкий город-побратим Херне. Его передали белгородским ребятам члены делегации Херне, побывавшие недавно в Белгороде в качестве туристов. Гости, среди которых были учителя, архитекторы, работники торговли, ознакомились с достопримечательностями города»* (1990).

В настоящее время у Белгорода уже есть города-побратимы не только в Польше и Германии, но и в Великобритании, Сербии, на Украине. В то же время в информационном поле Белгородчины уже гораздо больше газет и журналов. Скупые строчки газет превращаются в красочные публикации, помогают понять содержание побратимства. Так, мы узнаём, что попытки заключить соглашение с Нишем длились около 10 лет, и за это время количество неформальных контактов двух городов возросло в десятки раз. Глубину и характер межкультурного диалога городов-побратимов раскрывают также публикации «Белгородских известий» и журнала «А-фишка» (афиша и новости культурного Белгорода): *«Златко, Миряна, Милан, Миленько и ещё дюжина сербских студентов впервые в этом феврале оказались в Белгороде. Они приехали по студенческому обмену, который организовал Международный центр подготовки и повышения квалификации кадров, созданный бывшими студентами, сотрудниками бизнес-инкубатора БГТУ имени В. Г. Шухова.*

В заснеженной России, морозном Белгороде, каким он был ещё совсем недавно, сербам поначалу пришлось нелегко. Они приехали сюда на три недели, и из тёплых 18 градусов по Цельсию резко попали в настоящую русскую зиму. Но быстро освоились: снежки, каток, дни и вечера с белгородскими друзьями превратили их студенческий вояж в Россию в одно из самых тёплых путешествий» («Белгородские известия», 2014).

В период осложнения международной обстановки и снижения количества обменов делегациями печатные СМИ Белгородской области служат сохранению межкультурного диалога. Так, если в 2014-2015 гг. количество официальных визитов белгородцев в города-побратимы Европы равнялось 8, то в 2016-2017 гг. сократилось до 3. На страницах газет и журналов акцент с официальной хроники сместился в сторону народной дипломатии: *«С 27 июня по 2 июля 2017 года в рамках Фестиваля городов-побратимов в Белгороде в выставочном зале «Родина» экспонируется выставка, посвященная Дню города Ополе... За десятилетия сотрудничества городов-побратимов состоялись контакты в области культуры, искусства, библиотечного дела, спорта, туризма и, конечно же, по линии профессиональных обменов. Всё это на протяжении долгих лет способствует плодотворному развитию отношений между нашими городами, а также укреплению дружбы народов.*

Белгородцы всегда с теплотой относились к жителям города Ополе и с большой радостью откликнулись на призыв администрации города организовать выставку экспонатов, которая соберет ретроспективу международных пленэров, народные экспонаты, воспоминания, фотографии. Эта выставка и представлена вниманию жителей и гостей Белгорода в выставочном зале «Родина» («А-фишка», 2017).

В настоящее время тему братской дружбы чаще всего поднимает городская газета «Наш Белгород». Еженедельник «Наш Белгород» подчёркивает важность межкультурного диалога Белгорода: *«В последние выходные марта один из самых известных органистов, белгородец Тимур Халиуллин дал концерт в церкви Святых Апостолов Петра и Павла в городе Херне, побратиме Белгорода. Органист находится с гастролью в Германии в рамках культурного обмена городов-побратимов. Солист Белгородской государственной филармонии впервые посетил немецкий город. «Это замечательная возможность узнать регион*

и представить свои музыкальные навыки для более широкой аудитории», — поделился Тимур» («Наш Белгород», 2017).

Международные отношения представлены на страницах издания особым направлением работы администрации Белгорода, Правительства Белгородской области, партнёров в городах-побратимах: *«Белгород проведёт фестиваль городов-побратимов. Проект, который открылся 24 марта Днём города Ниша и сербской культуры, рассчитан на два года. Каждый из дней, посвящённых тому или иному городу-побратиму Белгорода, будет проходить в уникальном формате.... В музее театра состоялся творческий вечер с участием сербских студентов, руководителей и представителей обществ российско-сербской дружбы, а также сербов, проживающих в Белгороде. А затем артисты театра представили жителям и гостям города спектакль «Сыновья моих братьев» по пьесе современного драматурга Синиши Ковачевича. Перевод выполнила руководитель сербского ресурсного центра БГТУ им. В.Г. Шухова Виктория Ряпухина. («Наш Белгород», 2016); «Белгород посетил гость из города-побратима Херне. Роберт Дреггер известен как общественный деятель, активный участник побратимских отношений между областным центром и немецким Херне. Накануне он встретился с мэром Белгорода Константином Полежаевым. Роберт Дреггер отметил, что был знаком с тремя белгородскими градоначальниками: начиналось партнёрство городов при Георгии Голикове, укреплялись связи при Василии Потрясаеве, продолжал дело сотрудничества и Сергей Боженов. В этот раз в Белгород доктор приехал по приглашению нового мэра Константина Полежаева. «Для Белгорода Херне занимает особое место в списке городов-побратимов. Эта дружба начиналась в непростое время, и за эти годы она значительно окрепла и живёт независимо от всех официальных договоров и соглашений. За эти годы реализованы проекты в области культуры, молодёжи, школьные обмены, выпуск совместных книг. И это всё ваша заслуга, —*

обратился к гостю мэра Белгорода Константин Полежаев» («Наш Белгород», 2016).

Из приведенных выше цитат следует, что СМИ в межкультурном диалоге участвуют не просто как трансляторы информации. Медийное пространство выступает и как катализатор межкультурного диалога, и как живой организм, который «подпитывается» дружескими отношениями, а, получая их энергию, становится сильнее и интереснее. Журналисты сами становятся инициаторами межкультурного диалога, организовывая совместные мероприятия с польскими коллегами. Количество этих связей растёт в геометрической прогрессии. Сами связи становятся крепче и уже не подвластны политическим и конъюнктурным изменениям.

СМИ в межкультурном диалоге выполняют также просветительскую функцию, посредством разрушения стереотипов стирая барьеры между культурами. Как пишет А.В. Полонский, само стремление к диалогу может стать движущей силой преодоления стереотипов. «Выйти за пределы навязываемых языком стереотипов, то есть закрепленных в языке обыденных представлений и знаний о фрагментах реальной действительности, объективированных сознанием этнокультурного сообщества, можно только при наличии диалога культур и готовности к этому диалогу. Именно этот культурологический феномен – столкновения диалога культур – имел в виду Михаил Бахтин, когда утверждал, что все слова для каждого человека делятся на «свои» и «чужие». Чужое заставляет человека философствовать, подталкивая его к новой мысли, поскольку высвечивает новую, до сих пор затемненную сторону предмета. Чужое способствует и осознанию своего» [3; с.20].

Межкультурный диалог российских субъектов с представителями других культур в настоящее время испытывает ряд серьёзных затруднений. Причинами тому являются как внутренние, так и внешние факторы. Осложнение международной обстановки в период с 2014 г. возвестило начало нового этапа

межкультурного диалога России. Сегодня, по выражению К. Косачёва, как никогда важно, чтобы масс-медиа стали мостами, а не барьерами. Межкультурными коммуникаторами, а не судьями, проводниками диалога, а не его цензорами [1].

Необходимо признать, что концепты «мультикультурное общество», «межкультурная коммуникация», «толерантность», «СМИ и культура» вызывают сегодня всё больше вопросов и являются серьёзным поводом для размышлений о миссии и функциях прессы в современных условиях, о роли средств массовой информации в сохранении самобытных культур и согласия в трансформирующихся обществах [4; с. 223].

Опрос редакторов региональных печатных СМИ (газет «Белгородские известия» и «Наш Белгород») показал, что существует чёткая разделённость информационных материалов по тематике межкультурного диалога по двум уровням – региональному и местному. На первом, естественно, выше и возможности освещения, и уровень. Второе – освещение тематики межкультурного диалога сведено к «мероприятийному» формату (фестивали, концерты, акции и т.п.), как на региональном, так и на районном уровне.

Главный редактор газеты «Белгородские известия» Я.Ю. Макаров также считает, что запрос у читателей на тему межкультурного диалога региона всё же существует, «носейчас такое время, что он даже в головах сформирован не до конца (не каждый читатель или зритель, если его спросить, сможет ответить, а что же такое культура в широком смысле и что такое межкультурный диалог)». И резюмирует: «Наша задача – не пичкать людей фестивалями, а дать понять, зачем и как надо жить в общении с другими культурами».

Главный редактор городской газеты «Наш Белгород» А.В. Юдин в своём интервью для настоящего исследования отмечает, что тема межкультурного диалога на страницах изданий поднимается, как правило, в рамках партнёрства Белгорода с городами Европы: Нишем, Ополе, Херне... «Тема достаточно

интересная и важная. Культурная сфера, равно как и прочие гуманитарные, не должны замыкаться в узких рамках. Нужен взаимообмен. Он существует, хотя, может быть не в той мере, в какой бы хотелось».

По общему мнению редакторов необходима специализированная подготовка журналистов – специалистов в области межкультурного диалога – для освещения указанной тематики в региональных СМИ. Эту задачу в Белгородской области решает Белгородский государственный национальный исследовательский университет (магистратура «СМИ и межкультурная коммуникация», факультет журналистики).

Однако, как показывает практика, в редакциях, особенно некрупных СМИ, нет чёткого разделения журналистов по тематикам, а подготовленные белгородским вузом специалисты работают не только в редакциях СМИ. Это, несомненно, большой плюс, поскольку, пополняя ряды специалистов управлений по связям с общественностью, преподавателей журналисты-международники способствуют развитию межкультурного диалога на своих местах.

Роль СМИ в условиях глобализации – заполнять «информационные черные дыры» в межкультурном пространстве, в которых и прячутся все демоны раздоров, тем самым создавать почву для диалога культур [5; с.494]. А.Гербер, главный редактор RW-TV «Русская волна» (Дюссельдорф, Германия), член президиума Международной академии телевидения и радио (IATR) считает, что глобальному миру нужна принципиально новая – не мультипликационная – концепция диалога, концепция «дуэта и хора культур» [5; с.493].

Таким образом, печатные СМИ Белгородской области способствуют развитию межкультурного диалога Белгорода на всех этапах: от установления первых контактов, при подписании соглашений, во время развития связей и даже в сложные периоды, когда количество контактов сокращается. Печатные СМИ помогают поддерживать межкультурный диалог, создавая особое медийное пространство дружбы между городами.

Литература

1. Косачёв К.И. О роли СМИ в формировании имиджа государства и развитии межкультурного диалога URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rol-i-smi-v-formirovanii-imidzha-gosudarstva-i-razvitiimezh/?sphrase_id=5455201
2. Негрышев А.А. О роли СМИ в межкультурной коммуникации (к постановке проблемы) // Международный научно-практический (электронный) журнал INTER-CULTURAL.NET/ выпуск 03/2004. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/133/>
3. Полонский А.В. Во власти языка: стереотипы и вербальные иллюзии / А. В. Полонский; А.В. Полонский// Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометод. контекст : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Белгород, 17-18 мая 2006 г. / Белгор. ун-т потреб. кооперации. – Белгород, 2006. – С. 13-22. - Библиогр.: с. 22.
4. Савинова О.Н. Влияние СМИ на процесс межкультурной коммуникации в современном обществе и подготовка журналистских кадров. Н.Новгород: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, № 4, с. 222-226.
5. Гербер А. Роль СМИ в глобальном диалоге культур, Международные Лихачевские научные чтения/2011 год. «Диалог культур в условиях глобализации»/Материалы секционных заседаний XI Международных Лихачевских научных чтений/Секция 5. Роль СМИ в глобальном диалоге культур URL:<http://www.lihachev.ru/chten/7115/7694/7700/>.

ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОСТАВНЫХ СЛОВАХ-ЗАГОЛОВКАХ

М.А. Дрога,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, г. Белгород

Данная статья посвящена исследованию имени собственного, которое является частью составного наименования. Анализ газетных текстов показал, что имя собственное как компонент составной номинации частотно в заголовках газетных материалов. Собственные имена в этом случае могут являться обозначениями известных людей, великих событий, а также выступать в качестве источника прецедентности.

Ключевые слова: язык газеты, заголовок, имя собственное, прецедентное имя, составные наименования.

This article is devoted to a proper name, which is part of a composite name. Analysis of newspaper texts showed that a proper name as a component of a composite nomination frequency in the headlines of newspaper materials. Proper names can be symbols of famous people, great events, and also act as a source of precedent.

Keywords: *language of Newspapers, title, proper name, precedent name, a composite name.*

В современной ономастике разграничивается несколько видов онимов – антропонимы, зоонимы, топонимы, астрономы, урбонимы, названия событий, кораблей и др. Поскольку основная проблематика массовой коммуникации – это человеческая деятельность, то вполне закономерно, что «здесь ведущее место занимает использование прецедентных антропонимов» [4]. Анализ заголовков газетных текстов выявил употребление собственных имен, которые обозначают художественные или иные произведения, а также литературных художников:

Гоголь-переселенец (заголовок): *Памятник классику хотят перенести на новое место. Авторы письма предлагают «восстановить историческую справедливость» и перенести памятник Гоголю работы скульптора Андреева, который сейчас стоит во дворе д. 7 на Никитском бульваре, на его прежнее место - Гоголевский бульвар. Именно здесь он был установлен в 1909 г. - во время празднования 100-летия писателя. АиФ, 2008, №49.* Имя собственное «Гоголь» использовано в необычном темпоральном контексте: представление деятеля прошлого как ныне живущего или даже способного воскреснуть. В подобных контекстах фамилии политических лидеров прошлого используются в контексте будущего или настоящего времени, что предопределяет неденотативность речевого смысла соответствующих антропонимов:

Ленин-фараон (заголовок): *Мумия Ильича лишает страну жизненной силы. Проведённый недавно фондом «Общественное мнение» опрос показал: большинство россиян выступает за захоронение тела Ленина. Вслед за этим глава пресс-службы патриарха протоиерей Владимир Вигилянский призвал отдать останки Ильича коммунистам. А историк Владимир Авдеев убеждён:*

«мощи» вождя пролетариата нужно сжечь, так как над ними был проведён настоящий сатанинский обряд. АиФ, 2012, №20.

Исследователи отмечают тот факт, что правописание прецедентных антропонимов можно отнести к числу вариантных. Вместе с тем можно заметить, что чем более общеизвестным и высокочастотным становится тот или иной антропоним, тем выше вероятность его написания со строчной буквы, в форме множественного числа и без использования кавычек. Так, например, определенное влияние на предпочтение написания со строчной буквы может оказать и наличие в контексте негативной эмоциональной оценки соответствующих людей.

Как показывает рассмотренный материал, наиболее частотной группой среди имен собственных как компонента составных номинаций являются антропонимы. Что касается второго места, то его уверенно удерживают топонимы. Возможно, это связано с тем, что в русской речи прецедентные топонимы способны образно обозначать самые разные события, так или иначе связанные с соответствующим городом [1]. Рассмотрим конкретный пример (обозначение большой, богатой и авторитетной части света):

Старушка-Европа (заголовок): *Старушка-Европа стонет под натиском иностранцев. Тем, кто сегодня ищет лучшей жизни за рубежом, богатая Европа шлет свое главное послание, состоящее из двух взаимоисключающих сообщений: «нужны рабочие руки» и «въезд закрыт». А что делать? Европа сама дезориентирована. С одной стороны, резко снизившаяся рождаемость, и, как следствие, демографическое старение наций грозят общеевропейским опустошением. Собеседник, 2013, №12.*

Анализ газетных заголовков позволил выделить собственные имена, которые обозначают получившие широкую известность географические объекты:

Амур-катор (заголовок): *Во всех населённых пунктах Амурской области работают бригады спасателей – откачивают воду и сушат дома, которые ещё*

могут быть пригодными для жизни. Наводнение превратится в обледенение? АиФ, 2015, №37.

Идентификатором островного государства в Средиземном море выступает имя собственное «Кипр». Актуализирующий компонент «праздник» выражает характеристику объекта, названного в первой части составного слова:

Кипр-праздник (заголовок): *Кипр по праву можно назвать «Музеем под открытым небом!».* Многочисленные туристы, приезжающие на остров для отдыха, порой, не подозревают, по какой земле ходят и в каких водах купаются... Люди живут здесь от праздника к празднику! Несмотря на хитросплетения исторических событий, Кипр не утратил своей природной красоты, насыщенности достопримечательностей, а самое главное, необыкновенного гостеприимства. КП, 2016, №122.

В текстах газетной периодической печати отмечены имена собственные в метафорическом употреблении. Исследователь Е.А. Нахимова считает их «прецедентными именами, которые восходят к названиям кораблей», что объясняет связью имени собственного с прецедентной ситуацией [3]. Самое известное и самое частотное подобное имя – «Титаник». Название корабля, погибшего в результате столкновения с огромным айсбергом, в современных СМИ часто используется для образного обозначения катастроф, которые происходят не только с кораблями:

Дом-«Титаник» (заголовок): *Иркутяне десятилетиями ждут переселения из ветхого жилья.* АиФ, 2017, №15. Особенность составного слова в том, что автор сравнивает «дом» и «корабль». Главной функцией имени собственного является «указание на сходство объектов».

В словах-заголовках имя собственное может выступать в метафорическом значении, становясь для потребителя массовой культуры именем прецедентным [2]. В этом случае контекст предопределяет появление нового составного слова, а

читатель понимает значение составного наименования, исходя из фоновых знаний и жизненного опыта.

Литература

1. Дрога М.А., Фуникова С.В. Имя собственное в современных СМИ (на материале составных наименований русского языка) // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. – Белгород, 2016. – С. 204-208.
2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, №1. – С. 35.
3. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т.; Институт социального образования, 2007. – 207 с. (<http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> - дата обращения 12.08.2017).
4. Флейшер Е.А. Основы прецедентности имени собственного: дисс. ... канд. филол. наук. – С.-П., 2014. – С. 45.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В ПРЕПОДАВАНИИ ГРАММАТИКИ РКИ: ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

А.В. Елфимова,

магистрант кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент

Л.Г. Петрова

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В статье рассматривается категория возвратных глаголов в некоторых языках мира, приводится сравнительный анализ некоторых разрядов возвратных глаголов английского и русского языков, обосновывается целесообразность использования сравнительного анализа в преподавании грамматики РКИ.

Ключевые слова: *студенты-иностранцы, грамматика, возвратные глаголы, сравнительный анализ.*

The article considers the category of reflexive verbs in some languages of the world; comparative analysis of some types of English and Russian reflexive verbs is given, the expediency of using the comparative analysis in the teaching of the grammar of Russian to foreigners is proved.

Key words: *foreign students, grammar, reflexive verbs, comparative analysis.*

Практика преподавания РКИ показывает, что взрослые обучающиеся, постигая грамматику иностранного языка, при изучении какого-либо феномена всегда проводят аналогию со своим родным языком. Не является исключением и грамматическая тема «Возвратные глаголы русского языка».

Категория «возвратные глаголы» присутствует во многих языках мира, однако в каждом языке, располагающем возвратными глаголами, есть свои особенности образования и употребления таких глаголов. Заметим, что возвратные глаголы в немецком языке функционируют лишь с участием возвратного местоимения *sich*, также изменяющегося по лицам и числам. Например:

Я умываюсь – Ich wasche *mich*

Ты умываешься – Du waschst *dich*

Он умывается – Er wäscht *sich*

Она умывается – Sie wäscht *sich*

Мы умываемся – Wir waschen *uns*

Вы умываетесь – Sie waschen *sich*

Они умываются – sie waschen *sich*

Большинство немецких возвратных глаголов являются таковыми и в русском языке, но есть и такие, которые не совпадают и требуют специального запоминания.

Возвратные глаголы французского языка называются местоименными. Возвратной частицей выступает частица *se* (или её формы *me*, *te* или *nous* и *vous* в зависимости от лица и числа). Местоименные глаголы во французском языке далеко не всегда аналогичны глаголам на –*ся* в русском. Например, *se promener* во французском языке соответствует русскому глаголу *гулять*.

Для нас в настоящее время представляет большой интерес специфика работы над возвратными глаголами русского языка с англоговорящей аудиторией. Это связано с тем, что многие иностранные студенты, изучающие РКИ, владеют

английским языком, который может выступать в данной ситуации партнёром в изучении русского языка.

Трудности, которые встают перед англоговорящими студентами при изучении русских возвратных глаголов, сопряжены как со сложностью самой темы, так и с особенностями английских возвратных глаголов. Для того чтобы понять, почему это так, рассмотрим одну из групп глаголов русского языка – **глаголы общевозвратного значения**.

На наш взгляд, глаголы **общевозвратного значения** представляют самую большую трудность для англоговорящих студентов. Дело в том, что в английском языке один и тот же глагол может иметь значение переходности и непереходности, что для русских глаголов обычно нехарактерно: *to stop* – *останавливать(ся)*, *to begin* – *начинать(ся)*, *to end* – *кончать(ся)*, *to finish* – *заканчивать(ся)*, *to continue* – *продолжать(ся)*, *to open* – *открывать(ся)*, *to close* – *закрывать(ся)*, *to change* – *изменять(ся)*, *to return* – *возвращать (ся)*. Такие глаголы отображают изменения во внешнем, внутреннем, физическом состоянии, его движение или изменение положения. Усвоить глаголы общевозвратного значения англоговорящим студентам оказывается довольно трудным делом из-за отсутствия межъязыковой аналогии. Примеры предложений, в которых использованы одни и те же глаголы со значением переходности/ непереходности демонстрируют картину более ясно:

My friend stopped. – *My friend stopped a taxi.*

Мой друг остановился. – *Мой друг остановил машину.*

The ceremony finished. – *She finished the ceremony.*

Церемония закончилась. Она закончила церемонию.

Как видно из приведённых выше примеров, форма английских переходных и возвратных глаголов совпадает, тогда как формы русских возвратных глаголов не идентичны формам переходных глаголов.

Главная черта русских возвратных глаголов – непереходность, поэтому сопоставление структур предложений с возвратными и невозвратными глаголами при обучении иностранных студентов может существенно облегчить этот путь:

Он возвратился вчера. – He returned yesterday.

Он возвратил книги вчера. – He returned the books yesterday.

Он давно изменился. – He changed long ago.

Он давно изменил свои взгляды. – He changed his views long ago.

В некоторых случаях значения русских возвратных глаголов передаются глаголами в страдательном залоге, например:

Над нами смеются. – We are laughed at.

Кроме того, необходимо знать, что русским возвратным глаголам в английском языке соответствуют глаголы в действительном залоге, когда глаголы с постфиксом *-ся* обозначают действия, происходящие с предметами, обозначаемыми подлежащими:

Зеркало разбилось. – The mirror broke.

Выражение её лица часто меняется. – The expression of her face often changes.

Исходя из отсутствия явных формальных аналогий русских и английских возвратных глаголов этой группы, знакомство англоговорящих студентов с русскими возвратными глаголами, на наш взгляд, было бы лучше начинать с глаголов собственно-возвратного значения, так как эти глаголы демонстрируют формально-структурные признаки в контактирующих языках. **Глаголам собственно-возвратного значения** русского языка в английском языке соответствуют глаголы с возвратными местоимениями (Reflexive Pronouns), образующиеся прибавлением суффикса – *self* (*-selves* во множественном числе) к притяжательным местоимениям *my, our, your*, личным местоимениям в объектном падеже *him, her, it, them* и неопределённому местоимению *one*: *myself, yourself, ourselves* и т.п. Возвратными местоимениями в английском языке выражаются

категории лица, числа, в 3-м лице единственного числа – категория рода. Ниже мы приводим примеры русских и английских собственно-возвратных глаголов и предложений:

удариться – hurt *oneself*;

развлекаться – enjoy *oneself*;

убить себя – kill *oneself*;

Он порезался – **He cut himself**;

Она винит себя. **She blames herself.**

Дети ушиблись. – **Children hurt themselves.**

Мы представились./ Мы представили себя. – **We introduced ourselves.**

Затем на основе примеров можно прокомментировать возвратные глаголы, непосредственно входящие в разряд собственно-возвратных, а также обратить внимание студентов на то, что данные глаголы соответствуют английским глаголам с возвратными местоимениями с суффиксом – self/selves (myself, yourself, himself, herself, ourselves, yourselves, themselves) и обозначают действие, направленное на производителя действия. Иными словами, субъект и объект действия совпадают.

На наш взгляд, презентация грамматического материала на основе сравнительного анализа русских возвратных глаголов и их либо соответствий, либо аналогов в языках-партнёрах может способствовать созданию алгоритма системы упражнений, направленной на обучение иностранных студентов русским возвратным глаголам не только в аудиторном режиме, но также при организации самостоятельной работы иностранных студентов, а также в условиях дистанционной подготовки. Такая подача грамматического материала может облегчить его понимание и усвоение англоговорящими иностранными обучающимися.

Литература

1. Грамматика русского языка [Текст] : в 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 1: Синтаксис. – 702 с.
2. Зимняя, И. А. Психология обучения неродному языку [Текст] : на материале рус. яз. как иностр. / И. А. Зимняя. – М. : Рус. яз., 1989. – 222 с.
3. Игнатова И.Б., Петрова Л.Г. Обучение грамматическим основам русской речи. Белгород: Изд-во Логия, 2001. - 480 с.
4. Петрова, Л. Г. Возвратные глаголы: лингвометодический анализ [Текст] / Л. Г. Петрова, В. Х. Карасева;– Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 196 с.
5. Townsend С.Е. Continuing with Russian. Slavica, 1981. - 426 с.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Климова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
профессионально-речевой и межкультурной коммуникации

Ху Жоси (Китай)

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, г. Белгород

Статья посвящена проблеме изучения сходства и различия имени прилагательного в русском и китайском языках. Автор отмечает, что наличие множества особенностей прилагательных определяют и весьма разнообразные направления в их исследовании. Прилагательное является одной из наименее изученных и сложных для исследования частей речи. Это связано с рядом обстоятельств, которые затрагивают как собственно семантику прилагательных, так и их употребление в речи.

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматические особенности, части речи, семантика, синтаксис прилагательного.

The article is devoted to the problem of studying the similarity and difference in the name of adjective in Russian and Chinese. The author notes that there are many features in adjectives which determined a lot of directions in their studying. Adjective is one of the least studied and difficult for studying parts of speech. This is due a number of circumstances that affect both the semantics of adjectives and their use in speech.

Key words: grammatical category, grammatical features, parts of speech, semantics, adjective syntax.

Сходство и различие части речи в русском и китайском языках, – закономерная лингвистическая проблема, которую мы исследовали на материале

одного из основных лексико-грамматических классов слов – имени прилагательного.

Прилагательное является одной из наименее изученных и сложных для исследования частей речи. Это связано с рядом обстоятельств, которые затрагивают как собственно семантику прилагательных, так и их употребление в речи. Наличие множества особенностей прилагательных определяют и весьма разнообразные направления в их исследовании.

В работах русских исследователей (Афанасьева, О.В., Вольф, Е.М. Шрамм, А.Н. и др.) находят в той или иной мере отражение особенности семантики и синтаксиса прилагательного. [1,3,7].

Эти работы характеризуются многообразием поставленных вопросов и неоднородностью подходов, что связано со спецификой прилагательного как класса слов, с наличием нерешенных проблем, связанных с трудностями их анализа и последовательной интерпретации.

В лингвистической литературе существуют различные определения имени прилагательного. С точки зрения семантики, по А.А. Шахматову, «прилагательное – это часть речи, которая включает в себя слова, определяющие существительные и являющиеся названиями свойств, качеств, отношений в них, в сочетании с названиями субстанций, причем под отношениями понимаются те, которые вытекают из существа, из природы самих субстанций» [6: 112].

По мнению С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, имя прилагательное представляется собой часть речи, которая обозначает качество, свойство или принадлежность и выражающая это значение в формах падежа, число и рода. В.В. Виноградов отмечает тесную грамматическую связь между именами прилагательным и именами существительными. «Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-

определяющий) и которые являются определяющими именами существительными и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи» [2: 157].

В процессе развития лингвистической науки наметилась тенденция к расширению определения понятия имени прилагательного за счет увеличения появления новых признаков. Однако во многих грамматиках авторы единодушны в определении имени прилагательного как части речи, которая выделяется, кроме прочего, как часть речи, обозначающая признак, свойство, или качество.

В лингвистической литературе в зависимости от того, как и какой признак обозначается прилагательным, а так же от того, какими грамматическими свойствами обладает прилагательное, ученые подразделяют данную часть речи на следующие лексико-грамматические группы: **качественные, относительные, притяжательные.**

В.В. Виноградов предлагает классификацию, основанную на характере самого называемого признака. В зависимости от того, обозначают ли прилагательные признак непосредственно или через отношение к другим предметам. На основе семантического критерия выделяются: а) оценочные прилагательные (*хороший - плохой*); б) параметрические (*высокий - низкий*); в) прилагательные формы, цвета, вкуса, запаха (*круглый, синий, сладкий, терпкий*); г) прилагательные, обозначающие свойства вещей (*шероховатая поверхность - осязание, ландышевый аромат - обоняние*); д) прилагательные, обозначающие физические качества людей, животных, внутренние психологические свойства (*сильный, ловкий, умный, усидчивый, ленивый, неуклюжий, аккуратный*) и другие.

Такое разнообразие способов выражения можно объяснить не только богатством языка, но и концептами, лежащими в основе того или иного способа номинации признака, а также способами их выражения. Различиям в характере признака соответствуют и разные виды мыслительной деятельности при установлении, осознании и назывании признака.

Прилагательные, называющие признаки, воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с эталоном, А.Н. Шрамм называет эмпирийными [7: 78].

Прилагательные же, обозначающие признаки, не воспринимаемые органами чувств, а возникающие на основе воспринятых органами чувств, признаков в результате анализа, сопоставлений, умозаключений, исследователь называет рациональными.

В классификации А.Н. Шрамма семантике соответствует эмпирийность, связанная с непосредственной информацией об окружающем человеке мире: человек видит, слышит, осязает, ощущает и обоняет. Критерием разграничения является канал восприятия признака.

Следовательно, существуют визуальные, аудиальные, обонятельные, вкусовые и осязательные прилагательные, которые представлены тактильными и температурными.

Если говорить о наборе признаков, подтверждающих качественность прилагательного, то традиционно в эти показатели качественности входят: изменение по степеням сравнения (*красивый – красивее – более красивый, красивейший, наиболее красивый, красивее всех*); образование форм субъективной оценки (*красивый – красивенький; красный – красноватый – краснёнхонек-красненький*); имеют полные и краткие формы (*красивый-красив, красивая-красива, красивое-красиво*); образуют наречия на *-о, -е, -и* (*красивый-красиво, блестящий-блестяще, зверский-зверски*); образуют существительные с суффиксами *-ин-, -изн-, от-, ость-,(-есть-)* и др. (*старый-старина, новый-новизна, добрый-доброта, грубый-грубость, свежий-свежесть*); входят в антонимические пары (*смелый-трусливый, умный-глупый*). Непременным компонентом парадигмы качественности является сравнительная степень.

Относительные прилагательные крайне разнообразны по семантике, могут иметь любые значения, связанные с предметами и событиями. Чаще всего они

характеризуются по семантическим отношениям к производящей основе, например как происходящие от имен лиц, животных, предметов. Тенденция развития русского языка такова, что, пожалуй, любое относительное прилагательное может перейти в качественное, то есть проявить свою вторичную функцию.

Относительные и качественные прилагательные противопоставлены структурно, так как относительные прилагательные – единицы производные, а качественные – слова непроизводные, прямо называющие признак, свойство, качество объекта. **Притяжательные прилагательные обозначают принадлежность.**

В истории русского литературного языка притяжательные прилагательные являлись основой образования многих фамилий, имен, географических наименований. Морфологические и семантические различия между притяжательным разрядом имен прилагательных, качественным и относительным очевидны.

Важными грамматическими категориями, которая выражается данной частью речи, является **категория рода, числа и падежа**. Род, число и падеж имени прилагательного – это грамматические категории, указывающие на то, что признак принадлежит предмету (лицу), т.е. значение названных грамматических категорий определяется как формальное синтаксическое значение.

Слова в китайском языке в большинстве случаев не имеют внешних морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи. Поэтому при определении принадлежности слов к части речи в основном приходится руководствоваться иными критериями, например способностью слова выступать в роли того или иного члена предложения, соединимостью его со словами других разрядов и с теми или иными формальными показателями.

В китайском языке имя прилагательное – это часть речи, которая указывает на качество, свойство и состояние предмета. В соответствии с семантико-грамматическими свойствами, а также особенностями функционирования в речи прилагательные в китайском языке подразделяются на два класса: качественные прилагательные и прилагательные относительные.

Качественные прилагательные обозначают качественный признак предмета. Прилагательные этого класса образуют видовременные и модальные формы, нередко функционируя в форме удвоения. Сочетаясь с наречиями степени, качественные прилагательные обозначают степень интенсивности качественного признака. Наконец, они могут функционировать в сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами. Относительные прилагательные (в отличие от качественных прилагательных) не образуют видовременные и модальные формы, формы удвоения. Наконец, они не способны также функционировать в сочетании с теми или иными вспомогательными глаголами. Это подтверждает ограниченную синтаксическую валентность слов данного класса.

В предложении относительные прилагательные в подавляющем большинстве случаев выполняют функцию определения, функцию же сказуемого выполняют лишь в единичных случаях. В китайском языке широко употребляется повтор качественных прилагательных. Повтор (как правило) усиливает значение признака, выражаемого качественным прилагательным, делает его более интенсивным: 短短 короткий - короткий, 厚厚 толстый-претолстый, 干干净净 чистый - пречистый. В предложении прилагательное в удвоенной форме способно выполнять функции сказуемого, определения и обстоятельства. *Например: 他昨天还好好好的, 今天就病得这个样子. Вчера он был совершенно здоров, а сегодня вот так расхворался [4].*

Прилагательное в удвоенной форме не употребляется с наречиями степени. По мнению С. Б. Кишинского, формы удвоения прилагательного составляют свою особую систему, которая предназначена для выражения субъективной оценки качества. В предложении прилагательное в удвоенной форме способно выполнять функции сказуемого, определения и обстоятельства. *Вчера он был совершенно здоров (здоров - здоровехонек), а сегодня вот так расхворался.*

Китайский лингвист Ван Цилун, проанализировав 2110 имен прилагательных китайского языка, отмечает, что 316 из них являются односложными прилагательными, 157 из которых редуцированы по модели АА. Оставшиеся 1704 лексические единицы – двусложные прилагательные, состоящие из двух компонентов АВ.

Среди двусложных имен прилагательных по модели ААВВ удваиваются 350 лексических единиц, по модели АВАВ – 38, лишь 22 – по модели А^里АВ. Китайскими лингвистами выделяются следующие модели редупликации прилагательных: АА, ААВВ, АВАВ, АВВ, А^里АВ, где А – первый компонент лексической единицы, В – второй компонент. Прилагательные в китайском языке могут выполнять следующие грамматические функции: а) определения *我有漂亮的衣服* (у меня есть красивая одежда); б) сказуемого *这种苹果很贵* (этот сорт яблок очень дорогой); в) постпозитивного обстоятельства образа действия *我跳舞跳得好看* (я танцую очень красиво). Отрицательная форма образуется при помощи использования отрицательной частицы 不 перед прилагательным *我的鞋字不好看* (моя обувь не красивая). Качественное сказуемое – *这个女孩很可爱*. *Эта девушка очень красивая*. Подлежащее (в результате субстантивации) *红的不漂亮*. *Красная (шляпа) некрасивая*. Дополнение (в

результате субстантивации) – 我不想买红红的。Я не хочу купить красную (шляпа).

Обстоятельство – 要认真地背课文。 Качественные прилагательные могут употребляться с наречиями степени: 很 *очень*, 更 *еще более*, 最 *самый* и др. Наречия степени ставятся перед прилагательным и обозначают степень интенсивности качественного признака. Качественные прилагательные могут употребляться также со словами и словосочетаниями, обозначающими при сравнении предметов количественные изменения качественного признака: 点, 一点, 些, 一些 — *немного, несколько, чуть*; 多 *намного, значительно, гораздо*; 一倍 *вдвое* и др. [4,5].

Таким образом, в системе частей речи прилагательное по своим грамматическим свойствам ближе к глаголу, чем к существительному, в то время как в русском языке прилагательные вместе с существительными образуют одну более общую категорию имени, в китайском языке прилагательные объединяются с глаголами в общую категорию *предикатива*. Как и глаголы, китайские прилагательные самостоятельно, без помощи связки, выступают в роли сказуемого, свободно оформляются видовременными суффиксами, непосредственно соединяются с отрицанием и т. п. В качестве именного члена предложения (подлежащего, дополнения и именной части сказуемого) прилагательное может выступать, только будучи оформленным морфемой *de*, которая придает ему именной характер.

Литература

1. Афанасьева, О. В. Имя прилагательное и его место в системе частей речи / О. В. Афанасьева // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов: сб. науч.-аналит. обзоров / РАН, Ин-т науч. информации по обществ. наукам [отв. ред. Е. С. Кубрякова]. – М., 1990. – С. 74-93.

2. Виноградов, В. В. Русский язык : грамMAT. учение о слове: учеб. пособие/В. В. Виноградов; отв. ред. Г. А. Золотова. – 3 изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.

3. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-роман. яз. / Е. М. Вольф ; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

4. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб. Пособие для студентов пед. ив-тов по спец. Иностран. яз. – М.: Просвещение, 1989.—318 с.

5. Задоевко Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. – М.: Наука. Изд. дом «Восточная литература», 1993.

6. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. Для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. /Под ред. Е.И Дибровой. – Ч 2. – М.: Изд. Центр «Академия», 2001.

7. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале соврем. рус. яз. / А. Н. Шрамм. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

АББРЕВИАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РЕЧИ

П.А. Копытина,

студентка 3 курса медицинского института,

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации

Н.Н. Копытина

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В данной статье говорится о лексических приемах, используемых в разговорной речи. Рассматривается аббревиация, как один из способов сокращения в современном английском языке. Также дается определение данного термина, описывается история его возникновения и анализируются различные подходы лингвистов к этой проблеме. Сокращение лексических единиц является одним из источников различия между разговорным языком и его письменной копией. Основное внимание сосредоточено на функционировании и роли этого явления в современном английском языке.

Ключевые слова: сокращение, акронимы, лексика, жаргон, лингвистика.

This article deals with lexical techniques used in colloquial speech. An abbreviation is considered as one of the methods of reduction in modern English. The definition of this term is also given, the history of its occurrence is described and various approaches of linguists to this problem are analyzed. Reduction of lexical units is one of the sources of the difference between spoken language and its written copy. The main focus is on the functioning and role of this phenomenon in modern English.

Keywords: *abbreviation, acronyms, lexicon, jargon, linguistics.*

Широкое развитие аббревиации и использование сокращенных лексических единиц стало общей тенденцией для многих национальных языков. Быстрое и непрерывное увеличение количества информации, широкое распространение сложных наименований, особенно в терминологии и номенклатуре, вызывает естественное стремление пишущих сократить объем текста путем введения в него разного рода аббревиатур. Их создание – один из больших и быстроразвивающихся процессов. Однако прогрессирующее пополнение фонда аббревиатур становится существенным фактором, который заслуживает изучения, оценки и поисков рационального подхода к нормализаторской деятельности [2].

Для того чтобы понимать значение сокращений, рассмотрим определение данного термина.

Согласно толковому словарю великорусского языка Владимира Даля, слова «аббревиация», «аббревиатура» (ж. лат.) имеют следующие значения: сокращение, укорочение и пропуски в письме; означение слов начальными буквами, вязью, условными знаками [2].

Аббревиация (итал. *abbreviatura* от лат. *brevis* – краткий) представляет собой особый семиотический процесс сокращения линейной длины означающих, при котором часть выступает вместо целого. В результате формируется новый знак (знак вторичной номинации), называемый аббревиатурой.

Аббревиатура делится на сложносокращённые слова и инициальные аббревиатуры. Сложносокращённое слово – это слово, составленное из сокращённых начальных элементов словосочетания. Инициальные типы сложносокращённых слов или акронимы – это слова, образованные путём сложения начальных букв слов или начальных звуков, в свою очередь подразделяются на аббревиатуры буквенные, звуковые и буквенно-звуковые [2].

Образование аббревиатур (аббревиация) как особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций, получило широкое распространение в русском и основных европейских языках в XX веке.

Начало процесса сокращения слов относится к глубокой древности. Аббревиатура в разных видах записанной речи так же стара, как сам письменный язык. Аббревиация ведет свою историю от шумеров, чья письменность считается первой из зарегистрированных на Земле (IV в. до н.э.). Сам термин *élleipsis*, означающий упущение, пропуск, был создан и употреблялся в риториках и грамматиках Древней Греции во II-III вв. до н.э. наряду с шумерским (IV в. до н.э.). Античные ученые и риторы полагали, что вновь образованные сокращенные единицы имели другую эмоциональную окраску по сравнению с теми полными вариантами этих единиц, которые традиционно выражали данное значение. Считается, что греки впервые обратили внимание на то, что эллиптические слова могут использоваться в качестве языкового средства влияния и воздействия на адресата речи. Сокращение слов было распространено и в Древнем Риме. Римляне писали AUC вместо *Anno urbis conditae*, исчисляя время с 753 г. до н.э. – года основания Рима. Римские юристы, например, часто прибегали к аббревиатуре, которые дошли впоследствии до наших дней (*Nota Bene* – обрати внимание или нужно запомнить NB) [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что аббревиатурные процессы первоначально возникли лишь как средство экономии в письменности, лишь намного позднее (в английском языке – в 16 в., в русском – в конце 19 в.) сокращенные единицы стали сначала появляться в разговорной речи и уже потом переходить в стили письменной речи.

Что касается современного времени, в английском языке существует три типа инициальных аббревиатур:

- а) инициальные аббревиатуры с буквенным чтением, такие как UK (United Kingdom), BUP (British United Press), CND (Campaign for Nuclear Disarmament), PWA (a person with AIDS) и т.д;
- б) инициальные аббревиатуры, которые читаются как слова, например, UNESCO (United Nations Economic, Scientific, Cultural Organization), ОПЕС (Oil Producing European Countries), HIV (Human Immunodeficiency Virus) и т.д.:
- с) инициальные аббревиатуры, которые совпадают с английскими словами в их звуковой форме. Такие инициальные аббревиатуры называют акронимами, например. CLASS (Computer-based Laboratory for Automated School System), NOW (National Organization of Women), AIDS (Acquired Immunity Deficiency Syndrome) и т.д. [3].

Типы лексических сокращений в английском языке очень многообразны. Например, можно привести одну из самых известных классификаций:

- 1) синтаксические:
 - а) семантико-синтаксические (public – public house, Liberals – Liberal party);
 - б) морфолого-синтаксические (sitters – baby-sitter, char – char woman);
- 2) фономорфологические (doc - doctor, mike - microphone, pub – public house, noncom – noncommissioned officer);
- 3) фонографические (Dr - doctor, Sgt – sergeant, sec – second, I. G.-Inspector-General, NATO – North Atlantic Treaty Organization);
- 4) смешанные (a-bomb – atom-bomb, scific – scientific fiction, Eurasia – Europa and Asia) [6].

Также, можно выделить типы сокращений в зависимости от части слова, подлежащей сокращению.

- а) сокращение первой части слова (phone – telephone);

б) сокращение конца слова, что встречается чаще, чем сокращение начала (exam – examination);

в) сокращение, как в начале, так и в конце слова, что встречается редко (flu – influenza, fridge – refrigerator).

Акронимы включают в себя несколько видов:

а) акронимы, которые произносятся как отдельные буквы:

1) буквы, представляющие полные слова (C. O. D. – cash on delivery, EEC – European Economic Community, FBI – Federal Bureau of Investigation, MIT – Massachusetts Institute of Technology, UN – the United Nations);

2) буквы, представляющие элементы сложного слова или просто части слова (TV – television, GHQ – General Headquarters, TB – Tuberculosis);

б) акронимы, которые произносятся как слово (например, NATO) и часто используются людьми, которые могут не знать, что обозначает каждая буква в отдельности. Например: UNESCO = the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization; laser – light-wave amplification by stimulated emission of radiation.

Существуют также графические сокращения слов и словосочетаний и соответствующие английские эквиваленты в полной форме. Существует несколько таких семантических групп их:

а) дни недели, например, Mon – Monday, Tue – Tuesday и т.д;

б) названия месяцев, например, Apr – April, Aug – August, Sep – September и т.д;

с) названия графств в Великобритании, например, Yorks – Yorkshire, Berks – Berkshire и т. д;

д) названия штатов в США, например, Ala – Alabama, Alas – Alaska, Calif – California и т. д.;

е) обращения, например, Mr, Mrs, Ms [miz], Dr и т.д;

ф) военные звания, например capt – captain, col – colonel, sgt – sergeant и т.д;

g) научные степени, например. BA – Bachelor of Arts, DM – Doctor of Medicine. (Иногда в научных степенях встречаются сокращения латинского происхождения, например. MB – Medicinae Baccalaurus);

h) единицы времени, длины, веса, например f./ft -foot/feet, sec. – second, in. – inch, mg. – milligram и т.д. [1].

В английских сокращениях последними буквами могут быть как согласные (math, chimp), так и гласные (divi, demo). В то время как в русских сокращениях последними буквами должны быть только согласные (зам, зав).

Английские сокращения могут претерпевать орфографические и фонографические изменения (mike – microphone, telly – television).

Отдельные сокращения могут проявлять способность к дальнейшему словообразованию: telephone – phone – phony – a person who makes obscene phone calls.

Сокращения способны выступать в роли компонентов сложных слов, например, labware – laboratory ware.

Сокращенные слова могут принимать грамматические флексии, например, множественного числа: dems – democrats.

Интересны случаи сокращения с одновременным транспонированием слова в другой лексико-грамматический разряд: pheno – user of phenobarbital (drug). Здесь pheno – лицо, а phenobarbital – вещество.

Хотя сокращения приемлемы во всех английских языковых жанрах, все же они чаще возникают на разговорном уровне и, нередко, на уровне сленга, словари которого изобилуют самыми различными сокращениями. Особо хочется отметить компьютерный жаргон [1]. Аббревиация в компьютерном жаргоне представлена различными типами: усечение конечной части слова: semi от semicolons, jock от jockey, quest от question; усечение начальной части слова Net от Internet. Но самым популярным типом аббревиации является, пожалуй, буквенное сокращение каких-либо словосочетаний и даже предложений. Например, буквенное сокращение

предложений: DIAFYO – Did I Ask For Your Opinion?; GMAB – Give Me A Break; GMTA – Great Minds Think Alike; HAND – Have A Nice Day; LMK – Let Me Know; OV – Opinions Vary; PMFJI – Pardon Me For Jumping In; RIP – Rest In Peace; RTM – Read The Manual и др. [7].

Одной из разновидностей ремотивации является шутовое «раскрытие» аббревиатур, омонимичных уже существующим, т.е. акронимами, например, HAND – Have a nice day. Примерами акронимов являются: WOMBAT (вомбат) – Waste Of Money, Brain And Time.

Известно, что «главный принцип SMS-языка – максимум информации за минимальное количество ударов по клавишам – экономия усилий и времени». Отсюда – основные характеристики SMS-языка (SMS-language, chatspeak, txt, txtspk, txt talk). Основные правила орфографии и пунктуации игнорируются [4, 7].

Среди наиболее распространенных аббревиатур встречаются такие, как: TTY (talk to you later), BTW (by the way), ИМО (in my humble opinion), FYI (for your information), HAND (have a nice day) и, наконец, LOL (laugh out loud). Последняя форма все чаще употребляется как слово-акроним вне текстовых сообщений, устно, произносимое по буквам.

Подводя итог выше сказанному, необходимо отметить, что компьютерный жаргон – это особый лингвистический феномен, который находится в стадии бурного развития, поэтому дальнейшее изучение его особенностей представляется актуальным и перспективным.

Указанные особенности сокращений свидетельствуют о том, что они представляют собой специфический языковой материал, во многом отличающийся от обычных лексических единиц.

Литература

1. Афанасьева О. В., Михеева И. В. IX класс: учебник для школ с углубленным изучением английского языка, лицеев и гимназий. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 252 с.

2. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин, 2003. – С. 30-38.
3. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989. – 128 с.
4. Ионина. А. А. Особенности современного текстового мышления. SMS-язык // Вестник Московского педагогического университета. 2008. № 2. С. 19-23.
5. Скрбнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2000. – 221 с.
6. Ярмкашевич М.А. Знаковость аббревиатурных единиц // Вестник ОГУ. – 2002. – №6. – С. 34-37.
7. SMS language. <http://en.wikipedia.org>

**ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ АРГО
(НА МАТЕРИАЛЕ СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ)**

Н.Н. Копытина,

кандидат филологических наук, доцент

Н.И. Купина

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В статье проводится анализ употребления арготических суффиксов в качестве словообразовательных средств выражения эмоционально-оценочного отношения к объекту номинации. Определяются наиболее продуктивные оценочные арготические суффиксы и выявляются пути их проникновения во французскую обиходно-разговорную речь.

Ключевые слова: *арго, эмоционально-экспрессивная функция, оценочные суффиксы, оценочность, лексико-семантическая группа.*

The article analyzes the uses of the argotic suffixes as the derivational means of the expression of the emotional-estimating relation to the object of nomination. The authors determine the productive estimated argotic suffixes and reveal the different ways of the penetration in the modern French everyday speech.

Key words: *argot, emotional-expressive function, estimated suffixes, estimating character, lexico-semantic group.*

В современном языкознании словообразование приобретает все большую значимость не только в плане пополнения словарного состава языка, выполняя номинативную функцию, но осуществляет и коммуникативную функцию, поскольку новые лексические единицы создаются говорящим в процессе речи как

средство реализации коммуникативной установки, а не как слова, заранее запланированные говорящим для пополнения лексики.

Ярким проявлением выражения эмоционально-оценочного отношения к явлениям окружающей действительности в аргю являются лексические единицы, образованные при помощи аффиксов [5].

Принято считать, что аффиксы демонстрируют широчайший диапазон значений – от чисто классификационных и не имеющих прямого отношения к передаче какого-либо реального содержания до отражающих свойства и признаки, находящие соответствие в предметной действительности. Обычно противопоставляются следующие классы:

1. Структурные аффиксы, выполняющие функцию транспозиции форм из одного класса в другой, например, из одной части речи в другую, или служащие прокладками при соединении частей слова и т.д.;

2. Экспрессивные, или эмоционально окрашенные: уменьшительные, уничижительные, аффиксы с пейоративной оценкой;

3. Категоризирующие аффиксы, или маркеры, относящие построенную с их участием форму к определенной категории слов, например, к части речи или ее подклассам, и опознающие ту или иную грамматическую или деривационную категорию;

4. Вещественно-таксономические аффиксы, выполняющие семантическую функцию отнесения формы к определенному лексико-семантическому разряду [6].

В данной статье наиболее детальному анализу подвергнуты суффиксы, относящиеся ко второй группе, что обусловлено фактическим материалом исследования.

Проблема суффиксации в образовании сниженных лексических единиц вызывает неоднозначную позицию исследователей. Н.Н. Лопатникова называет подобное явление удлинением существующих нейтральных слов путем прибавления к ним элементов, создающих разговорно-сниженный эффект.

Добавочный элемент присоединяется к конечной части слова или основе. Подобные элементы-заместители, по мнению автора, нельзя считать суффиксами, поскольку они не выражают обобщенного лексико-категориального значения и могут давать образования, относящиеся к разным частям речи, что также не характерно для стандартных суффиксов. Элементы-заместители лишь указывают на стилевую сниженность создаваемых ими вариантов. К такого рода элементам-заместителем автор относит: -o, -oche, -ouse, -ar, -if, -os, -anche, -caille, -aga и некоторые другие. Суффиксы -ard, -on, -ot Н.Н. Лопатникова рассматривает как своеобразные псевдо-суффиксы. Их отличие от суффиксов в функции: вариантообразующей, а не словообразующей [1].

Другие ученые несколько иначе смотрят на проблему соотношения словообразовательного и лексического уровней в языке. Так, Е.М.Чекалина относит к оценочным средствам в системе французских имен существительных и прилагательных суффиксы -ard, -eux, -esque, -asse, -aud, -ache, -iste, -isme. В эту же группу она добавляет и уменьшительные форманты -et (elet), -ot, -on [5, С.73].

В.И. Нукалова выделяет ряд суффиксов субъективной оценки (-ard, -aille, -ouille, -aud и некоторые другие). Эти суффиксы входят в морфологическую структуру языка, и, выполняя определенные грамматические функции, обладают способностью придавать слову эмоциональные оттенки (презрительный, иронический, пренебрежительный и т.д.) [3, С.7].

В настоящей работе все вышеупомянутые словообразовательные элементы рассматриваются как суффиксы, служащие для преобразования корня в словообразовательных целях.

Употребление суффиксов в качестве выражения эмоционально-оценочного отношения к объекту номинации исключает громоздкость высказывания и позволяет в лаконичной форме наиболее точно охарактеризовать лицо, предмет, явление с положительной или отрицательной стороны. Из арго они интенсивно и эффективно проникают в обиходно-разговорную речь. Например, арготическое

существительное *salaud*, образованное путем прибавления арготического суффикса –aud к прилагательному *sale* – «грязный», впервые было зарегистрировано Французской Академией в 1798 году. На начальном этапе своего функционирования арготизм обозначал «бесчестного, подлого человека, лицемера и негодяя» и использовался в качестве грубого ругательства. Получил распространение и популяризацию к 1946 году благодаря активному употреблению в работах французского философа и писателя-публициста Ж.-П. Сартра. На настоящем этапе своей эволюции лексическая единица *salaud* зафиксирована словарями французского языка с пометой «*pop.*» и имеет грубо отрицательное значение «негодяй, мерзавец, сволочь».

В процессе анализа случаев передачи оценки (как положительной, так и отрицательной) лексемами, образованными прибавлением суффикса выстраивается определенная иерархия среди частей речи, образуемых суффиксацией. Наиболее продуктивна именная группа, затем идут прилагательные, глагольные формы, личные местоимения. Самыми малочисленными являются указательные местоимения.

Одним из часто встречающихся во французском арго является суффикс –ard (59 лексических единиц, зарегистрированных словарями арго). Для производных с –ard наиболее характерно выражение отрицательного отношения к предмету оценки. Например: *démerdard* adj., n. – «изворотливый», *queutard* adj., n. – «распутник, гуляка» и т.п.

Ведущими семами, распределяющими всю арготическую лексику с суффиксом –ard на крупные группы и создающими семантическую специфику каждой из них, следует считать «одушевленность/неодушевленность» и «качества человека, характеризующие с точки зрения морально-этических норм поведения» [2].

В группе современных французских арготизмов, объединенных признаком «одушевленность/неодушевленность», выделяется группа существительных,

обозначающих неодушевленные предметы (I лексико-семантическая группа - ЛСГ). Например, *fendard* n.m. – «мужские брюки», *fouettard* n. m. – «заднее место», *nibard* n.m. – «женская грудь», *rapelard* n.m. – «исписанная бумага, репутация», *perniflard* n.m. – «аперитив с добавлением аниса марки «Перно», *placarde* n.f. – «общественное место», *plumard* n.m. – «кровать», *prosinard* n.m. – «зад», *sauciflard* n.m. – «колбаса», *trimard* n.m. – «дорога» и др..

В значении этих существительных сочетается план номинации с внутренней образностью и оценочностью. В *bouffarde* n.f. – «трубка», например, такую оценку вызывают увеличенные размеры трубки и сам способ наименования, т.е. внутренняя форма. Функционирование в речи арготизма мужского рода *plafonnard* – «башка» также обусловлено сочетанием образности (то, что наверху) с оценочностью. Лексическая единица *retard* n.m. – «задница» появилась в арго присоединением оценочного суффикса *-ard* к основе глагола *réter* – «пукать».

Группа с категориальным признаком «одушевленность» более обширна, чем предыдущая. Она объединяет в себе 37 из 59 отобранных в процессе работы оценочных арготизмов (II ЛСГ). Например: *canard* n.m. – «карьерист», *tetrad* n.m. – «ребенок».

Сема, обозначающая морально-этические нормы поведения, позволяет разделить оставшиеся арготические лексические единицы на две крупные части. Указанная сема может быть не выражена в названиях человека в том случае, когда он показан как представитель определенной профессиональной или социальной группы, как житель какой-нибудь местности или когда заостряется внимание на его физических свойствах, а психологические особенности остаются неотмеченными в семантике слов (хотя в коммуникативном процессе они могут появляться). Такие слова объединяются в отдельную лексико-семантическую группу (III ЛСГ). Например: *scibouillard* – «канцелярский служащий, журналист», *potard* – «ученик аптекаря», *crevard* – «человек слабого здоровья», *épicemard* – «бакалейщик», *flicard* – «полицейский», *nuitard* – «человек, работающий по

ночам», *plombard* – «водопроводчик», *pomplard* – «пожарник», *voie-publiquard* – «полицейский в общественном месте». Примечательно, что все вновь образуемые арготизмы являются существительными мужского рода.

Группа существительных, где семы «одушевленность» и «морально-этические качества» присутствуют постоянно, характеризует человека с точки зрения его специфических психологических свойств и объединяется в IV ЛСГ: *bonnard* (*bonard*) *adj.* – «простодушный, наивный», *galletard*, -e *adj.* – «богатый», *gueulard* *adj.* – «забияка», *guignard* *adj. et n.* – «невезучий, неудачник», *loubard* *n.m.* – «хулиган», *mignard*, -e *adj.* – «миленький», *mistouflard*, -e *n.* – «нищий», *mitouillard*, -e *adj.* – «плюгавый», *nullard*, -e *adj. et n.* – «ничтожный, ничтожество», *partousard*, -e *adj. et n.* – «любитель разврата», *pestouillard*, -e *adj.* «неудачник», *rétochard*, -e *adj. et n.* – «трусливый, трус», *raidard*, -e *n.* – «лишенный средств (к существованию)», *rigolard*, -e *adj.* – «веселый, шутливый», *soiffard*, -e *adj. et n.* – «пьяный, выпивоха», *soûlard* *n.m.* – «пьяница», *trouillard*, -e *adj. et n.* – «трус». Своеобразие данной группы создается именно тем, что в семантической структуре арготических единиц закрепляются качества человека, которые обнаруживаются в его морально-этических отношениях с другими людьми. В этом случае человек получает в наименовании оценку своей личности со стороны других участников коммуникации. Например, арготическое существительное *bavard* *n.m.* – «адвокат» образовано путем присоединения к корневой морфеме глагола *bavarder* – «болтать» оценочного суффикса –*ard*. Опираясь на звуко-речевую характеристику субъекта, которая дается в определении соответствующего глагола, в значении существительного *bavard* закрепляется отрицательная оценка адвоката, как много говорящего человека.

IV лексико-семантическая группа также многочисленна и интересна. Значения слов IV ЛСГ создаются сочетанием планов номинации, характеристики, образности и оценки, проводимой по линии «благоприятно - вредно» для лиц, вступающих в коммуникацию. Важно подчеркнуть социальную значимость

оценки, опирающейся на нормы общественной морали и выдвигающей на первый план отношение «человек среди людей». Такая оценка присутствует во всех словах данной группы без исключения.

IV лексико-семантическая группа позволяет выделить две группы с характерным инвариантным значением и дистрибутивными особенностями: *1 подгруппа* (тип: *salopard n.m.* – «подлец», *vachard, -e adj. et n.* – «суровый» и т.п.). В ее основе лежит прилагательное *méchant* – «злой». Данная подгруппа показывает устойчивое эмоциональное отношение субъекта к окружающим, заключающееся в том, что он организует деятельность, приносящую вред другим лицам. При этом субъект активен и испытывает положительные эмоции от процесса и результатов своей деятельности, крайне отрицательной для других. В дистрибуции подгруппы предполагаются: контрагент (третьи лица), результат деятельности (приносимое кому-либо зло). Кроме того, должна подчеркиваться активная, сознательная сторона деятельности субъекта.

2 подгруппа объединяет существительные типа *combinard, -e adj. et n.* – «деловой, деляга», *roublard n.m.* – «мошенник, плут», *démerdard n.m., filochard, -e adj. et n.* – «изворотливый». Инвариантное содержание подгруппы выражается словами *ruse* – «хитрый», *habile* – «ловкий», *adresse* – «сноровка». Отмеченные свойства ориентируют поведение субъекта, направленное на то, чтобы получить личную выгоду, что влечет за собой вред окружающим. Семы тесно связаны друг с другом, так как выгода одного в данных примерах предполагает вред для другого, если принять во внимание, что достижение отмеченных результатов незаконно.

Среди продуктивных арготических суффиксов, несущих оценочную нагрузку в процессе коммуникации, выделяется суффикс *-eur*, который является составным элементом 52 лексических единиц, зарегистрированных словарями арго и отобранных в ходе исследования. Например: *emmerdeur, -euse n.* – «зануда», *gobeur, -euse n.* – «простофиля», *larmicheur, -euse n.* – «плакса» и многие другие.

Особенно четко оценочность производных лексических единиц реализуется на фоне нейтральных синонимов или синонимических выражений, лишенных этого компонента семантической структуры и которые могут рассматриваться как идентификаторы в определенном синонимическом ряду. Ср.: *pisseur n.m. (arg.)* – *journaliste mediocre* – «посредственный журналист», *gagneuse n.f. (arg.)* – *prostituée d'un bon rapport* – «высококласная проститутка», *raseur, -euse n. (arg.)* – *personne ennuyeuse* – «зануда», *magouilleur, -euse n. (arg.)* – *intrigant, -e* – «интригант» и пр.

По мере количественного роста словообразовательного ряда происходит все более отчетливое выделение суффикса *-eur (-euse)* как носителя оценочности (чаще отрицательного характера). Этот процесс развивается в соответствии с потенциальными возможностями языковой системы. «Перерастание» интенсивности в оценочность, как отмечают исследователи, является одной из закономерностей, наблюдаемых в семантической эволюции аффиксов [5, С. 78].

В группе оценочных арготизмов, образованных суффиксом *-eur (-euse)*, возможно их распределение на две группы, в зависимости от признака, являющегося классифицирующим:

1) ЛЕ, являющиеся характеристиками человека как представителя той или иной деятельности: *entraîneuse n.f.* – «платная партнерша для танцев (ужина)», *faucheur n.m.* – «вор часов», *fourgeur, -euse n.* – «скупщик краденого», *flingueur n.m.* – «стрелок, убийца», *gambilleur, -euse n.* – «плясун», *gratteur n.m.* – «музыкант, играющий на струнных инструментах», *grinchisseur, -euse n.* – «вор», *maquilleur n.m.* – «человек, занимающийся фальсификацией чего-либо», *persilleuse n.f.* – «проститутка», *rousseur n.m.* – «маньяк, толкающий жертву на рельсы метро», *racketteur n.m.* – «рэкетир», *soupeur n.m.* – «сексуальный маньяк», *tapineur, -euse n.* – «человек, занимающийся проституцией», *tireur, -euse n.* – «вор».

В данной группе выделяется обширный ряд арготизмов, передающих понятие «проститутка», отличающихся на семантическом уровне уточнением квалификативных признаков объекта номинации: *arpenreuse n.f.*, *entauleuse n.f.* –

«воровка-проститутка», *michetonneur*, -euse n. – «человек, торгующий телом от случая к случаю», *pierreuse* n.f. – «проститутка низкого ранга», а также *racrocheuse* n.f., *shampooinieuse* n.f., *tapineur*, -euse n., *trotteuse* n.f. – «проститутка».

2) ЛЕ, характеризующие человека с точки зрения морально-этических качеств, присущих индивиду: *arnaqueur*, -euse n., *emprunteur*, -euse n. – «мошенник», *fouteur*, -euse n. – «баламут», *glandeur*, -euse n. – «бездельник», *licheur*, -euse n. – «пьяница», *mateur* n.m. – «любитель подсматривать эротические сцены», *peloteur*, -euse adj. et n. – «заискивающий», *picoleur*, -euse n. – «пропойца», *planeur*, -euse n. – «человек под действием наркотиков», *rigoleur*, -euse n. – «весельчак», *sauteur*, -euse n. – «ненадежный человек, лжец», *traqueur*, -euse adj. et n. – «трус», *tombeur* n.m. – «обольститель», *tringleur* n.m. – «гуляка, распутник», *chiqueur* n.m. – «обманщик», *batteur*, -euse n. – «лицемер, притворщик».

Исключение составляют оценочное арготическое существительное *fauchouse* n.m. – «смерть» и арготизм *ronfleur* n.m. – «телефон». Данные ЛЕ объединяет сема «неодушевленность».

Заслуживает внимания взаимодействие аффиктивного суффикса *-iste* с той или иной семой производящей основы, в результате чего образуются производные прилагательные с оценочной семантикой.

Необходимо отметить, что еще два-три десятилетия назад суффикс *-iste* был одним из наиболее продуктивных и семантически содержательных аффиксов французского языка только для образования имен существительных. Например, арготическое существительное *étalagiste* < vol à l'étalage – «человек, промышляющий воровством с витрин» было образовано прибавлением суффикса *-iste* к основе, представленной именем существительным. Добавление суффикса *-iste* к расшифровке аббревиатуры RMI (*revenue minimum d'insertion*) обеспечило функционирование в сниженной речи арготического существительного *éremiste* – «получающий минимальное пособие».

Функционирование адъективного суффикса *-iste*, сочетающегося с производящим прилагательным, является нехарактерным для норм французской классической грамматики и указывает на сниженный речевой регистр производных прилагательных.

В оппозиции *traditionnel – traditionnaliste* отчетливо проявляется более интенсивное значение второго члена; при этом материальным носителем идеи интенсивности является суффикс *-iste*. Это увеличение степени качества, выраженного прилагательным, лишь до известных пределов остается безразличным для семантической структуры слова (не влияет на сигнификат). Когда количество называемого основой признака начинает превышать некую социально принятую норму, присутствующую в сознании носителей языка, ощущение нарушения нормы порождает отрицательно-оценочный компонент значения. Так, например, гипертрофия характеризующего признака ведет к изменению значения в отрицательную сторону: *official* «официальный» - *officialiste* «официозный», *revolutionnaire* «революционный» - *revolutionnariste* «ульрареволюционный».

Как показывает фактический материал, отрицательно-оценочное сниженное значение имеют прилагательные *égalitariste, électroraliste, familialiste, industrialiste, triomphaliste*. В их семантике часто сосуществуют рациональное и эмоциональное неодобрение какого-либо качества, присущего объекту речи. Перевод подобных слов на русский язык представляет трудность, т.к. далеко не всегда удастся найти однословный эквивалент, адекватно передающий сигнификативное и оценочное содержание.

Как отмечают исследователи, специфику производных прилагательных, выражающих своими значениями свойства предметов, оценки их качеств людьми, составляет непомерно широкий смысловой объем имен прилагательных. Это объясняется тем, что в окружающей нас предметной, социальной и духовной

сферах наличествует гораздо больше свойств, качеств, эмоциональных оценок, чем самих предметов, событий, лиц, которым они принадлежат [4].

Оценочным значением обладают также сниженные производные существительные с суффиксом *-isme*, образованные от имен существительных: *punkisme* n.m. – «мировоззрение панка», *sexisme* n.m. – «предоставление привилегий полу за счет другого, чаще всего дискриминация женщин». В этом случае оценочность основана на логических суждениях об объективных признаках денотата и зависит от позиций носителей языка.

Общество, в большинстве своем не приемлет категорию лиц, подобных панкам. У большинства франкофонов слово «punk» ассоциируется с чем-то выходящим за рамки принятого. Поэтому употребление термина «*idéologie du punk*» не может передать общественное неодобрение к данному явлению, в то время как арготическая единица «*punkisme*» четко передает и объект, о котором идет речь и отношение к нему.

Изучение оценочных арготизмов, созданных путем прибавления суффиксальных средств и функционирующих в речи французов, позволяет выделить ряд суффиксов средней активности. Например, суффикс *-aille*, являющийся продуктивным для образования арготических собирательных существительных, носящих преимущественно уничижительный смысл. Например, существительное женского рода *roulaille* – «полиция» образовано прибавлением оценочного суффикса *-aille* к исходному элементу «*roule*», являющемуся ЛЕ арготического вокабуляра и синонимом производной единицы. Таким образом, суффиксации подвергается арготизм, что сигнализирует об интенсификации всех компонентов семантической структуры лексического значения слова, в том числе и оценочного.

С помощью данного суффикса образованы следующие арготические ЛЕ, употребляющиеся в ситуации сниженного общения: *bleussaille* n.m. – «группа

новобранцев», *boustifaille* n.f. – «пища», *Franchecaille* n.pr. – «Франция», *journalle* n.f. – «день» и др.

Суффикс *-ingue* усиливает отрицательное содержание семантики исходных ЛЕ. Например, арготическое прилагательное *seulingue* adj. – «одинокий». Производящая основа рассматриваемой ЛЕ, представленная корневой морфемой *seul*, является достаточной для передачи понятийного ядра «одинокий». Но она абсолютно недостаточна для усиления общего впечатления от сказанного, усугубления отрицательной оценки говорящего. Таким образом, в процессе формирования номинативной арготической единицы *seulingue* суффикс *-ingue* выступает в роли средства, передающего разницу между понятиями «одиночество» и «полное, глубокое одиночество», которая проявляется лишь в выражении субъективного отношения, т.е. в оценивании субъектом объекта действительности.

Другие примеры, образованные тем же суффиксом: *folingue* adj. et n. – «сумасшедший», *poitringue* adj. – «чахоточный, туберкулезный», *valdingue* n.f. – «тяжелый чемодан, баул».

В случае создания оценочности посредством суффикса *-asse*, придающего уничижительный оттенок смыслу слова, мы сталкиваемся с комбинированием словообразовательных средств (суффиксация и метафорическое переосмысление): *connasse* n.f. – «глупая баба», *fendasse* n.f. – «женщина», *lavasse* n.f. – «пойло», *vinasse* – «вино низкого качества».

Именной суффикс *-caille* также относится к разряду средне продуктивных: *mouscaille* n.f. – «экскременты, грязь; невезенье», *tranchecaille* n.f. – «голова, лицо». Происхождение данного суффикса рассматривается в связи с одним из значений французского существительного *caille* – «экскременты». Отсюда уничижительный смысл и отрицательный характер слов: грязь, гадость, непристойность.

Суффикс *-ouse (-ouze)* образует существительные с пренебрежительным оттенком: *langouse n.f.* – «язык», *limouse n.f.* – «рубашка», *ricouise n.f.* – «укол», *tantouze n.f.* – «пассивный гомосексуалист».

Арготический суффикс *-oche*, самостоятельно, либо с предшествующей согласной, служит для образования существительных и прилагательных с ироническим и уничижительным смыслом: *astibloche n.m.* – «тип, субъект», *cinoche n.f.* – «кино», *dodoche n.f.* – «женская грудь».

Суффикс *-man(n)* передает усиление отрицательной оценки: *assrocheman*, *arrangeman*. Данный суффикс используется также в акте номинации полицейского мужского пола: *bourtman*, *poulman*. ЛЕ *repassemán adj. et n.* передает отрицательное отношение, что подтверждается переводом «обманутый, дурак».

Арготический суффикс *-mar*, служит для обозначения лиц мужского пола, либо номинации мужских профессий. Образованные единицы передают неодобрение и пренебрежение: *bossemar* – «начальник», *épicemar* – «бакалейщик», *perriq'mar* – «халявщик».

Для образования оценочных существительных женского рода в арго используется суффикс *-anche*: *boutanche* – «бутылка», *tournanche* – «прогулка», *Préfectanche* – «Префектура».

Суффикс *-ouille* участвует в образовании арготизмов разных частей речи, носящих уничижительный характер: *carambouille n.f.* – «мошенничество», *gidouille n.f.* – «брюхо», *magouille n.f.* – «провокация», *merdouille n.f.* – «печальная ситуация» и др.

К вышеперечисленным суффиксам можно добавить уменьшительные форманты, также способные привносить в значение производного слова элемент пренебрежительного отношения, либо придавать ситуации комический эффект и элементы умиления *-ette*: *respirette n.f.* – «кокаин», *jupette n.f.* – «состояние опьянения»; *-(t)on*: *lardon n.m.* – «ребенок», *mecton n.m.* – «человечишко», *molleton n.m.* – «икра (анат.)»; *-ot*: *dargeot n.m.* – «заднее место», *grillot n.m.* –

«обольститель», *parigot m.f.* – «парижанин, парижский», *réquenot n.m.* – «мужлан, деревенщина, хам»; *-otte: grelotte n.f.* – «страх», *jugeotte n.f.* – «здравый смысл».

Таким образом, оценочные элементы в значении, возникающие как потребность говорящего выразить свое отношение к предмету речи, его эмоциональный настрой присутствуют в каждом отдельном акте общения. Коммуникативная природа такого вида оценочности определяет ее специфику и речевое своеобразие. В коммуникации оценка всегда личностна и приводится в соответствии с особенностями конкретных говорящих субъектов.

Литература

1. Лопатникова Н.Н. Разговорно-сниженные псевдо-словообразовательные варианты стилистически-нейтральных слов в современном французском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. III. – Белгород, 1999. – С. 240-245.

2. Копытина Н.Н. Социолектные особенности французской молодежной речи: Дисс...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 163 с.

3. Нукалова В.И. Типы эмоциональных связей в современном французском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1974. – 24 с.

4. Овчинникова Г.В. Морфология адекватных суффиксов в словообразовательной системе современного французского языка: Дисс...канд. филол. наук. – М., 1986. – 175с.

5. Чекалина Е.М. К проблеме становления оценочного значения аффикса // Вестник Ленинградского ун-та. – Сер. 2. – История, языкознание, литературоведение. – Л., 1989. – Вып. 4. – С.73-78.

6. François-Geiger D. Panorama des argots contemporains // Langue française. Parlures argotiques. – P., 1991. - №90. – P. 5-9.

7. <http://www.okapi.fr>.

8. <http://www.phosphore.com>

9. <http://www.elle.fr>.

**ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ КОНЦЕПТА «MULTICULTURALISM»
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

Н.И. Костина,

кандидат педагогических наук, доцент

Д.М. Костина,

кандидат филологических наук

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Концепт multiculturalism может быть представлен целым конгломератом значений, приобретающих свое смысловое становление в различных типах контекстов, подчиненных решению основной задачи языка СМИ – передаче информации с учетом конкретных установок и убеждений.

Ключевые слова: мультикультурализм, концепт, оценка, язык СМИ, политическая публицистика.

The concept of multiculturalism can be presented by a number of semantic meanings which find their expression and content in specific contexts determined by the basic tasks of Media messages .

Keywords: multiculturalism, concept, evaluation, Media language, political press.

Великобритания покинет Европейский союз 29 марта 2019 года в 23:00 по Гринвичу. Об этом заявил британский министр Дэвид Дэвис, курирующий вопросы отделения страны от партнеров по ЕС, заявив, что это решение будет закреплено законодательно.

Тридцать лет назад многие европейцы считали возможным вариантом решения социальных проблем Европы реализацию идеи мультикультурализма – идеи инклюзивного, многообразного общества. Сегодня все больше людей полагают, что в именно в ней – главная причина неурядиц. Такие настроения вынудили некоторых ведущих политиков публично осудить мультикультурализм и выступить против его опасностей и рисков. Все это способствовало успехам крайне правых партий и политиков-популистов по всей Европе – от «Партии свободы» в Нидерландах до Национального фронта во Франции. В экстремальных случаях дело дошло до отвратительных актов насилия: так, в июле 2011 г. Андерс Беринг Брейвик совершил массовое убийство на норвежском острове Утейя [3].

Следует подчеркнуть, что обращение к материалу политического дискурса является наиболее показательным в терминах изучения концептуальных структур подобного рода. Не менее актуальной проблемой, находящейся в центре дискурсивных исследований, является вопрос о способах вербального воплощения различных идеологических установок в обществе, поскольку, как отмечает Т. ван Дейк, дискурс обладает потенциалом «вербальной дискриминации», «что справедливо и для других социальных практик, направленных против меньшинств. В этом плане особое место занимает тезис о дискурсивных стратегиях «отрицания расизма», рассматриваемых как способ позитивной саморепрезентации, реализуемой на уровне индивидуального и социального измерений [1].

В целях формирования определенной оценки у адресата Кенан Малик, осуществивший анализ известным идеологом «From Fatwa to Jihad», «Here to stay, here to fight» [2], в своей статье обращается к ряду приемов, используя коннотативно окрашенные единицы, оценочные слова и интенсификаторы, (worries, valuable, good, bad; the very thing, clearly), одновременно реализуя категорию степеней (more destructive, less resolvable), такие стилистические средства, как образные сравнения и метафоры (the world is a messy place; parceling people up into neat ethnic boxes; policing the boundaries of those boxes in the name of tolerance and respect), эвфемистические замены (the irony of multiculturalism), противопоставления (we need to separate the debate about immigration and diversity, on the one hand, from that about multiculturalism on the other, and defend the one, but oppose the other), в том числе – иронического плана (not because they are white, because they have been politically and financially abandoned over the past decade), создавая квазисинонимические ситуации (That's all for the good, for such clashes and conflicts are the stuff of political and cultural engagement; the very thing that's valuable about diversity is the very thing that worries many multiculturalists), опираясь на контекстуальную контактность языковых единиц, репрезентирующих

концепцию мультикультурализма (multiculturalism; immigration and diversity), а также упоминая некоторые политические реалии для фактического подтверждения достоверного характера информации (Communities Minister John Denham's announcement), реализуя ряд клишированных сочетаний, убеждающих адресата в компетентности автора и официальном признании излагаемой позиции (the logical end point, to challenge all this), – что позволяет ему не только ясно выразить свою точку зрения и оценку, но и оказать определенное воздействие на читателя, убеждая его в корректности излагаемой доктрины, несмотря на определенную двуплановость изложения. В значительной степени данному процессу способствует поддержание имиджа объективности на уровне заключающего статью синтаксического повтора, находящегося в позиции активизирующего внимание адресата выдвижения: «The lived experience of diversity has been good for Britain. Multiculturalism has been bad».

Приведем ещё один пример: But the overarching reason why Britain left the EU, I believe, is plainly and simply understood if political correctness is set aside. A slim majority of the British public, primarily its aging population who remember what Britain was once like not too long ago as society and culture that open immigration policy severely, if not mortally, has undermined, decided that to save what remained of their island kingdom they needed to regain their full political sovereignty instead of losing more of it to the bureaucrats of the EU in Brussels. Immigration, it bears repeating, and what it together with multiculturalism have done to Britain in incrementally unraveling its very special place in history, over-rode the arguments in favor of remaining in the EU [4].

Анализ материала политической публицистики позволяет заключить, что вербально репрезентируемый концепт multiculturalism обладает высоким потенциалом в плане выражения оценочных коннотаций различного характера, что обусловлено его содержательной спецификой и особенностями когнитивного статуса. Таким образом, на уровне языковой репрезентации данная

концептуальная сущность может быть представлена целым конгломератом значений, приобретающих свое смысловое становление в различных типах контекстов, в данном случае подчиненных решению основной задачи языка СМИ – передаче информации с учетом конкретных политических установок и убеждений, отражающих ситуацию в современном британском лингвокультурном социуме.

Литература

1. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [Текст] / Тён А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.–344 с.
2. Malik, K. Here to stay, here to fight // 2012. Режим доступа: <http://libcom.org/history/here-stay-here-fight-kenan-malik>
3. Mansur S. Brexit and Multiculturalism // 2016. Режим доступа: <https://www.americanthinker.com/articles/2016/06/brexit-and-multiculturalism.html>. Дата обращения: 12 января 2018г.
4. Малик Кенан Крах мультикультурализма // 2015. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Krakh-multikulturalizma-17450>. Дата обращения: 12 января 2018г.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ В КУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Н.И. Костина,

кандидат педагогических наук, доцент,

Д.М. Костина,

кандидат филологических наук,

Н.А. Карнаухова,

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

В статье рассматривается проблема планирования занятий по курсу делового английского языка и организации тестового контроля за качеством формирования речевых навыков и умений обучающихся. Дается обзор тестовых заданий, позволяющих осуществлять поурочный мониторинг.

Ключевые слова: деловой английский язык, тестовый контроль, поурочный мониторинг.

The article deals with the problem of planning the course of Business English and arranging testing control of the formation of speech skills and habits. The authors

present a number of testing techniques used to carry out a regular monitoring of the students' achievements.

Keywords: *Business English, testing techniques, monitoring of the students' achievements.*

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) определяют новые, соответствующие современному социальному заказу общества, цели обучения, в том числе, и в обучении иностранному языку. Анализ требований ФГОС ВО показывает, что они ориентированы на компетентностно-деятельностную, социокультурную, культурологическую парадигму обучения, что влечет пересмотр всего процесса обучения студентов иностранному языку, включая его учебно-методическое обеспечение.

Рассматривая проблему организации учебного процесса по курсу делового английского языка, необходимо отметить, что «целью данного курса является формирование не только речевых навыков и умений, но и деловых качеств, а также специальных умений официального общения, введения переговоров с помощью средств иностранного языка» [1, с.154].

Как было отмечено, обучение английскому языку делового общения предполагает формирование определенных коммуникативных навыков и умений в профессиональной сфере, при этом чрезвычайно важной является проблема грамотной организации контроля качества формирования речевых навыков и умений студентов, в частности и с помощью тестирования, которое рассматривается как «измерительная процедура, направленная на выявление и мониторинг специфических проявлений языкового поведения» [2].

Существуют различные модели планирования урока делового английского языка. Это творческий процесс, который определяется личностью самого преподавателя, уровнем подготовки и психологическими особенностями обучающихся и конкретными целями данного урока. Используемая авторами статьи модель организации занятий по курсу «Английский язык делового

общения», предложенная британским специалистом в области преподавания делового английского языка Н.Бригером [3], обеспечивает гибкость планирования и широкий охват всех аспектов обучения профессиональному общению. В целом, данная модель включает в себя шесть этапов, каждый из которых сопровождается определенным видом тестирования, начиная с коротких экспресс-тестов на начальных этапах работы, заканчивая комплексными тестами, охватывающими практически все виды речевой деятельности.

Этап 1. Вводный текст, содержащий информацию по заданной проблеме, лексические единицы и грамматические конструкции, реализующие его содержательный аспект.

На этом этапе реализуется информационное обеспечение урока с учетом профессионального аспекта. Вводный текст может быть предъявлен для чтения или прослушивания, но в любом случае он должен являться моделью для реализации конечной цели урока.

Этап 2. Упражнения, семантизирующие и актуализирующие лексико-грамматический материал раздела. Здесь концентрируется внимание на языковом аспекте урока, который может включать грамматические структуры, ключевую лексику и/или фонетические образцы. Преподаватель должен решить, на каком языковом аспекте необходимо сосредоточить внимание студентов, и роль преподавателя на этом этапе заключается в объяснении основных особенностей определенных грамматических форм и лексических единиц.

Этап 3. Управляемая практика (controlled practice) по формированию речевых навыков (фонетических, лексических, грамматических), способствующая максимальному присвоению как содержательного, так и языкового аспектов текста. Обучаемым предоставляется возможность упражняться в употреблении языковых единиц, которые были представлены на втором этапе. Это осуществляется с помощью ряда упражнений под контролем преподавателя: заполнение пропусков, преобразование предложений, работа с родственными группами слов и т. д. Такие упражнения концентрирует внимание

обучаемых на соответствующих языковых явлениях и проверяют способность правильного их применения.

На этих этапах используются, в основном, лексико-грамматические тесты, при этом лексические тесты проверяют навыки орфографии, словообразования, составления коллокаций и т.д. Вариантами грамматических тестов могут быть: выбор правильного ответа (множественный выбор); постановка предложенных слов в правильную грамматическую форму; преобразование, составление или завершение предложений; исправление ошибок; парафраз с использованием базовых грамматических структур и др.

Этап 4. Частично-управляемая практика (guided practice) по формированию речевых умений на основе условно-речевых и речевых упражнений. Анализируются модели определенных форм общения для того, чтобы обучаемые получили представление о процедуре, поведении, речевых моделях, реализующих те или иные поведенческие контексты. Эти модели могут быть представлены как самим преподавателем, так и в виде аудио- или видеомодулей для демонстрации их основных особенностей. Если в качестве примера взять презентации, то обучаемый должен научиться начинать презентацию, объединять отдельные части презентации, закончить презентацию и подвести итог, решить, какие аудиовизуальные средства использовать и т. д.

Этап 5. Частично-управляемая практика (guided practice), реализуемая на основе собственно речевых упражнений и предполагающая репродуктивно-продуктивную и продуктивную учебную деятельность студентов, обеспечивает практическое применение способов и приемов общения под контролем преподавателя. Отрабатываются и проверяются определенные элементы коммуникативных умений, чтобы убедиться, что способы общения и сопутствующее речевое оформление адекватно коммуникативной задаче.

Этап 6. Свободная практика (free practice), предполагающая продуктивную иноязычную речевую деятельность студентов, является финальным этапом и обеспечивает возможность свободной коммуникативной практики.

Тесты, используемые на завершающих этапах работы по теме, ориентированы на контроль сформированности речевых умений студентов в различных видах речевой деятельности.

Так, тесты на проверку письменной речи проверяют навыки передачи идей и мыслей на иностранном языке, умение работать с документацией, извлекать информацию из таблиц, графиков, аннотаций, рекламных объявлений и передавать ее в письменном виде. Среди письменных тестов можно выделить заполнение бланков, проверяющее умение кратко излагать необходимую информацию личного и делового характера; описание таблиц и графиков, предполагающее умение извлекать, систематизировать и кратко передавать полученную информацию в логической последовательности, а также умение пользоваться речевыми клише; написание личного и делового письма, демонстрирующее владение деловой этикой, знание общепринятых норм общения и связанной с ними лексикой, то есть знание этикета и этикетно-узуальных форм; написание краткого реферата, эссе, резюме, проверяющее умение изложить свои собственные мысли и сделать выводы. Важной чертой такой работы является соблюдение логической последовательности высказывания, выделение абзацев, умение соотносить и противопоставлять факты, употребление слов-связок, таких как *however, yet, otherwise, to sum up, so, in conclusion, thus* и т. д.

Эффективны тесты по чтению, которые проверяют уровень понимания и извлечения информации, представленной в письменной форме. Среди наиболее распространенных тестов необходимо назвать тесты с пропусками (*cloze tests*), выбор правильного перевода или дефиниции, определение, как соотносятся друг с другом события или явления, упоминаемые в тексте, выбор заголовка к различным частям текста, восстановление порядка следования событий или этапов какого-либо процесса, заполнение схем, таблиц, форм, диаграмм, классификация явлений, событий и другие задания.

Достаточно часто используются и тесты по аудированию, которые проверяют умения учащихся извлекать специфическую и фактическую информацию из прослушанного, идентифицировать говорящих, выявлять отношения между фактами и приведенной информацией. Они также тестируют умение следовать устным инструкциям и наставлениям, идентифицировать имена, даты, распознавать, что сообщает говорящий – факты, предположения или мнения, делать заключение и выводы.

Отметим также, что эффективными являются тесты по говорению. Они проверяют такие коммуникативные умения студентов, как умение высказывать свое мнение, давать оценку, делать выводы, расспрашивать, отвечать на вопросы, реагировать на реплики и замечания и т. д. Эти тесты также проверяют фонетические навыки студентов и способность грамматически правильно оформлять речь, использовать лексические единицы, реализующие коммуникативную задачу. В качестве примера можно привести задания для организации монологического высказывания: описание серии рисунков, высказывание на заданную тему, комментирование какого-либо события и т. д. В данном случае проверяется умение передать необходимую информацию в сжатой форме, корректность и логичность оформления речи, использования изученных языковых единиц. Диалогическая речь представлена такими видами заданий, как диалог-расспрос, диалог-запрос информации, обсуждение событий и т. д. Для данного вида деятельности требуется быстрота реакции, понимание реплик партнера, адекватное реагирование коммуникантов, быстрота реплицирования. Задания такого рода обычно воспроизводят естественные ситуации и предполагают умения делать выводы, обобщать, говорить как на общие, так и профессиональные темы. Студенты должны уметь дать личностную оценку обсуждаемым фактам, явлениям, используя при этом лексику эмоционально-оценочного характера.

В отдельных случаях используются тематические тесты на знание культурных, социокультурных, исторических, географических, политических, экономических и других сведений о стране изучаемого языка.

В целом, грамотная организация занятий, в т.ч. использование специфической для каждого вида речевой деятельности тестовой стратегии, позволяет сделать учебный процесс более эффективным и продуктивным, организовать мониторинг качества формирования речевых навыков и умений. Кроме того, грамотно организованное занятие, реализуемое в рамках современного коммуникативного подхода, регулирует процесс учебно-познавательной деятельности студентов, оказывает положительное влияние на его результативность.

Литература

1. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие / Ирина Леонидовна Колесникова, Ольга Алексеевна Долгина. М.: Дрофа, 2008, 431 с.
2. Мильруд Р. П. Гуманистическая теория в практике языкового тестирования / Радислав Петрович Мильруд // АЯШ. – 2005, – № 4., с. 4-13.
3. Brieger, N. The York Associates Teaching Business English Handbook / Nick Brieger. York Associates // 1994. – 211 p.

DEJAVU: РУССКИЙ ОБЕД В ЛЕГНИЦЕ

Ольга Красецкая,

старший преподаватель русского языка,

Государственная Высшая Профессиональная Школа им. Вителона, Польша

История советско-польской Легницы насчитывает 50 лет. Здесь, в этом маленьком городке на самом западе Польши, с 1945 и по 1993 размещались советские войска. Когда они ушли, началась для города новая история Легницы, и новое поколение уже себе не представляет, что когда-то город был поделён на две части, что он был советско-польский.

Казалось, давно ушедшая страница истории продолжается. Но на другом уровне. Это повторение – как дань благодарности за гостеприимство и дружелюбие Легнице и легничанам за тот 50-летний период. Ушедшая история вернулась в Легницу, принесла популярность и известность ей не только в общепольском, но и мировом масштабе. Фильм Вальдемара Кшистека «Маленькая Москва», книги Войцеха Кондуши, фотоальбом Франтишка Гживача «Легница за советской стеной», недавно открывшийся ресторан «Маленькая Москва», путеводитель по Легнице «По следам Маленькой Москвы», многочисленные телерепортажи в польском, немецком, белорусском и российском телевидении, в прессе – и у всех Легница на устах и на слуху. Она стала популярна.

50 лет не принято было говорить о Легнице из-за присутствия здесь советских войск. Теперь, благодаря этому же, о Легнице говорят все: одни критично и зло, другие с гордостью и симпатией.

Моё первое посещение ресторана «Mała Moskwa» в Легнице произошло уже после его официального открытия – хотелось посмотреть трудовые ресторанные будни и почувствовать его атмосферу. Есть ли тут русский дух, и «пахнет» ли тут Русью?

Меню при входе радует глаз и будоражит вкусовые рецепторы, предлагая на русском языке(!) близкие и знакомые с детства блинчики с мясом и с творогом. Так и хочется себя ущипнуть, чтобы поверить, что это не сон. В возбуждённом и приподнятом настроении, с трепетным предчувствием чуда я поднимаюсь по лестнице в ресторан. И...вот он – наш, «любимый и вечно живой Ленин», иронично щурясь, посматривает на дверь, ведущую в зал ресторана, с надписью по-русски «Вход». И пусть его бюст здесь – только часть интерьера, но он – наше детство и юность, и без него, конечно же, никак нельзя! На окнах пожелтевшие номера газет «Правда» и «Известия», на вешалке – настоящий генеральский мундир.

Ресторан состоит из двух помещений, всего несколько столиков. Приятно читать даже надписи на корявом казарменном русском – «комната для умывания», где помещается туалет, «спальная комната», где предполагается устроить танцплощадку.

Русская по происхождению, я чувствую себя здесь как дома. Помните ощущение детства? Тепло, безопасность и защищённость отчего дома. И обстановка та же – знакомый буфет, хохлома на нём, пыхтит самовар и сладостно – томительно пахнет вишнёвым вареньем, лампа с абажуром, а на вешалке военная форма – как будто папа только что пришёл с работы, и даже стулья! У меня в Ленинграде были точно такие же! Дежавю какое-то...

Я сажусь за стол и изучаю меню на отличном русском языке. О! Сало, малосольные огурчики, русская горчица – перед таким джентельменским набором не устоит ни один мой земляк, а душа каждого возрадуется, и рука сама потянется к рюмочке! Но где же русская водочка в русском-то ресторане? Помня везде и всегда моего опального и удалого дедушки-царского офицера: «Пить надо только высококачественный алкоголь», я рассказываю хозяйке заведения о водке «Русский стандарт» и «Белуга», о музее русской водки в Санкт-Петербурге и о русской философии употребления этого напитка. Через пятнадцать минут (буквально!) эта водка занимает своё почётное место в буфете. Можно заказывать. Теперь всё, как надо!

Закуски ностальгически искушают до боли родным салатом оливь и селёдкой под шубой, а украинский борщ во всей Польше только в «Маленькой Москве» подаётся с пампушкой, да ещё с чесночным смаком и только что из печи, а блины с чёрной икрой готовятся здесь исключительно из гречневой муки по старинному русскому рецепту, как и следует быть.

Вкушая солянку, рискуешь проглотить язык, – такая она наваристая и аппетитная, а любимые всеми без исключения пельмешки, подаваемые здесь с густой, так что ложка стоит, сметаной, наверняка закажешь и во второй раз. И

сразу двойную порцию. И всё это объединение за вполне нормальную и доступную для всех цену.

В ресторане играет русская музыка. Звучит тихо, как фон ко всему, – душевная, спокойная, объединяющая, она располагает к задушевному разговору, сердечности, теплу и любви всеобщей, а слова «как упоительны в России вечера», ставшие уже давно гимном моих земляков, разбросанных по разным странам мира, неизменно вызывают неудержимый порыв воспарившей души и желание воскликнуть такое классически русское: «А теперь – к цыганам!». И становится понятной необыкновенная щедрость гостей, которые в этом порыве оставляют здесь чрезвычайно солидные чаевые на развитие заведения.

Я разговариваю с хозяйкой ресторана. Ещё совсем недавно она мечтала о ресторане в стиле времён довоенной Легницы, тогда ещё немецкой. Была уже собрана огромная коллекция старых фотографий и графики Легницы. Но когда Вальдемар Кшистек начал снимать фильм «Маленькая Москва» и стало видно всеобщее воодушевление, сомнений ни у кого уже не было – это будет русский ресторан! Он здесь в Легнице исторически обоснован и на своём месте, он просто должен быть здесь. Появление ресторана настолько было своевременным и точно, что он уже сегодня воспринимается как неотъемлемая часть города, как его достопримечательность. Владелица ресторана рассказывает, что в оформлении интерьера ресторана участвовали все- друзья, знакомые и незнакомые, – приносили старые, с тех времён фотографии, военное обмундирование и оружие, мебель, подстаканники советских времён и сифоны, кухонную утварь, диски с русской музыкой. Чудесным образом «пришла» и старая повареная книга на русском языке, по которой теперь готовятся блюда.

Большую помощь оказал Михал Сабадах, владелец частного музея военной атрибутики, оставленной выезжающими из Легницы частями Северной группы войск. Окрылённая успехом и популярностью своего ресторана, сердечностью посетителей, хозяйка ресторана планирует расширить ресторан, а персонал одеть

в старую военную форму, думает о традиции регулярных вечеров русской поэзии и песни, встречах с интересными людьми, а для молодёжи мечтает открыть русскую дискотеку.

Воодушевились и мои земляки: нашёлся ди-джей, прекрасно разбирающийся в русской музыке, преподавательница русского языка, охотно согласившаяся помочь в организации вечеров поэзии, кто-то обещал привезти из поездки в Россию военные сапоги для официантов, кто-то обещал пригласить русских артистов из Вроцлавской филармонии – одним словом: кто чем мог, тем и помог. Как говорится: с миру по нитке – с любовью!

Для жителей Легницы «Маленькая Москва» стала своего рода русским клубом. Ресторан стал Меккой, куда стекаются все, кто чувствует в себе русский дух или симпатию к нему, кого приводят сюда воспоминания тех лет или желание отведать чего-нибудь вкусенького, послушать русскую музыку, окунуться в атмосферу фильма «Маленькая Москва».

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

Е.Л. Куксова,

кандидат филологических наук

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Статья затрагивает вопросы определения лингвистической интерференции в условиях билингвизма. Особое внимание уделяется лексической интерференции, ее особенностям и характеру ее проявления в языке-реципиенте.

Ключевые слова: языкознание, билингвизм, языковые контакты, интерференция, заимствования.

The article touches on the definition of linguistic interference in bilingualism. Particular attention is paid to lexical interference, its features and the nature of its manifestation in the language of the recipient.

Keywords: linguistics, bilingualism, language contacts, interference, borrowing.

Вопросы взаимодействия двух и более языков и их взаимовлияние в речи индивидуумов занимают важное место в современной лингвистике. Взаимодействие двух языков отличается сильным взаимовлиянием, которое, как правило, зависит от того, какой из двух языков является ведущим в речи индивидуума и общества в целом. Оказываемое языками воздействие друг на друга неизбежно приводит к интерференции, которая представляет собой «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингвов в результате их знакомства с более чем одним языком» [Вайнрайх 1979].

Существует несколько видов лингвистической интерференции: фонетическая и фонологическая, грамматическая и лексическая.

Как отмечает У. Вайнрайх, при изменениях контактного типа наблюдается «заимствование языковых элементов одного языка в другой и межъязыковое отождествление элементов двух языков, затем аналогичное по своей природе изменение одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка» [там же].

Так, например, на фонетическом уровне наиболее распространенным интерференционным механизмом является отождествление носителями звуков двух языков, в то время как заимствование фонем в языке наблюдается редко. На морфологическом и синтаксическом уровнях интерференция проявляется в межъязыковом отождествлении, процессах, подобных семантическому сдвигу и калькированию в лексике, при котором в язык приходят новые грамматические категории из другого языка. Прямое заимствование грамматических маркеров происходит редко. На лексическом уровне интерференция проявляется при заимствовании и реже при межъязыковом отождествлении [Багана 2007: 70].

В связи с поставленными в работе задачами остановимся более подробно на лексической интерференции.

Языковой контакт приводит к проникновению одного языка в природную и социокультурную среду другого, что в свою очередь стимулирует появление

многих других потребностей в выражении и общении, особенно в лексическом плане. В стремлении восполнить появившиеся пробелы в языке находятся следующие решения: ресурсы языка могут быть использованы для создания новых лексем; существующим лексемам могут придаваться новые значения (особенно посредством кальки); слова могут быть заимствованы из местного языка [Багана 2007: 81].

Следовательно, лексическая интерференция выражается в непосредственном заимствовании лексических единиц, в структуре иноязычных лексических единиц, в заимствовании их значений и их связей с единицами плана выражения. Таким образом, случаями лексической интерференции будут *заимствование, калькирование и семантическая интерференция*.

При лексической интерференции наиболее частотным механизмом является *заимствование*. Процессы лексического заимствования широко распространены и заметны, что объясняется во многом тем, что лексические заимствования, единственный вид интерференции, для которого не обязательно двуязычие, а также потому, что заимствования быстро распространяются в одноязычном сообществе.

Также, стоит отметить, что заимствование представляет собой такой тип лексической интерференции, который не только создает определенные изменения в лексико-семантической системе воспринимающего языка, но и представляет собой реальную основу для возникновения интерференции на других уровнях языка – фонологическом и грамматическом.

Наиболее сильное влияние оказывают языки, имеющие большую социальную и культурную значимость, широко распространенные в мире, обладающие престижем, ценностью в международном масштабе. При заимствовании элементы чужой речи постоянно проникают в сознание индивидуумов, которые усваивают их сознательно и бессознательно. Так они

удовлетворяют свою потребность в новых номинациях для называния новых реалий, новых ситуаций и условий жизни.

Индивидуумы по-разному используют заимствования. Одни используют заимствования как инкрустации, при которой происходит кодовое переключение с одного языка на другой, и говорящий употребляет чужое слово как вставку (инкрустацию), с соответствующим произношением, без какого-либо морфологического приспособления. Другие используют заимствования в том фонетическом облике, который отражает произношение (не написание), но на это произношение нередко накладывается ярко выраженный акцент.

Основными причинами заимствования в речи эмигрантов, по мнению Е.А. Земской, являются: необходимость номинации (иноязычные слова именуют нечто специфическое в новой жизни, отсутствующее или не характерное для жизни на родине), специфическая прагматика (аналогичные предметы и явления имеются в России и для них есть названия, но они столь резко отличаются по своей прагматике от зарубежных, что русское слово не передает их специфику), высокая коммуникативная актуальность понятий (заимствования называют очень важные для жизни в данной стране понятия, предметы или явления). При этом, часто эти причины действуют совместно [Земская 2001].

Однако, важно отметить, что процесс интерференции отличается от процесса заимствования. Процесс заимствования необязательно проявляется в условиях билингвизма. Иначе говоря, для заимствования необходим языковой контакт, но не обязателен билингвизм. Заимствование как процесс осуществляется на социальном, а не на индивидуальном уровне. Для заимствования нужно всеобщее принятие данного элемента языка, и оно возникает не потому, что человек испытывает влияние родного языка, а вследствие самых разных причин социального характера.

Большую роль в определении интерференции также играет степень владения своим и чужим языком, из-за чего интерференция может иметь разные

степени интенсивности в разных социальных группах. Чем выше уровень владения чужим языком, тем меньше проявляется интерференция у носителя. Поэтому особенно часто интерференция встречается при изучении языка в школьных условиях. Отметим также, что интерференция нередко возникает, когда говорящий воспринимает слово родного языка в качестве интернационального и вставляет его в чужой язык в привычном для него значении.

Проникновение заимствований в систему языка происходит тремя способами: 1) создавая смешение содержания старого и нового слова (в каждом из случаев такого смешения одно из слов может закрепить за собою выражение объединенного содержания, а другое – выйти из употребления); 2) приводя к исчезновению старого слова, если его содержание полностью покрывается заимствованием (хотя на практике тяжело доказать, вышло ли слово из употребления полностью или его употребление только ограничено); 3) сохраняя и новое, и старое слова, но специализируя их значения. В ситуации, когда сохраняются два слова, специализация значения затрагивает их оба. Специализация значения может выражаться в его закреплении за определенным стилем или сферой употребления.

Таким образом, под языковой интерференцией мы понимаем внесение в систему речи и в систему языка элементов родной речи и родного языка при усвоении и использовании второго языка. Элементы родной речи и родного языка переносятся в другой язык билингва в виду привычности для него использования данных форм и значений в своем родном языке. В этом случае интерференция понимается как внесение элементов одного языка в другой в условиях индивидуального и социального билингвизма. Элементы, перенесенные из одного языка в другой, называются интерферируемыми элементами. Они могут касаться произношения, грамматики, лексики и семантики. Заимствования могут быть окказиональными, единичными, а интерференция предполагает интенсивные контакты и массовые заимствования. Простое слово может быть перенесено или

воспроизведено с определенным семантическим расширением, а сложное – переносится в анализируемой форме, либо воспроизводится в виде кальки или гибридного образования.

Литература

1. Багана, Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма дис. [...] докт. филол. н. [Текст] / Ж. Багана. – Саратов, 2004. – 353 с.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты [Текст] / У. Вайнрайх. – Киев: Вища шк., 1979. – 263 с.
3. Земская, Е.А. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в современном русском языке [Текст] / Е.А. Земская // Жизнь языка: сб. статей к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С.68–76.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ БИЛИНГВИЗМА

Е.Л. Куксова,

кандидат филологических наук

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Статья затрагивает вопросы определения билингвизма в лингвистическом, лингвокультурном, психолингвистическом и социокультурном аспектах. Описываются основные характерные черты двуязычия с точки зрения каждого из данных аспектов.

Ключевые слова: языкознание, лингвокультурология, билингвизм, языковые контакты.

The article touches on the definition of bilingualism in linguistic, linguocultural, psycholinguistic and sociocultural aspects. The article describes main characteristic features of bilingualism from the point of view of each of these aspects.

Key words: linguistics, linguoculturology, bilingualism, language contacts.

На сегодняшний день билингвизм подробно изучается и описывается учеными. Однако данное явление слишком многогранно и затрагивает различные стороны жизни человека, поэтому билингвизм рассматривается с точки зрения многочисленных аспектов, каждый из которых отрывает новые стороны данного феномена. Обычно, в самом простом смысле, билингвизмом (от лат. *bi* – «двойной», «двоякий» и *lingua* – «язык») называют способность индивида пользоваться двумя языками, а билингвом – человека, который владеет двумя и более языками.

Являясь результатом длительного исторического развития, язык современного человека является важнейшим проявлением культуры человеческого сообщества, представляет собой исторические системы постоянно существующих в ней символов. Все речевое общение в данном языковой сообществе подчиняется законам действующего в нем языка с его собственной системой фонетических, лексических, грамматических и стилистических средств и правил общения. В современных условиях жизни общества, сопряженной с миграцией населения, с постоянным взаимодействием народов и культур, естественной и жизненно важной необходимостью становится владение двумя и более языками.

Билингвизм многоаспектен и является предметом изучения различных наук, каждая из которых рассматривает билингвизм в своей трактовке.

Билингвизм, являясь проблемой междисциплинарных исследований, изучается в рамках психолингвистического, лингвистического, лингвокультурологического, педагогического и социолингвистического аспектов.

1. Психолингвистический аспект позволяет понять механизм воздействия билингвизма на мышление индивидуума (или целого народа/социума). Как пишет Е.М. Верещагин, двуязычие представляет собой психический механизм, состоящий из знаний, умений, навыков, которые позволяют человеку воспроизводить и порождать взаимосвязанные речевые высказывания в рамках двух языковых систем [Верещагин 1969: 134].

Взаимодействие двух языковых систем в сознании человека и изучение ментального лексикона билингва породили три основные психолингвистические гипотезы («двойного хранения», «единого хранения», «гипотеза тройного хранения»). В гипотезе «двойного хранения» выдвинуто предположение, что индивид обладает двумя относительно независим друг от друга ментальными лексиконами. Согласно гипотезе «единого хранения» билингв пользуется единым ментальным лексиконом. Однако, по нашему мнению, гипотеза «тройного

хранения», предложенная М. Паради, более жизнеспособна, поскольку предлагает выделять уровень понятийных репрезентаций (содержание, значение, смысл слова) отдельно от двух относительно независимых ментальных лексиконов, которые выступают в качестве хранилищ лексических единиц [там же].

2. Основной целью изучения билингвизма в педагогическом аспекте выступает разработка лингвометодической и психологической базы усвоения второго языка. Попытки объяснить механизм взаимодействия родного и второго языков и ментальность видения мира билингвом способствуют формированию эффективной методологической базы обучения иностранному языку как в одноязычной, так и в двуязычной среде, а также разработке действенных видов речевой деятельности, благоприятствующих развитию двустороннего билингвизма.

Одной из наиболее важных проблем педагогического аспекта изучения билингвизма является выявление благоприятного возраста для начала изучения языка вне иноязычной речевой среды. Отметим, что данный вопрос освещается учеными по-разному и на сегодняшний день не может быть решен.

Так, например, В.Г. Костомаров утверждает, что сложившаяся структура лингвистического сознания индивида, закономерности, формы и понятия родного языка благоприятствуют изучению иностранного языка, который лишь накладывается на уже готовые формы, закрепленные в мышлении индивидуума [Костомаров 1991: 13].

Особой заслугой педагогического аспекта изучения двуязычия стало открытие такого явления как «семилингвизм» или «полуязычие», которое возникает при недостаточном коммуникативном взаимодействии на первом и втором языках, при котором плохое знание родного языка не позволяет индивидууму в полной мере освоить второй язык [Вахтин 2001: 78]. Данное открытие привело некоторых лингвистов к мнению, что все билингвы являются

полуязычными, объясняя это тем, что они хуже владеют первым и вторым языками в сравнении с носителями лишь одного языка.

3. В лингвистическом аспекте под двуязычием понимают инструментом выражения мыслей и чувств на двух языках, взаимовлияние, взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих языков на фонологическом, фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях языка.

Также отметим, что при лингвистическом подходе к изучению билингвизма поднимаются вопросы об уровне владения первым и вторым языками, вследствие чего лингвисты делятся на две большие группы: одни лингвисты (например, О.С. Ахманова, Ю.Д. Дешериев, В.А. Аврорин, Т.А. Бертагаев и др.) отмечают, что для билингвизма важно свободное (одинаковое, примерно одинаковое) владение двумя языками, а другие (например, В.Ю. Розенцвейг, У. Вайнрайх, Е.М. Верещагин, В.Н. Геращенко др.) – не считают степень владения языками значимой в определении билингвизма.

4. Социолингвистический аспект представляет билингвизм как сосуществование в одном языковом коллективе двух языков, которые в зависимости от социальной ситуации используются в различных коммуникативных сферах. Являясь частью социально-коммуникативную системы, языки функционально дополняют друг друга.

Так, Х.З. Багиров пишет о различиях в определении билингвизма с лингвистической и социолингвистической точек зрения. В первом случае билингвизм рассматривается как свободное знание двух языков, а во втором случае – как владение контактирующими языками не в одинаковой степени и их дифференцированное использование в различных речевых ситуациях [Багиров 2004: 11].

5. Лингвокультурологический аспект позволяет изучить языковую картину мира билингва, его языковую личность и влияние концептуализации окружающей

действительности на производство речи, содержание высказывания, способы выразить лингвокультурные и психологические ценности и ориентиры. Являясь результатом межкультурного взаимодействия, билингвизм является особой формой адаптации двух (иногда совершенно разных) лингвокультур. Комплексный анализ лингвистических и национально-культурных особенностей языков объясняет процессы взаимодействия языковых коллективов с учетом их культурного и языкового разнообразия.

Подводя итог, отметим, что каждый подход к определению билингвизма позволяет открыть данное многогранное явление с новой стороны. Рассматриваемое нами явление достаточно хорошо изучено, однако в силу его многоаспектности билингвизм все ещё сложно охарактеризовать.

Литература

1. Багана, Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма дис. [...] докт. филол. н. [Текст] / Ж. Багана. – Саратов, 2004. – 353 с.
2. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) [Текст] / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 160 с.
3. Багироков, Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): монография [Текст] / Х.З. Багироков. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. – 316 с.
4. Вахтин, Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига [Текст] / Н.Б. Вахтин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. – 338 с.
5. Костомаров, В. Г. Мой гений, мой язык: размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке [Текст] / В.Г. Костомаров. – М., 1991. – 64 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ ЗАДАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Р.В. Кулешова

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Настоящая статья посвящена проблеме использования игровых заданий в процессе обучения профессиональной лексике иностранных студентов-медиков, обучающихся на подготовительных отделениях. В статье также приведены примеры игровых заданий, используемых на уроках по дисциплине «Русский язык (профессиональный модуль)».

Ключевые слова: *игровое задание, профессиональная лексика, методический приём, познавательный интерес, речевое общение*

This article is devoted to the problem of using games in the course of training foreign medical students, studying at preparatory departments, professional vocabulary. In the article the examples of playing tasks used at lessons of discipline "Russian (the professional module)" are also given.

Keywords: *game task, professional vocabulary, method, cognitive interest, speech communication*

Обучение профессиональной лексике русского языка иностранных студентов-медиков предполагает широкое использование в учебном процессе всевозможных игровых заданий, эффективность которых объясняется стимулирующим влиянием интереса, лежащего в основе игровых заданий, активизирующего внимание, расширяющего память, повышающего качество знаний. К тому же, интерес стимулирует моральные силы обучаемых, мобилизует их волю, придаёт целенаправленность приобретению знаний, эмоционально окрашивает личностным отношением процесс усвоения знаний, превращая его в радостный творческий поиск.

Разные виды игр (игровых заданий) занимают достаточно видное место среди методических приёмов, стимулирующих познавательный интерес (как к содержанию знаний, так и к способам их получения).

Важное лингвометодическое значение игр объясняется ещё и тем, что игровые задания позволяют поставить перед учащимися «отвлекающую неучебную цель, а язык становится средством для достижения этой цели» [1: 9].

Подчеркнём, что игра как эмоциональная деятельность, причём как деятельность, приносящая удовольствие, выступает в качестве фактора релаксации, снятия напряжения, страха перед говорением на неродном языке. Как коллективная деятельность, успех которой обеспечивается взаимодействием и взаимопониманием всех участников, игра способствует созданию «эффекта солидарности» в группе, воплощённого в высказывании «один за всех и все за одного» и проявляющегося в сплочённости всех участников и дружеских, доверительных отношениях как между учащимися (одной команды), так и между учащимися и преподавателем.

Таким образом, отмеченные выше качества игровых заданий обеспечивают, на наш взгляд, их важное значение как для расширения и углубления знаний профессиональной лексики, так и для развития и совершенствования умений и навыков ее использования в речевом общении.

Выбирая тот или иной вид игры, необходимо помнить о времени, которое требуется для проведения игры (игры нельзя затягивать), о педагогической ценности игры (для чего мы играем), о ясности указаний, о роли преподавателя в игре (он должен быть помощником и направляющим).

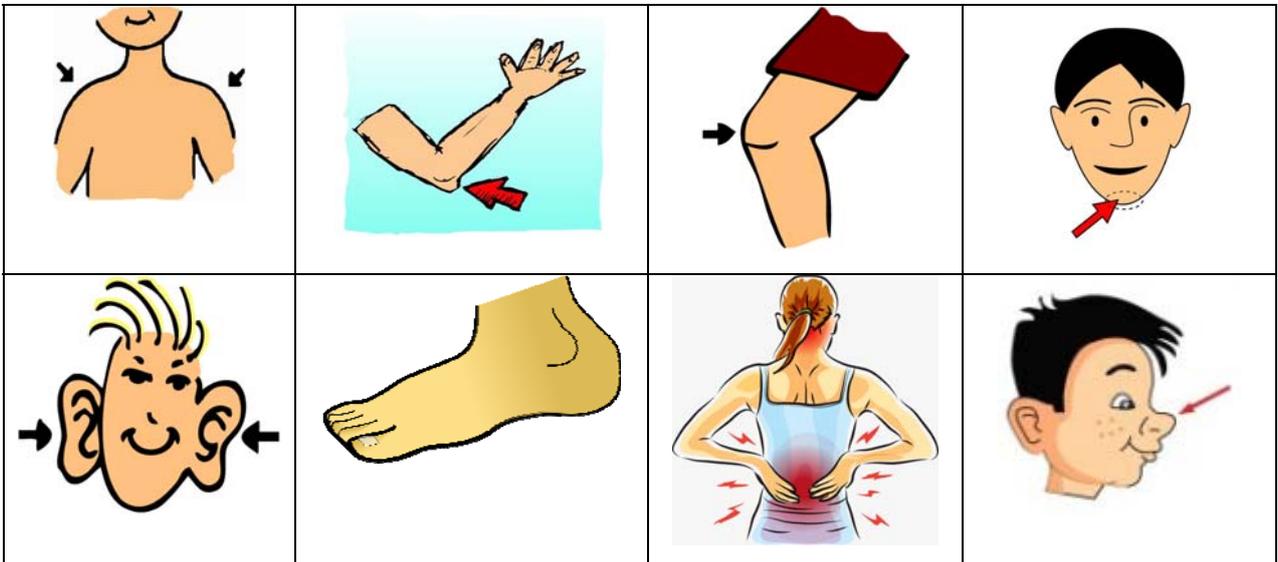
При обучении иностранных студентов-медиков профессиональной лексике используют различные виды игр, среди которых можно выделить игры настольные (лото), игры-соревнования на личное или командное первенство («Кто больше?», «Кто быстрее?», «Кто правильнее (точнее)?»), игры-загадки, кроссворды и т.д.

Приведём примеры практических заданий.

1. Лото. Данная игра используется для автоматизации лексических единиц и напоминает классическую игру в лото, только вместо карточек с цифрами используют карточки с картинками, на которых изображены части тела человека / органы, а вместо бочонков используют маленькие карточки с названиями частей

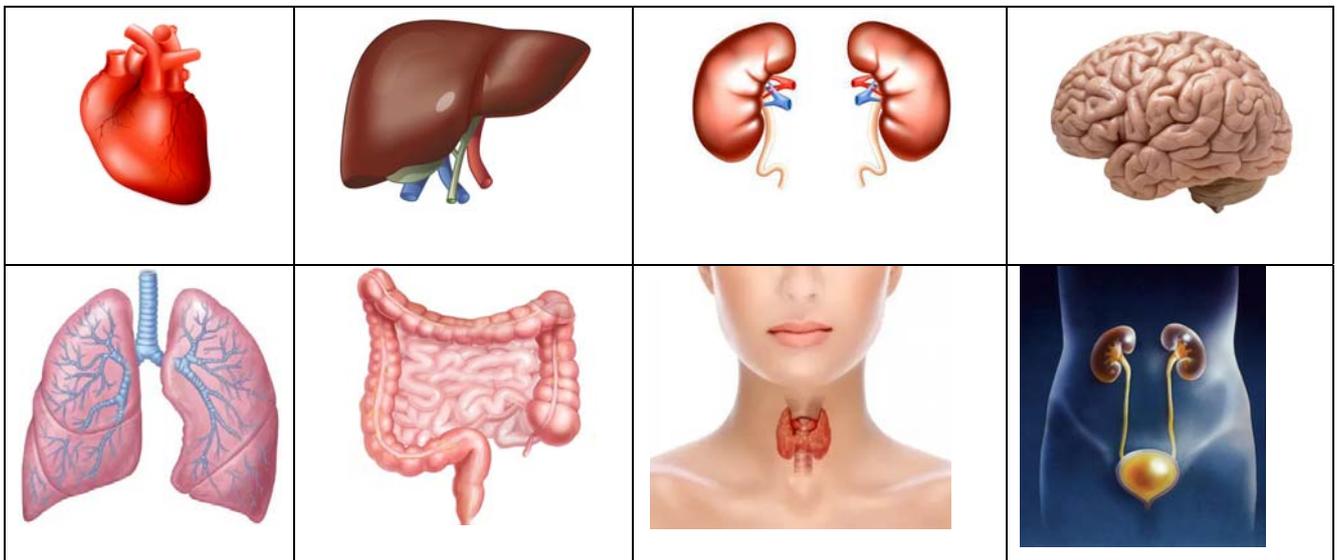
тела. Задача студентов: правильно соотнести зрительный образ со смысловым понятием.

- «Части тела»

Материал для маленьких карточек: плечо, локоть, колено, подбородок, ухо, ступня, поясниц, нос.

«Органы»

Материал для маленьких карточек: сердце, печень, почки, мозг, лёгкие, кишечник, щитовидная железа, мочевой пузырь.

2. «Игра в мяч». Данная игра также используется для автоматизации лексических единиц и формирования грамматических навыков (умение объяснить значение медицинского термина, согласование имён существительных и прилагательных, управление глаголов и т.д.). Преподаватель объясняет задание и бросает студентам мяч, задача студентов – вернуть мяч и выполнить задание.

Материал для игры.

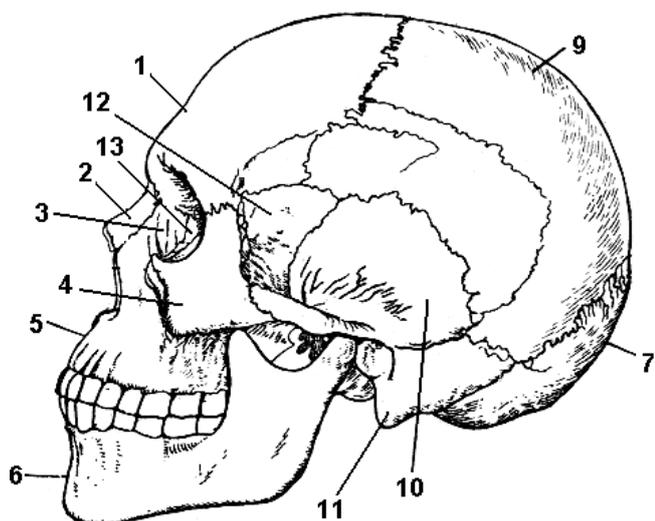
Задание	Преподаватель	Варианты ответов студентов
<i>Назовите термин, обозначающий:</i>	<ul style="list-style-type: none"> - нарушение ритма - сосредоточение - распространение - омертвление - недостаточность кровоснабжения и др. 	<ul style="list-style-type: none"> - аритмия - локализация - иррадиация - некроз - ишемия и др.
<i>Составьте словосочетание, добавив имя прилагательное:</i>	<ul style="list-style-type: none"> - боль; - давление. 	<ul style="list-style-type: none"> - сильная/слабая; сжимающая/давящая; - высокое/низкое, повышенное/пониженное.
<i>Закончите предложение:</i>	<ul style="list-style-type: none"> - Больной жалуется ... - Боль локализуется... - Боль иррадирует ... - Боль сопровождается .. 	<ul style="list-style-type: none"> -сильную боль. - в области сердца. - в левую половину тела. - тошнотой, рвотой.
<i>Объясните аббревиатуру:</i>	<ul style="list-style-type: none"> - ОРВИ; -УЗИ. 	<ul style="list-style-type: none"> - острая респираторная вирусная инфекция; - ультразвуковое исследование

3. Конкурс команд «Кто быстрее?».

Вариант 1. На доске слева и справа пишутся название медицинских специальностей. Задание командам: используя конструкцию *КТО – это специалист по заболеваниям ЧЕГО*, объясните, чем занимается доктор. Выигрывает команда, быстрее и правильнее выполнившая задание.

Языковой материал для конкурса: кардиолог, гастроэнтеролог, дерматолог, флеболог, гематолог, оториноларинголог, офтальмолог и др.

Вариант 2. Обеим командам дается рисунок. Задача команды – правильно написать название костей черепа.

1- лобная кость, 2- носовая кость, 3- слезная кость, 4- скуловая кость, 5- верхняя челюсть, 6- нижняя челюсть, 7- затылочная кость, 8- небная кость, 9- теменная кость, 10- височная кость, 11- сосцевидный отросток, 12- часть клиновидной кости, 13- решетчатая кость, 14- затылочное отверстие, 15- сошник.

4. Конкурс кроссвордов. Группа делится на две команды, каждой из которых даётся кроссворд. Побеждает та команда, которая первая справится с кроссвордом.

Примерные вопросы для кроссворда:

- Как называется один из частых и основных признаков заболеваний органов дыхания?

- Как называется воспалительный процесс в бронхах?

- Как называется хроническое заболевание, характерным проявлением которого является повышение артериального давления?

- Как называется воспаление слизистой оболочки желудка?

Существует ещё много видов игровых заданий, которые можно использовать как на аспектных занятиях по лексике и грамматике русского языка, так и на занятиях по развитию речи, а также во внеучебное время – на заседаниях клуба русского языка. Их использование положительно влияет на формирование у иностранных студентов-медиков профессионально-коммуникативной компетенции, что является одной из задач их обучения.

Литература

1. Арутюнов, А. Р. Игровые задания на уроках русского языка : кн. для преподавателя / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев, Н. Б. Музруков. – М. : Рус. яз., 1984. – 216 с.

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Лютова,

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Россия, г. Белгород,

В статье рассматривается место глаголов речемыслительной деятельности в квазипрофессиональной деятельности иностранцев при обучении их профессиональной коммуникации на русском языке.

Ключевые слова: *Русский язык как иностранный, обучение иностранных студентов, глаголы речемыслительной деятельности, профессиональная коммуникация, квазипрофессиональная деятельность.*

The present article is devoted to the topical problem of teaching foreign students. The article considers the place of cognitive activity verbs in quasiprofessional foreign student's activity in the process of teaching them Russian professional communication.

Key words: *Russian language as a foreign, foreign students teaching, cognitive activity verbs, professional communication, quasiprofessional activity.*

Одна из целей обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному на подготовительном факультете и в вузе – формирование и развитие их профессионально-коммуникативной компетенции. Высокий уровень

сформированности коммуникативной компетенции в профессиональной сфере позволяет иностранному обучающемуся успешно осваивать дисциплины учебного плана, повышает качество овладения практическими навыками и умениями в процессе прохождения всех видов практики, снижает уровень стресса и делает процесс обучения в вузе более комфортным и привлекательным. Без сомнения, формирование общезыковой коммуникативной компетенции не менее важный процесс, но его успешному протеканию способствуют такие (стихийные, само собой разумеющиеся) факторы, как языковая среда, совместное обучение и проживание со студентами из России. Сложнее дело обстоит с формированием коммуникативной компетенции в профессиональной сфере, поскольку на этапе обучения на подготовительном факультете у иностранных обучающихся отсутствует возможность погружения в профессиональную среду, а при обучении в вузе студент сталкивается с пропастью в уровне профессиональной коммуникации, разделяющей его и преподавателя, руководителя практики. Вследствие всего перечисленного нарастает напряженность, недовольство и стресс как со стороны обучающегося, так и со стороны профессорско-преподавательского состава. Включение квазипрофессиональной деятельности в обучение русскому языку как иностранному позволяет моделировать ситуации, приближенные к реальной профессиональной деятельности, оптимизирует процесс овладения профессиональной коммуникацией, делает его более эффективным.

Поскольку в современной психолого-педагогической литературе существует огромное количество работ, посвященных квазипрофессиональной деятельности в процессе обучения студентов педагогических специальностей, но отсутствует универсальное определение данного термина, считаем необходимым дать свое определение данной дефиниции. Значение термина квазипрофессиональная деятельность можно вывести из семантики составляющих частей слова. Значение

приставки квази- позволяет определить дефиницию «квазипрофессиональная деятельность» как деятельность, приближенную к профессиональной.

Квазипрофессиональная деятельность включает в себя как черты учебной, так и черты будущей профессиональной деятельности. Процесс усвоения теоретических знаний, овладения практическими навыками и умениями осуществляется на основе профессионального труда в его предметном и социальном аспектах. Сформированная таким образом профессиональная коммуникативная компетенция является более прочной и долговременной, поскольку, усвоение происходит не про запас, не для будущего применения, не абстрактно, а в реальном для участника процессе информационного обеспечения его квазипрофессиональных (игровых) действий, в динамике развития сюжета, в формировании целостного образа профессиональной ситуации. Каждый студент приобретает не только профессиональную коммуникативную компетенцию, но и навыки социального взаимодействия, коллективистскую направленность, ценностные ориентации и установки, присущие специалисту [Вербицкий 1991: 129].

Квазипрофессиональная деятельность является одной из форм контекстного обучения и предполагает моделирование определенного отрезка профессиональной деятельности, создание реальных ситуаций. Иностранцы, планирующие обучение в магистратуре, ординатуре, аспирантуре и т.п., уже обладают сформированными механизмами профессиональной деятельности на родном языке. Квазипрофессиональная деятельность при обучении их РКИ позволяет перенести эти механизмы на русский язык, скорректировав их в соответствии с особенностями культуры и этикета. Например, иностранные студенты-медики, намеренные продолжить свое медобразование в России, уже знают, как вести прием и осмотр пациента. Они с удовольствием принимают участие на русском языке в ролевых играх «На приеме», «В кабинете у врача», «Утренний обход» и т.д.

Ролевая игра – один из методов квазипрофессиональной деятельности. Она позволяет обучающемуся выявить пробелы в своем владении РКИ, сознательно занять позицию восполнения своих пробелов [Орлова, 2011: 109].

Глагольная система – один из важнейших компонентов языка. Система русского глагола для иностранных студентов представляет достаточную сложность при овладении, т.к. «глагольное слово обладает сложной семантической структурой, в которой в единый клубок переплелись лексические, словообразовательные и грамматические значения» [Тихонов 1998: 5]; «глагол-сказуемое является структурно-семантическим ядром предложения. Он не только определяет формальное строение, но и выражает общие семантические свойства предложения» [Величко, Туманова, Чагина 1986: 10].

Немалое значение при обучении иностранных студентов-медиков имеет успешное овладение ими глаголами речемыслительной деятельности. Данная группа глаголов занимает важное место в профессиональной коммуникации студентов-медиков, являясь компонентом профессионального медицинского дискурса, клише, используемых в диалогах между врачом и пациентом, врачами и т.д.

На протяжении многих лет лингвисты и методисты занимаются исследованием глаголов речемыслительной деятельности, поскольку:

- 1) данная группа имеет в своем составе большое количество лексических единиц;
- 2) в любом языке эти глаголы входят в основной лексикон, а их значимость подтверждается сферами употребления:
 - этикетные формы: «*Подскажите, пожалуйста...*», «*Не могли бы Вы сказать...*», «*Разрешите поздравить Вас...*» и т.д.;
 - конструкции, вводящие чужую речь: «*Лечащий врач сказал...*», «*Кардиолог выписал мне...*», «*Медсестра попросила...*» и т.д.;

- конструкции, информирующие о тех или иных действиях объекта или субъекта: «Я *выписал...*», «Мне *рекомендовали...*», «Он подробно *описал* все в моей выписке» и т.д.;
 - конструкции, представляющие собой структурообразующий центр рассуждения: «Я *предполагаю*, что..., потому что...» и т.д.;
- 3) глаголы данной группы обеспечивают ежедневную коммуникацию людей, обозначая важнейшую область деятельности человека – речь, опосредованно отражающую все другие виды его деятельности. «Через речь человек выполняет коммуникативную, гносеологическую, прагматическую, когнитивную и другие функции» [Кроль 1969: 21];
- 4) данные глаголы - обязательный компонент профессиональной речи: например, конструкции «ЧТО + выражает + ЧТО», «ЧТО + объясняется + ЧЕМ», «ЧТО + обуславливает + ЧТО», «выписать рецепт + на ЧТО» и т.д.

Ученые-лингвисты традиционно рассматриваются глаголы речемыслительной деятельности как: глаголы речи и глаголы мышления (ментальные глаголы, глаголы мысли). Основываясь на лингвометодических принципах формирования коммуникативной компетенции студентов-иностранцев при изучении данной группы глаголов, а также на семантической и дистрибутивной общности лексических единиц, считаем целесообразным выделить лексико-семантическую группу глаголов речемыслительной деятельности.

Глаголы речемыслительной деятельности – это лексико-семантическая группа глаголов, в которую входят лексико-грамматические единицы с семантикой, отражающей и описывающей этапы речепроизводства: переход внутренних ментальных процессов, во внешнюю устную или письменную речь (глаголы речи), и сами внутренние ментальные процессы (глаголы мысли).

Термин «группа» понимается нами в широком смысле слова, т.е. любая лексико-семантическая группировка слов: поле, подполе, группа и т.д. Это дает

возможность не нарушать традиции методики РКИ относительно использования термина. Близости семантики, тематическая общность и грамматические характеристики лексических единиц позволяют нам разделить глаголы речемыслительной деятельности на две подгруппы: 1) глаголы речи; 2) глаголы мысли. Продолжая классифицировать лексические единицы, мы выделяем 1) глаголы, называющие процесс устной речи; 2) глаголы, называющие процесс письменной речи; 3) глаголы, называющие как устную, так и письменную речь. Такая классификация представляется нам оправданной в методических целях, поскольку она основана на семантической дифференциации, определяемой экстралингвистическими факторами (характер конечного результата) и языковым чутьем. Настоящая классификация доступна пониманию иностранных студентов.

Одной из основных задач преподавателя иностранного языка является формирование профессиональной коммуникативной компетенции иностранных обучающихся, поэтому с первых занятий заниматься работой, направленной на овладение иностранцами как ядерными, так и периферийными ЛЕ речемыслительной деятельности, изучать синонимичные конструкции, конструкции с причастиями, деепричастиями и существительными, образованными от глаголов РМД.

Особого внимания требует обучение иностранных студентов-медиков диалогу. Ситуации для учебных диалогов должны быть максимально приближены к ситуациям, с которыми обучающиеся столкнутся в профессиональной деятельности; и насыщены глаголами РМД для расширения лексического запаса, в том числе и за счет таких ЛЕ как *обращаться / обратиться, сообщать / сообщить, перечислять / перечислить* и т.д.

Поскольку иностранным студентам-медикам необходимо быть готовыми как к репродуктивной, так и к продуктивной речевой деятельности в ходе профессиональной коммуникации уже во время учебы, актуальным становится формирование профессиональной коммуникативной компетенции, в том числе

посредством обучения глаголам речемыслительной деятельности, функционирующим в официально-деловом стиле. Эти лексические единицы имеют строго кодифицированную сочетаемость и требуют выработки устойчивых грамматических и лексических навыков, речевых и коммуникативных умений. Работа по формированию профессиональной коммуникативной компетенции иностранных студентов-медиков требует систематической работы на занятиях по РКИ. От уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции иностранных студентов-медиков, одним из показателей которой является восприятие, понимание и адекватное употребление глаголов речемыслительной деятельности, во многом зависит качество профессиональной деятельности выпускника медицинских специальностей, ординаторов.

Литература

1. Величко, А. В. Простое предложение. Текст: опыт семантического описания / А. В. Величко, Ю. А. Туманова, О. В. Чагина. М. : Изд-во МГУ, 1986. –120 с. – (Рус. яз. для иностранцев).
2. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе / А. А. Вербицкий. М: «Высшая школа», 1991. – 207 с.
3. Кроль, М. И. Глаголы речи в современном французском языке (в сопоставлении с русским) Текст.: дис. канд. филол. наук /М. И. Кроль. М., 1969.
4. Орлова М. А. Возможности игромоделирования как метода квазипрофессиональной направленности обучения в логике компетентностного подхода [Текст] // Проблемы и перспективы развития образования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. II. – Пермь: Меркурий, 2011. – С. 108-111. – URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/17/474/>
5. Тихонов, А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования Текст. М.: Просвещение, 1998. – 256 с
6. Энциклопедический словарь. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>

ПРИНЦИПЫ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ И КОНТРАСТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ РКИ

А.Г. Мартиросян,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально речево и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия

В статье рассматриваются некоторые принципы организации языкового материала, позволяющие ориентировать процесс обучения языку на достижение практической его цели.

Ключевые слова: принцип сознательности, принцип контрастивности, систематизация, обучение, иностранные студенты.

In article some principles of the organization of language material allowing to focus the process of training in language on achievement of its practical purpose are considered.

Keywords: the principle of consciousness, the principle of contrast, systematization, training, foreign students.

Впервые использованный Н. Хомским и Ф. Де Соссюром, термин «компетенция» стал сегодня действительно востребованным. В настоящее время он достаточно популярен и широко представлен в методической науке (языковая, коммуникативная, культурологическая и др. компетенции). Единой трактовки данного понятия у лингвистов и методистов нет. Однако предлагаемые методики развития той или иной компетенции обязательно включают в себя формирование на первом этапе языковой компетенции (Донская, 1989; Игнатова 1997; Петрова 1999; Самосенкова 1999). Языковая компетенция является отправной точкой формирования как коммуникативной, так и культурологической компетенций иностранных студентов. Но становлению языковой компетенции предшествует формирование межъязыковой компетенции, так называемого «смешанного кода» – системы, «... имеющей основные черты родного языка и изучаемого неродного языка...» (Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез). Именно учет родного языка, сопоставительный анализ его фонетического, лексического и грамматического строев с изучаемым

языком, выявление сходств и различий даёт толчок к формированию межъязыковой компетенции иностранных студентов.

Любое языковое сопоставительное/контрастивное исследование даёт возможность учитывать несоответствия на данном лингвистическом участке, выявление которых позволяет грамотно подходить к отбору и презентации учебного материала, предупреждать сложные для усвоения и использования языковые и речевые конструкции. Результаты, полученные в ходе такого рода исследования, позволяют грамотно построить методику преподавания русского языка как иностранного, максимально учитывающую особенности адресата (Милославский 1982).

Принципы являются «руководящей идеей, основным правилом, основным требованием к деятельности и поведению, вытекающими из установленных наукой закономерностей» [1].

Существует множество принципов, вовлечённых в процесс преподавания русского языка как иностранного: принципы отбора и организации учебного материала, общедидактические принципы, частнометодические принципы. Изучению и описанию данных принципов посвящены работы многих методистов и психологов (Г.А. Анисимов, Ю.К. Бабанский, В.С. Девятайкина, Н.В. Ерёменко, И.Б. Игнатова, З.Н. Ивлева, М.С. Ильин, Л.П. Клобукова, А.А. Леонтьев, О.Д. Митрофанова, Л.Г. Петрова, Г.И. Рожкова, О.П. Ситникова, Л.В. Щерба, А.Н. Щукин).

Следуя логике исследования, в рамках данной работы рассмотрим два дидактических принципа – **принцип сознательности** и **принцип контрастивности** в обучении иностранцев способам выражения определительных отношений русского языка, потому что без активной реализации данных принципов овладение и употребление в речи учащимися иноязычного грамматического материала, по меньшей мере, замедляется.

Принцип сознательности в изучении русского языка как иностранного лежит в основе коммуникативной направленности обучения, так как восприятие окружающей нас объективной реальности у носителей разных языков происходит по-разному. Простой перевод языковых единиц с одного языка на другой (в нашем случае с русского на английский) не может привести к полному постижению языковых и речевых реалий.

Итак, принцип сознательности, являясь одним из ведущих дидактических принципов, предполагает «понимание учащимися содержания иноязычной речи, осознание единиц, из которых речь состоит, способов пользования такими единицами» [А.Н. Щукин, 2002 :125]. Реализация данного принципа происходит путём первичного осознания языкового грамматического материала и правил его использования в речи, а затем, в результате тренировок вырабатываются речевые навыки и умения.

Реализация принципа сознательности в обучении способам выражения определительных отношений русского языка как иностранного лежит в основе **контрастивного принципа обучения** (принципа учёта родного языка). Л.В. Щерба, описывая влияние родного языка на иностранный, указывал на неизбежность данного процесса. Он подчёркивал, что данный процесс «не представляет ничего страшного: это есть естественная трудность в изучении иностранного языка» [7].

Игнорирование использования в процессе обучения родного/смежного/английского языка методически нецелесообразно, поскольку он (язык) не только не представляет собой «ничего страшного», а наоборот стимулирует психические функции порождения речи на русском языке, так как «механизмы речевой деятельности на родном и иностранном языках одни и те же и отличаются во втором случае уровнем функционирования, степенью «прилаживания» к оперированию новыми средствами и способами

формирования и формулирования мысли и особенностями организации артикуляционной и интонационной программ» [И.А. Зимняя, 2001:197].

Выявление языковых и речевых несоответствий в контактируемых языках, избежание появления процесса интерференции в процессе обучения становится возможным лишь при сравнительном/контрастивном анализе русского и родного/смежного/ английского языков. Такого рода «сопоставления дают возможность определить, что, когда и как можно и должно перенести из родного языка учащихся в изучаемый, что следует скорректировать, а что ввести как абсолютно новое и неизвестное» [3].

Само понятие принципа контрастивности, как и принципа учёта родного языка, можно определить как «принцип отбора и организации материала, принцип выделения наиболее трудных для изучения и необходимых для учащихся явлений» [5]. Однако в отличие от принципа учёта родного языка принцип контрастивности является, по нашему мнению, более содержательным с методической точки зрения, поскольку позволяет вовлекать в процесс обучения не только родной, но и «выученный», так называемый «первый иностранный» язык; даёт возможность использования уже сформировавшегося у учащихся «методического опыта» изучения иностранного языка. Данные характеристики принципа контрастивности, безусловно, делают его необходимым условием повышения уровня усвоенности и использования в речи способов выражения определительных отношений в русском языке.

Организация учебного процесса на основе системно-функционального подхода к сравнительному/контрастивному анализу контактирующих языков даёт возможность выделять смысловую сторону языкового явления, что способствует последующей адекватной его реализации в речи.

Активное использование сравнительного/контрастивного анализа русского и родного/смежного/ английского языков позволяет оптимизировать и

интенсифицировать процесс обучения иностранных студентов способам выражения определительных отношений в русском языке, так как «даёт возможность увеличить объём учебного материала и сократить сроки его изучения; достигать его более точного и быстрого восприятия и более глубокого усвоения; способствует положительному переносу и противодействует отрицательному влиянию исходного языка, предупреждая и ограничивая совершение типичных ошибок; предусматривает обеспечение чистоты речи учащихся; создаёт условия для самообучения и разноуровневой индивидуализации обучения; повышает интерес к изучаемому языку и мотивированность его изучения» [3:33].

Таким образом, реализация принципов сознательности и контрастивности в обучении способам выражения определительных отношений в русском языке помогает учащимся не только осознавать и преодолевать межъязыковые различия, но и активно использовать возможности положительного переноса.

Литература

1. Бабанский, Ю. К. Оптимизация процесса обучения : общедидакт. аспект / АПН СССР. – М. : Педагогика, 1977. – 256 с.
2. Вагнер, В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа [Текст]: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по спец. «Филология» / В. Н. Вагнер. – М. : Владос, 2001. – 384 с. – (Учеб. пособие для вузов).
3. Городилова, Г. Г. Развитие навыков и умений говорения у студентов-иностранцев на начальном этапе обучения русскому языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. Г. Городилова ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – М., 1969. – 18 с.
4. Игнатова И.Б., Петрова Л.Г. Способы выражения причинно-следственных отношений в русском языке: лингвометодический анализ – Монография. – Белгород 1999. –100с.

5. Костомаров, В. Г. Методика как наука / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 2. – С. 56-61 ; № 6. – С. 67-73.

6. Петрова Л. Г., Мартиросян А. Г. // Определительные отношения в РКИ: от теории обучения к речевой практике. Монография. – Белгород,– 2012.–160с. 7. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе : общ. вопросы методики / Л. В. Щерба ; под ред. И. В. Рахманова. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1974. – 112 с.

МЕСТОИМЕННИЯ В РОЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.Г. Мартиросян,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально речево и межкультурной коммуникации

Л.Г. Петрова,

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

В статье рассматриваются местоименные прилагательные в русском и английском языках как один из способов выражения определительных отношений.

Ключевые слова: *определение, местоимение, определительные отношения, обучение.*

The article deals with pronominal adjectives in Russian and English as one of the ways to express attributive relations.

Keywords: *definition, pronoun, attributive relations, training.*

В определительных конструкциях русского и английского языков могут быть задействованы и существительные, и прилагательные, и числительные, и наречия, и причастия, и глаголы. Однако нам представляется уместным начать сравнительное описание способов выражения определительных отношений в данных языках с местоименных прилагательных (местоимений), так как именно с них начинается знакомство с иностранными студентами с русским языком (*наш преподаватель, моя группа; этот стол; следующее упражнение и т.д.*).

Притяжательные местоимения в русском и английском языках практически эквивалентны. Их соответствие позволяет не только упростить подачу и усвоение

этого грамматического материала, но и на основе лингвистического и методического опыта наметить способы предупреждения интерференции (родовой) в дальнейшем. Так, например, если при вводе нового лексического и грамматического материала предварительно сравнить с ним хорошо усвоенный предыдущий, то возможность языковой интерференции значительно снижается. Однако даже в таком «адекватном», на первый взгляд, грамматическом материале, как личные местоимения, также имеются моменты, способные породить языковую интерференцию. Речь идёт о форме английского местоимения второго лица множественного числа – *you*. Совпадение форм второго лица единственного и множественного числа значительно «упрощает жизнь» людям, говорящим на английском языке, потому что они, не задумываясь, употребляют в речи единственно доступную языковую форму. Но данное, уже состоявшееся, языковое умение усложняет не только процесс презентации на начальном этапе обучения (в силу того, что студенты по аналогии с английским эквивалентом как бы опускают различие данных форм в русском языке), но и затрудняет формирование устойчивого речевого умения корректного употребления данной языковой единицы на последующих этапах обучения. Проведённые экспериментальные исследования указывают на то, что в 75 процентах случаев, когда студенты в незнакомой для себя речевой ситуации сталкиваются с необходимостью использования местоимения *You*, то:

а) «первичное» (английское) речевое умение заставляет студента, не задумываясь, использовать спроецированное по английскому эквиваленту местоимение *твой*;

б) студенты с более высоким уровнем сформированности умений самоконтроля делают вынужденную остановку в речи для того, чтобы выбрать правильную форму местоимения.

Перейдем к рассмотрению следующего типа местоимённых прилагательных – указательных.

Указательные местоимения *это(m)* и *то(m)* очень часто встречаются в русскоязычной речи. Прямыми английскими эквивалентами данных лексических единиц являются местоимения *this* и *that*:

Сравните: *Этот (том) дом белый* – *This (that) house is white*. Мы специально употребили определение «прямыми», так как наличие в английском языке определённого артикля часто «оставляет без работы» указательные местоимения.

Например: *Этот дом белый* – *The house is white*.

При этом семантическое поле этих двух предложений в английском языке совершенно идентично. Интересен факт, что в определённом контексте указательное местоимение *том* также может передаваться с помощью определённого артикля.

Например: *На холме стоит дом. Тот дом белый* – *There is a house on the hill. The (that) house is white*.

В русском языке указательные местоимения *это(m)* и *то(m)* имеют категорию числа (*эти, те*). Это один из редких случаев наличия у английских эквивалентов сохранившейся категории числа (*these, those*). Например:

Эти (те) дома белые – *These (those) houses are white*.

Сравните: *следующий дом, следующие дома* – *next house, next houses*.

Подобные примеры нужно использовать при объяснении англоговорящим студентам механизма построения согласованных определительных конструкций в русском языке.

Часто встречаются в русском языке и местоимения, которые обозначают количество предметов – *много, мало*. В отличие от английских эквивалентов данные местоимения в русском языке употребляются как с исчисляемыми, так и с неисчисляемыми существительными. Такое существенное различие между языковыми явлениями, на первый взгляд, только облегчает процесс усвоения и использования студентами определительных конструкций с местоимениями

много, мало. Однако опыт работы с данным грамматическим материалом показал, что многообразие английских эквивалентов часто негативно сказывается на правильном употреблении соответствий в русском языке. Так, например:

У него много книг – He has many books.

У него много смелости – He has much courage.

Иностранные студенты по аналогии с английским языком начинают искать местоимение, которое можно было бы употребить с неисчисляемым существительным. Такой процесс приводит к тому, что, во-первых, у студентов возникают заминки и остановки в речи, которые негативно сказываются на вербализации мысли, а, во-вторых, провоцирует использование неправильного эквивалента в русском языке.

Сравните: У него мало смелости – He has much courage.

Неверное использование местоимения *мало* выявляется при просьбе воспроизвести ту же мысль на английском языке. Такого рода ошибки нередки, поэтому следует обратить особое внимание на их профилактику, особенно на начальном этапе обучения.

Подобные ошибки распространяются и на местоимение *мало*, потому что, как и в случае с местоимением *много*, здесь имеются разные английские эквиваленты для исчисляемых и неисчисляемых существительных. Например:

У него мало друзей – He has few friends.

У него мало свободного времени - He has little free time.

Ошибка, связанная с использованием вместо местоимения *много* местоимения *мало* и наоборот, является достаточно серьёзной, так как ведёт к неверному истолкованию передаваемой информации, иными словами, к ошибке в самом акте коммуникации.

Довольно интересная ситуация складывается и с использованием синонимов местоимения *мало* – *немного, недостаточно, небольшое количество.* В русском языке синоним местоимения *мало* представлен либо антонимом с

отрицательной приставкой *не*, либо другой лексической единицей, а иногда и целым словосочетанием.

В английском языке для передачи близкой по смыслу информации с местоимениями *few* и *little* используются определённый и неопределённый артикли. В зависимости от использования того или иного артикля изменяется и семантическая окраска всего высказывания. Например:

Студент дал мало информации по заданному вопросу.

Приведённый выше пример довольно прост, однако его двусмысленное восприятие англоговорящими студентами выявляется при просьбе перевести данное предложение на английский язык. Как правило, студенты дают два варианта перевода:

а) *The student gave little information on the asked question;*

б) *The student gave a little information on the asked question.*

После зеркального перевода оказывается, что студенты, которые перевели *мало* как *little*, вкладывают в высказывание следующий смысл: *Студент дал мало информации по заданному вопросу – Студент дал мало (недостаточное количество, практически не дал) информации по заданному вопросу.* А студенты, использовавшие при переводе местоимение *a little*, передавали следующую информацию: *Студент дал мало информации по заданному вопросу – Студент дал мало (немного, небольшое количество) информации по заданному вопросу.*

Данное несоответствие выявляется и при использовании студентами местоимения *мало* как с исчисляемыми существительными, так и в случае, когда вместе с местоимением *мало* используются указательные местоимения *те* или *то*. Например:

те немногие преподаватели, то небольшое количество информации.

В этом случае указательным местоимениям в русском языке соответствует определённый артикль английского языка.

Местоимения *много* и *мало* также часто используются в словосочетаниях с предлогом *из*. Например:

многие из студентов, мало кто из участников. Предлогу *из* в русском языке в этих случаях соответствует английский предлог *of*.

Конструкции с такими наречиями степени как *так, слишком, довольно, как* встречаются в русском языке довольно часто. Например:

У тебя довольно много друзей; В нашем университете так много интересного.

Английскими эквивалентами подобного рода конструкций в русском языке являются:

You have so (rather) many friends; There are so much interesting in our university.

Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что введение данного грамматического материала с опорой на «прямые» эквиваленты из родного/смежного (английского) языка может привести к возникновению отрицательного переноса, что впоследствии негативно сказывается на использовании студентами данных определительных конструкций в речи. Решение проблемы интерференции в подобных случаях нам видится в использовании на начальном этапе обучения РКИ синонимов английских эквивалентов, которые могут использоваться как с исчисляемыми, так и с неисчисляемыми существительными.

В процессе знакомства студентов с местоимениями *много* и *мало* следует опираться на английские выражения *lots of, a lot of, plenty of, a great or small number of*. Например:

*много студентов – a lot of students; много информации – a lot of information;
мало вопросов – a small number of questions; мало снега – little snow.*

Из примеров видно, что при такой презентации грамматического материала возможность языковой интерференции минимизирована, таким образом,

оптимизируется как процесс первичного введения местоимений-определителей, так и его закрепление и последующее использование в речи.

Определительное местоимение *весь* также имеет в английском языке не один эквивалент, но в отличие от определений *много* и *мало*, такой универсализм лишь упрощает процесс усвоения. Относительная сложность передачи понятия «*весь*» в английском языке заключается в том, что часто с прямыми эквивалентами *all* и *whole* употребляется определительный артикль. Например:

все книги – all the books;

всё утро – all (the); the whole morning;

весь университет – the whole university.

В русском языке местоимение *все* довольно часто употребляется в сочетании с личными местоимениями *мы*, *вы*, *они*. Например:

Все они сидели в классе;

Все мы из одной группы;

Вы все сдали экзамен на «отлично».

Заметим, что препозиция местоимения *все* по отношению к личному местоимению не является обязательной.

Англоговорящие студенты довольно часто «страдают» оттого, что строгий порядок слов в английском языке, к которому они так привыкли, не является правилом в русском. На примере употребления местоимения *все* и его прямого английского эквивалента – местоимения *all* с личными местоимениями, можно указать на видимое сходство между двумя языками, что впоследствии даст необходимую базу для того, чтобы иностранные студенты быстрее и легче усваивали и использовали в речи более сложные и несхожие с английским языковые и речевые реалии русского языка. Например:

Все мы часто ходим на концерты – All (all of) we (us) often go to concerts;

Мы все часто ходим на концерты – We all often go to concerts.

Все они любят наш университет – All (all of) they (them) like our university.

Они все любят наш университет – They all like our university.

Рассмотренные выше примеры сравнительного/контрастивного описания некоторых типов местоимений русского и английского языков, выступающих в роли определений, указывают на то, насколько важно в процессе преподавания РКИ его контрастивное начало. Поэтому на принцип введения и закрепления лексико-грамматического материала с опорой на родной/смежный/ язык можно смело опираться на начальном этапе преподавания грамматики РКИ.

Литература

1. Вагнер, В. Н. К вопросу о сопоставительном описании русского языка и использовании его результатов в практике изучения русского языка как иностранного [Текст] / В. Н. Вагнер // Сопоставительное описание и изучение русского языка : сб. науч. тр. / [отв. ред. В. Н. Вагнер]. – М., 1985. – С. 5-17.
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам [Текст] : пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – М. : АРКТИ : ГЛОССА, 2000. – 165 с.
3. Донская, Т. К. Принципы развивающего обучения русскому языку [Текст]: учеб. пособие к спецкурсу / Т. К. Донская ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л. : ЛГПИ, 1985. – 80 с.

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Моисеенко,

кандидат педагогических наук, доцент

В.В. Потехина,

студентка ФИЯ ПИ

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Статья рассматривает роль творческой деятельности младших школьников в процессе иноязычного образования с учётом современных подходов.

Ключевые слова: творческая деятельность, младший школьник, иноязычное образование нетрадиционные формы деятельности.

The article considers the role of creative activity of primary school pupils, taking into account modern approaches to the foreign language education.

Keywords: creative activity, primary school pupil, foreign language education, non-traditional forms of activity.

В настоящее время важную роль в формировании всесторонне развитой личности в общеобразовательной школе играет обучение английскому языку. На сегодняшний день традиционная классно-урочная организация обучения в школе давно приняла форму однообразия и монотонности. Учителям необходимо постоянно искать современные, более действенные способы и приемы реализации учебного материала.

Одной из важнейших задач педагога на сегодняшний день является совершенствование творческих умений школьников. Формирование творческих умений и навыков дает возможность использовать на уроке иностранного языка творческие упражнения и задания, которые в свою очередь требуют от учащихся самостоятельной работы, а также учат их пользоваться языковым материалом для выражения своих мыслей, как в диалогической, так и монологической речи, а также способствует развитию навыков личности.

В соответствии с требованиями ФГОС результаты осуществления образовательных программ в начальной школе включают в себя не только предметные знания, но и межпредметные умения, а также личностные качества обучающихся. Творческая составляющая рассматривается как важнейший компонент в общей структуре личности младшего школьника, которая в свою очередь существенно влияет на всю образовательную траекторию личностного развития, как в начальной школе, так и на старших этапах школьного образования. В этом заключается актуальность исследования возрастающей роли творческой деятельности, так как общество заинтересовано в креативных личностях.

Нам импонирует понятие творческой деятельности, как вид деятельности человека, в результате которого создается нечто новое – будь это предмет внешнего мира или построение мышления, приводящее к новым знаниям о мире, или чувство, отражающее новое отношение к действительности.

Английский язык как общеобразовательный учебный предмет имеет существенное влияние на процесс развития творческих способностей учащихся.

Урок иностранного языка имеет свою специфику, так как, в отличие от других предметов, в качестве основной цели обучения выдвигается формирование коммуникативной компетенции учащихся.

Глобальной целью овладения иностранным языком считается приобщение к иной культуре и участие в диалоге культур. Эта цель достигается путем формирования способности к межкультурной коммуникации.

Коммуникативное обучение иностранному языку носит деятельностный, а следовательно, и творческий характер, поскольку речевое общение осуществляется посредством «речевой деятельности», в условиях «социального взаимодействия» общающихся людей.

Учащиеся могут свободно выражать свои мысли и чувства в процессе общения, кроме того каждый участник общения остается в фокусе внимания остальных.

Одним из средств, которые способствуют творческому развитию личности младшего школьника, является применение нетрадиционных форм урока иностранного языка. Нетрадиционные формы урока английского языка реализуются, как правило, после изучения какой-либо темы или нескольких тем. Такие уроки проходят в необычной, нетрадиционной для детей обстановке, помогают снять психологический барьер, возникающий в традиционных условиях из-за боязни совершить ошибку. Методически высокоэффективными, формами обучения, для развития творческой деятельности учащихся являются урок-спектакль, урок-праздник, урок-мюзикл и другие формы занятий. Детям, такие уроки нравятся, они творческие, необычные, а самое главное – эффективные. Однако творческая деятельность не может занимать весь процесс обучения, иначе такие уроки станут традиционными и уровень их эффективности снизится. Они подходят для контроля приобретенных навыков, умений и социокультурных знаний.

Рассмотрим некоторые из этих нетрадиционных форм урока, которые могут быть использованы для работы с младшими школьниками.

Наблюдения показывают, что одним из самых распространенных мероприятий является урок-проект. Метод проектов, как известно, направлен на то, чтобы развить активное самостоятельное мышление ребенка и научить его не просто запоминать и воспроизводить знания, а уметь применять их на практике. Деятельность, осуществляемая при работе, является креативной и ориентированной на личность учащегося. Она предполагает высокий уровень индивидуальной и коллективной ответственности за выполнение каждого задания по разработке проекта. Проектная методика является одной из форм организации познавательной деятельности, в которой учащиеся занимают активную позицию. Тема проекта может быть связана с одной предметной областью или носить междисциплинированный характер. Учащиеся могут представлять свои проекты в самых разных формах: презентация, альбом, коллаж и многие другие, что, несомненно, присуще младшему школьному возрасту. Главным результатом работы над проектом будут актуализация имеющихся и приобретение новых знаний, умений и навыков, а также их творческое применение в новых условиях. Одним из уроков-проектов можно рассмотреть проект под названием «Космос». Дети могут проявить свои творческие таланты не только как художники, но и как писатели-фантасты. Они придумывают новые планеты, рассказывают про них, их жителей, экологию и многое другое. Все проекты, как правило, ярко и креативно представлены.

Уроками творческих может выступить урок-спектакль и урок-мюзикл. Особенно эффективной и продуктивной формой обучения является урок-спектакль. Использование художественных произведений зарубежной литературы на уроках иностранного языка совершенствует произносительные навыки учащихся, обеспечивает создание коммуникативной, познавательной и эстетической мотивации. Подготовка спектакля – творческая работа, которая

способствует выработке навыков языкового общения детей и раскрытию их индивидуальных творческих способностей. Дети с помощью родителей и учителя шьют костюмы, делают декорации и полностью вовлекаются в процесс творческой деятельности. Учащиеся получают удовлетворение от такого вида работы. Данные уроки лучше всего использовать в детских центрах. К примеру, можно поставить спектакль по Гримм «Красная шапочка» («The little red riding hood»).

Урок-праздник. Эта форма урока расширяет знания учащихся о традициях и обычаях, существующих в англоязычных странах, и развивает у школьников способности к иноязычному общению, позволяющие участвовать в различных ситуациях межкультурной коммуникации. Можно успешно провести урок праздник по теме Christmas. Дети учат и рассказывают стихи на английском, поют песни, и смотрят мультфильмы о рождественской истории с Микки Маусом на английском языке. А так как рождество – это праздник семейный, то и родители могут быть задействованы, помогая детям с традиционными рождественскими угощениями.

Урок-интервью. Урок-интервью – это своеобразный диалог по обмену информацией. На таком уроке, как правило, учащиеся овладевают определенным количеством частотных клише и пользуются ими в автоматическом режиме. В такой ситуации логично прибегнуть к элементам Role-Play. Форма урока-интервью требует от обучающихся тщательной подготовки, так как они самостоятельно работают над заданием по рекомендованной учителем страноведческой литературе, подготавливают вопросы, на которые в дальнейшем хотят получить ответы. Творческий потенциал при таком виде уроков раскрывается в полной мере. Подготовка и проведение урока подобного типа стимулирует учащихся к дальнейшему изучению иностранного языка, расширяет кругозор, а также способствует углублению знаний в результате работы с различными источниками.

Урок-мюзикл. Урок-мюзикл способствует развитию социокультурной компетенции и ознакомлению с культурами англоязычных стран. Методические преимущества песенного творчества в обучении иностранному языку очевидны. Урок-мюзикл содействует эстетическому и нравственному воспитанию школьников, более полно раскрывает творческие способности каждого ученика. Благодаря пению мюзикла на уроке создается благоприятный психологический климат, снижается усталость, активизируется языковая деятельность. Во многих случаях он помогает снизить напряжение, восстанавливает работоспособность обучающихся. Планируя уроки для младших школьников, учитель должен помнить о том, чтобы помимо запоминания новой лексики, тренировки фонетических навыков и языковых структур английского языка, он должен стремиться создать все возможности для развития индивидуальности и творческих способностей каждого ребёнка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что творческая деятельность, приобретает сегодня не только теоретический, но и практический смысл. Ведь индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого, есть в каждом из нас, а педагогу посредством своих уроков необходимо их раскрыть. А от того, насколько они будут развиты, зависит творческий потенциал нашего общества, так как формирование творческой личности закладывается с младшего школьного возраста.

Литература

1. Грановская Р.М. Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. – С.-Петербург, Иматон, 1994.
2. Лукьянчикова Н.В. Обучение иностранному языку на начальном этапе обучения. // – Начальная школа – 2001.
3. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях: Пособие для учителей и студентов пед. вузов. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2000.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Моисеенко,

кандидат педагогических наук, доцент,

А. Тростянская,

студентка 02021603 группы,

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Статья рассматривает вопрос, связанный с некоторыми тенденциями в современном английском языке. Авторы статьи обращают внимание на изменения, которые касаются фонетической, грамматической и лексической сторон речи, речевого этикета, сокращений, отрицаний, др.

Ключевые слова: *современный английский язык, тенденции, живой язык, роль Интернета.*

The article considers the question connected with some tendencies in Modern English. The authors draw attention to the changes, which deal with phonics, grammar, vocabulary, communication, abbreviations, negative words, etc.

Keywords: *ModernEnglish, tendencies, living language, role of the Internet.*

Языки с течением времени претерпевают глубокие изменения, пребывая в перманентном процессе развития, а некоторые из языков незаметно исчезают. Великий немецкий лингвист Вильгельм Гумбольдт писал, что «язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидающий процесс». Хотя изменения в английском языке – естественное явление, они вызывают неоднозначную реакцию во всех слоях британского и мирового общества: в научной и образовательной среде, деловых кругах, средствах массовой информации. Самые известные британские газеты помещают на своих страницах статьи, посвященные актуальным вопросам современного английского языка, который в нашу эпоху по праву принято считать *lingua franca*. Мы попытались рассмотреть имеющиеся результаты лингвистических исследований и некоторые аутентичные материалы из британских газет, чтобы определиться с некоторыми тенденциями в современном английском языке.

Любой живой язык имеет тенденцию обновляться и глобальный английский язык не является исключением из этого правила. Это касается не только наплыва

сленговых и жаргонных слов, акронимов, но и таких изменений, которые касаются фонетической, грамматической и лексической сторон речи, речевого этикета, сокращений, отрицаний и т.д..

Основной чертой английского языка на сегодняшний день является стремление к лаконизму изложения. Современный английский язык, как известно, занимает первое место среди европейских языков по лаконизму, и по отсутствию избыточности. Эта черта сказывается, в частности, в распространенности разного рода конструкций, объединяющих деятеля и выполняемое им действие в единую структуру. К конструкциям такого рода относятся: самостоятельный причастный оборот, сложное дополнение, сложное подлежащее, герундий.

Нельзя обойти стороной вопрос о прямой речи, которая помогает подчеркнуть различные типы эмоций человека. Согласно всем правилам английского языка прямая речь выглядит следующим образом: Он сказал: «Отлично! Я пойду в кино». Некоторые способы передачи дословно некоторых слов появились примерно двадцать или тридцать лет назад. Но можно сделать это более ярко и эмоционально. Так, мы предлагаем рассмотреть некоторые варианты, чтобы доказать это. Например, Он говорит: «Отлично, я пойду в кино». В этом случае слово «идет» эквивалентно «сказал», однако оно звучит более молодёжно и эмоционально. Он сказал: «Класс, я пойду в кино». Конструкция «вероятно» как вход в прямую речь используется, когда мы сообщаем сказанные слова не словом, а примерно пытаемся выразить основную идею сказанных слов. Но мы попытаемся скопировать интонацию и жест человека, который сказал это. Другой вариант – это все, «отлично, я пойду в кино!». «To be all» – это новейшая конструкция, которая соответствует предыдущей, но часто используется, когда человек сказал что-то эмоциональное. В этом случае он сказал, что с восторгом отправится в кино.

На сегодняшний день появилось много тенденций в грамматике, к примеру, глагол и частица *to*. Согласно правилам английского языка, не разрешается делить

инфинитив. Если вы напишете в своем эссе фразу «*Our football team tried quickly to win the opponents*», ваш учитель обязательно ее исправит, но в устной речи носители языка чаще разделяют глагол и частицу посредством наречия. Очень интересно, что правило не нарушать инфинитив появилось в семнадцатом веке, и оно заимствовано из латинского языка, который в то время считался идеальным языком. На латинском языке инфинитив писали вместе с частицей *to*, поэтому его нельзя было разделить другим словом. Это правило было включено в свод английского языка.

Такие глаголы, как «*start*» и «*begin*», используются также с инфинитивом и герундием. Обе конструкции являются правильными и использовались в течение длительного времени, но с 40-х годов прошлого века тенденция использовать такие глаголы с герундием стала более популярной. Предпочтение использовать глаголы, которые выражают эмоции, такие как ненависть, любовь и т. д. с окончанием *-ing*, стало употребительным с 1950-х годов. Стоит отметить, что такие глаголы, как «*cease*», «*stand*» и «*intend*» все еще используются с инфинитивом.

Другая тенденция современного английского языка – это использование двойного отрицания, но в устной речи носители языка используют его чаще. Если грамматически правильно сказать: «*I did not eat any chocolate today*», то в разговорной речи вы чаще слышите фразу с двойным отрицанием «*I did not eat no ice-cream today*». Многие лингвисты подчеркивают, что оба эти варианта допустимы, потому что они звучат логически и не идут вразрез со смыслом. Кроме того, мы знаем, что двойное отрицание, используемое в старом варианте английского языка – это то, благодаря чему мы можем отметить, что английский возвращается к своим корням.

Еще один момент, который следует упомянуть – это продолженная форма глагола, которая становится все более популярной в наши дни. Сегодня мы чаще слышим такое предложение, как «*He is being angry*», а не «*He is angry*». Продолженные формы в пассивном залоге и с модальными глаголами

используются чаще, например, если этот вопрос воспринимается слишком серьезно или вы вынуждены идти.

Модальные глаголы являются неотъемлемой частью английского языка. Было ясно, что настало время прощаться с словами «*shall*» и «*ought*», которые используются более редко. Но модальные глаголы как «*will*», «*should*» и «*can*» не теряют своей значимости. Такие глаголы, как «*going to*», «*have to*», «*need to*» «*want to*», используются чаще, а другие модальные глаголы и эквивалентные конструкции заменяются ими. Например, глагол «*have to*» иногда заменяет глагол «*must*», «*to be able to*» может употребляться вместо глагола «*can*». И вместо «*should*», когда кто-то дает какую-то рекомендацию или какой-то совет, мы используем, «*to want*». Например, мы можем слышать довольно часто: «*You might want to use a felt-tip pen*» вместо этого вы можете услышать «*You should use a felt-tip pen*».

Фраза «*I have no pen*» будет исправлена учителем на «*I do not have*». Довольно любопытно, что первый вариант более популярен среди англичан, в то время как американцы предпочитают говорить второй вариант. Однако, этот вариант является неофициальным, мы не должны использовать его в официальном письме, или когда мы говорим с нашими деловыми партнерами или сдаем важный экзамен по английскому языку.

Наши лингвистические наблюдения показали, что в современном английском языке слово «*get*» чаще всего используется в пассивном залоге. Вместо данного высказывания – «*he was promoted*», вы можете встретить «*he got promoted*». Подобное использование пассивного залога не отличается новизной, но 50 лет назад оно использовалось реже. Такая замена допустима в формальной или полужуральной речи, классическое построение пассивного голоса залога используется в формальном контексте.

В современном английском языке существует тенденция, согласно которой слова произносятся не в соответствии с правилами английского языка, а в

соответствии с желаниями говорящих. Англичане сегодня следуют этой тенденции, а не только американцы, которые всегда упрощают все в своей жизни. Например, звук «t» в слове «often» может рассматриваться как произносимый.

Внимание к аббревиатурам возросло за последнее время и стало закономерностью современного английского языка: *LOL* означает громкий смех, или *OMG* означает «О, Боже мой» и т.д. Огромное количество аббревиатур появилось благодаря социальным сетям. Они используются не только в письменной, но и в устной речи, чтобы легче и понятнее разъяснить идеи своему собеседнику: *BFF* означает лучшего друга навсегда, *IMXO* означает по моему скромному мнению, *FYI*– для вашей информации, *THX*-спасибо, *YOLO*– вы живете только один раз, *TGIF* – слава Богу, что пятница, *TTYL*–поговорим позже и т.д. Естественно, если человек не владеет разговорным английским языком, ему будет сложно понять значения этих сокращений.

В лексической базе современного английского языка в результате эволюции языка и его службы на благо людей появились многие полезные слова, например, *modem*, *cable TV*, *faxmachines*, хотя изначально они назывались *facsimilemachines*, которые позволяли отправлять копии документов *facsimile*. Форрестер считает, что информационные технологии, в особенности Интернет, способствуют появлению новых лексических единиц. Опираясь на данные исследователей, автор утверждает, что благодаря ИТ знакомые слова приобретают совершенно иное значение, в результате чего происходит динамика лексических коннотаций. Важно подчеркнуть, что так называемый эффект запаздывания во времени препятствует включению в словарный состав слов, существующих в разговорном языке на протяжении долгого времени. Примером служит фраза «*I could murder a curry*», вошедшая в Оксфордский словарь только в 2001 году, хотя она появилась в языке задолго до ее включения в словарь, одновременно с метафорой «*I would kill for...*» – «полцарства за...» и свободными словосочетаниями “*murder a cake / beer*” – испытывать сильное желание что-то съесть или выпить (здесь: пирог и пиво).

Интернет-пространство с многочисленными интерактивными сервисами является местом создания понятий, которые вне контекста требуют пояснения в силу их тесной интеграции с определенными формами пользовательской активности в социальных сетях.

Другие характерные особенности современной английской лексики также связанные с возрастающей ролью интернета и других ИТ заключаются в изменении значений хорошо известных слов, например: *bookmark*, *surf*, *spam*, *web*; расширение лексики за счет широкого использования символа @; использование слова *dot* вместо *fullstop* (точка); широкое употребление префикса *cyber* в качестве словообразовательного элемента: *cyberbullying* – кибернасилие; *cyberdhaba* – определенное место на улице, где можно использовать компьютер; *cyberloaf* – сидеть часами в Интернете, оставляя невыполненными возложенные обязанности; *cyber Cyrano* – автор, составляющий за деньги Интернет-профили для других; *cyber Monday* – понедельник после «черной пятницы», появление словосочетаний для обозначения новых терминов или понятий, например: *pod-slurping* – незаконное использование *iPod* или других устройств для скачивания информации с чужих компьютеров.

Как показывают исследования, большое влияние на расширение лексического состава языков оказывают военные действия и политические события, например, война в Ираке и Сирии. В английском языке появились такие акронимы как: *RPGs* – гранатометы, *UAVs* – беспилотные летательные аппараты, *DHS* – автоматическая обработка данных, *WMDs* – оружие массового уничтожения, а также следующие словосочетания: *sectarian violence* – межрелигиозный конфликт, *collateral damage* – пушечное мясо, *enhanced interrogation techniques* – допросы с «пристрастием».

Лексическое поле «Еда и напитки» является лучшим примером влияния глобализации на языковые переменны. К примеру, чтобы попросить чашку кофе в кафе или ресторане, посетителю необходимо знать специальную лексику: *a grand*

emochasoy whipped with sprinkles – большая порция кофе мокко с взбитым соевым молоком и украшенным декоративной посыпкой; *lite* – некалорийный кофе, *latte* – кофе латте; *with syrup* – с сиропом, а при заказе сосисок нужно знать разницу между словами *links* и *patties* (*links* – кусочки сосисок «*segments of sausage*», а *patty* означает «*a small flat cake of chopped food*» – брикет-пирог из рубленого мяса) и т.д.

Таким образом, рассмотренные нами тенденции – это далеко не исчерпывающий список, но приведенные в данной статье тенденции лишь подчеркивают мысль о том, что язык – живой процесс, он склонен к изменениям.

В настоящее время можно рассмотреть лингвистические изменения на основе километров цифровых текстов и транскрипционной речи, некоторые из них имеют важные временные периоды. Лингвисты выполняют математический анализ таких текстовых объемов, чтобы определить направление современных тенденций английского языка, понять, важны они или нет.

Литература

1. www.mentalfloss.com
2. www.tryeng.ru
3. Forrester J. A Brief Overview of English as a Language in Change // Asian Social Science. 2008. № 6. P. 108-113.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

О.А. Моисеенко,

кандидат педагогических наук, доцент

Г. Тулякова,

студентка ФИЯ ПИ

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Статья рассматривает вопросы, связанные с формированием навыков распознавания и семантизации единиц потенциального словаря учащимися и поэтапным расширением их потенциального словаря в целом с учетом современных подходов к иноязычному образованию.

Ключевые слова: *потенциальный словарь, лексическая единица, способы семантизации, контекст.*

The article considers the questions, connected with formation of recognition skills and semantization of potential vocabulary units by pupils. The authors draw attention to the gradual enlargement pupils' vocabulary, taking into account modern approaches to the foreign language education.

Keywords: *potential vocabulary, lexical unit, ways of semantization, context.*

В системе языковых средств лексика считается одним из основных компонентов как продуктивной, так и рецептивной речевой деятельности обучающихся. Эта позиция закрепляет важное место лексики на каждом уроке иностранного языка, и в задачу учителя входит непрерывное и последовательное формирование активного, пассивного и потенциального словаря обучающихся.

Предметом настоящего исследования являются вопросы, связанные с формированием навыков распознавания и семантизации единиц потенциального словаря учащихся и поэтапным расширением потенциального словаря школьников в целом.

Потенциальный словарь всегда считался специфическим феноменом английского языка и привлекал особое внимание методистов. Потенциальный словарь – это такие лексические единицы, которые не зафиксированы в предшествующем языковом опыте учащихся, но которые могут быть ими поняты при рецептивных видах речевой деятельности (особенно при чтении) в опоре 1) на факторы внутреннего порядка, а именно на морфолого-семантическую мотивированность слов и 2) на факторы внешнего порядка, т.е. через контекст.

Актуальность вопроса обусловлена недостаточной теоретической и методической разработанностью проблемы формирования потенциального словаря школьников с учетом современных подходов к обучению иностранному языку, а также отсутствием в учебных пособиях специальных заданий по формированию потенциального словаря школьников. Актуальным на сегодняшний день следует признать также значимость понимания школьниками социокультурной информации, содержащей потенциальный словарь в процессе чтения ими современных аутентичных текстов, ее дальнейшая переработка и применение в различных видах речевой деятельности. Потенциальный словарь

играет важную роль в развитии лингвистической наблюдательности школьника, его эрудиции и филологического кругозора. Чтобы достичь сформированности потенциального словаря школьниками, необходимо проводить специальную работу, направленную на обеспечение школьников рациональными приемами работы над языком. В современных условиях формирование потенциального словаря российского школьника приобретает особую значимость и в связи с тем, что в материалах ОГЭ и ЕГЭ по иностранному языку предусмотрены задания, где экзаменуемым требуется показать уровень сформированности навыков самостоятельной семантизации лексических единиц и знания потенциального словаря.

Термин (потенциальные слова) был впервые предложен профессором Г. О. Винокуром и профессором А. И. Смирницким в первой половине XX века. За ними последовала трактовка данного феномена Э.И. Ханпирой. Каждым из них этот термин трактовался несколько по-разному, но в целом сводился к тому, что потенциальное слово может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности [1].

Г.В. Рогова отмечала, что на базе четко ограниченных словарных минимумов в рамках программных требований можно развивать потенциальный словарь учащихся. «Он возникает на основе самостоятельной семантизации учащимися неизученной лексики в момент чтения. Разумеется, что его объем и развивающийся на основе этого объема лексический навык находится в прямой зависимости от степени овладения активным и пассивным минимумами» [2].

Анализ потенциального словаря в рамках учебно-методических комплектов для современной общеобразовательной школы показывает, что по своему морфологическому составу потенциальные слова в английском языке – это слова производные (образованные путем префиксации и суффиксации и чаще сложные, образованные способом словосложения. Например, из состава потенциальной лексики которые употребляются в аутентичных текстах для 7 класса современного

УМК «Spotlight» слово *care* часто встречается в производных словах: *careful, carefully, careless, carelessly* и словосочетаниях *take care, take a seat, I don't care* и т.д. Т.е. потенциальный словарь может постепенно формироваться, в первую очередь, 1) на основе слов, состоящих из знакомых для учащихся словообразовательных элементов (суффиксы, префиксы, сложение основ – **thoughtful, incorrect, homework** etc.); 2) на основе слов, значение которых выводимо по конверсии (*to rain – rain, to snow – snow* etc.); 3) при помощи понимания интернациональной лексики (*surrealism, scuba diving, etc.*); 4) через распознавание аббревиатур (*IQ, ad, info, etc.*).

Анализ показал, что эти четыре модели являются основанием для выводимости значения незнакомых слов учащимися в процессе рецептивных видов речевой деятельности.

Выводимость подразумевает психолингвистическое свойство слова, которое предоставляет читающему возможность правилосообразного раскрытия значения незнакомого производного или конвертируемого слова на основе значений его составляющих [4]. Предполагается, что обучающиеся смогут научиться определять значение слов, которые потенциально могут быть восприняты и поняты ими на основе знания корня и словообразовательных элементов (аффиксов), конверсии, слов общего корня, имеющих сходную с родным языком форму и значение (интернационализмов).

В процессе исследования потенциального словаря, мы пришли к выводу, что для того, чтобы учащиеся смогли последовательно формировать и расширять свой потенциальный словарь, необходимо проводить целый комплекс мероприятий, которые включают в себя рациональные приемы и серию упражнений в выводимости.

Наблюдения показывают, что потенциальный словарь носит открытый и индивидуальный характер. Поскольку потенциальный словарь складывается на основе слов, состоящих из знакомых словообразовательных элементов, то

учащимся необходимо 1) знание способов словообразования и значения аффиксов (read – reader, wonder – wonderful, correct – incorrect etc.), 2) знание правил словосложения сложных слов (smartboard, classroom, waterfall, etc.), 3) распознавание слов, значение которых выводимо по конверсии, (water – to water, milk – to milk; own – to own, etc.), 4) распознавание интернациональной лексики (football, waterpolo, screenshot etc.). Учащиеся поэтапно овладевают знаниями словообразования, в результате чего постепенно идет формирование умений выводить значение слова по словообразовательным элементам. Эту работу следует начинать уже в начальной школе. Следует помнить, что объем потенциального словаря и развивающийся на основе этого объема лексический навык находятся в прямой зависимости от степени овладения каждым учащимся активным и пассивным минимумом. В средней школе учащиеся читают много аутентичных текстов ознакомительного характера, а синтетическое чтение развивает догадку, которая является особым источником потенциального словаря, очень важная составляющая самостоятельной семантизации слов. В ней много случайного и неосознанного.

Как показало наше исследование, существует, по крайней мере, три группы подсказок языковой догадки: внутриязыковые, межъязыковые и внеязыковые.

Внутриязыковая подсказка вытекает из отнесения слова к определенной грамматической категории, выявления его функции в предложении. Большую роль выполняют и словообразовательные элементы.

Межъязыковая подсказка содержится в словах, образованных в результате заимствования из языка в язык, в интернационализмах, а также в полных и в частичных кальках, т.е. в словах и словосочетаниях, образованных по общей словообразовательной, синтаксической и смысловой модели, например, иметь возможность – *to have an opportunity* (англ). Иногда межъязыковая подсказка происходит от совпадения отдельных семантических долей слов, например, английское *to arrest*, означающее «задержать, арестовать, захватить», а также

переносно «приковать внимание», с русским языком совпадает лишь в первом значении.

Внеязыковая подсказка вытекает из знания фактов и явлений действительности, отраженных в тексте и придающих ему указательный характер. Так, приметы времени, места, упоминание собственных имен помогает понять значение незнакомых слов.

Языковая догадка является, таким образом, результатом всех обучающих и жизненных воздействий, и поэтому она проявляется по-разному у разных учащихся, т.е. она носит субъективный характер. Один учащийся может увидеть подсказку в данном слове, контексте, другой – нет. Однако специальные упражнения в языковой догадке могут придать ей более управляемый и, следовательно, объективный характер. Задания и упражнения в языковой догадке должны быть построены так, чтобы привлечь внимание учащихся к подсказке.

Примерные установки и задания, которые можно использовать с целью упорядочивания деятельности по развитию потенциального словаря:

- Внимательно прочитай текст (абзац, предложение). Подчеркни приметы времени, места. С учетом обнаруженных примет определи значение выделенных слов.

- Прочитай весь текст полностью и определи, о чем идет речь в тексте. Это поможет тебе выяснить значение выделенных незнакомых слов.

- Прочитай текст. Выяснить значение выделенных незнакомых слов тебе поможет анализ слов по составу и определение их функций в предложении, и т.д.

Если сделать работу над языковой догадкой органичным элементом работы над словарем, то, помимо большой практической пользы в плане расширения потенциального словаря, она будет способствовать развитию общего образования учащихся, прежде всего их знаний о языке как общественном явлении.

Таким образом, только специально организованная деятельность по формированию потенциального словаря может гарантировать его успешное продвижение.

Литература

1. Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. – Сб. статей / Моск. гос. ун-т. – 1972, с. 343.

2. Рогова Г.В. О методах и приемах обучения иностранным языкам. – Иностранные языки в школе, 1975. – №2, с. 87-94.

ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ: МАТЕРИАЛЫ М.И. СОКОЛОВОЙ В ПОЛНОМ СЛОВАРЕ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Т.Г. Никитина,

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Псков, Россия

В статье представлена концепция Полного словаря народной фразеологии, разрабатываемого лексикографами Санкт-Петербургского университета. Показаны возможности представления в словаре материалов М.И. Соколовой, собранных в разных регионах России, чрезвычайно ценных в культурно-историческом и лингвистическом плане.

Ключевые слова: пословица, поговорка, фразеологический словарь, словарная статья, фразеологические трансформации.

The article presents the concept of a Completedictionary of folk phraseology, developed by lexicographers of St. Petersburg University, shows the possibilities of presentation in the dictionary of materials collected by M. I. Sokolovain different regions of Russia, emphasizes the extraordinary value of these materials in cultural, historical and linguistic terms.

Key words: proverb, phraseologism, phraseological dictionary, dictionary entry, transformation of phraseological units.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда
(проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном
университете)

Полный словарь народной фразеологии – новый масштабный проект, над которым работают лексикографы фразеологического семинара профессора В.М. Мокиенко (СПбГУ). Цель создаваемого ими словаря – комплексная репрезентация максимального собрания устойчивых словосочетаний всего диалектного пространства России, которое фрагментарно отражено многими современными фразеологическими словарями, собственными материалами составителей и другими источниками [5].

При разработке концепции и непосредственно при составлении Полного словаря народной фразеологии будет использован лексикографический опыт исполнителей проекта – составителей Большого словаря русских поговорок [7], Большого словаря русских народных сравнений [6], Большого словаря русских пословиц [8]. Прежде всего, это принцип комплексного описания вокабул (их экспрессивно-стилистическая квалификация, точное и полное толкование значения и паспортизация источника, историко-этимологический комментарий), а также выдвинутый еще Б.А. Лариным принцип полноты охвата материала, согласно которому в один словарный корпус включаются как народные устойчивые выражения, так и обороты литературного происхождения, в том числе интернациональные. Максимально полный свод русской фразеологии во всех её функционально-стилистических сферах – литературной, публицистической, диалектной, разговорно-просторечной, субстандартной и профессиональной и будет представлен в новом Полном фразеологическом словаре [4: 74-80]. Это будет обеспечено привлечением огромного количества новых источников материала, среди которых и словарь М.И. Соколовой «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [9].

Автор словаря – М.И. Соколова – историк по образованию, сотрудник СОКГ – средне-обской комплексной геофизической экспедиции. В 1956 г. она начала записывать пословицы и поговорки, которые использовали в речи ее соседи и коллеги по работе. Это вошло в привычку. «Каждый свой отпуск, – пишет в Предисловии к словарю М.И. Соколова, – я проводила в поездках по городам России. Я посетила Ярославль, Владимир, Суздаль, Кострому, Ивантеевку Московской области, Калугу, Львов, Киев, Макеевку, Донецк, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Новокузнецк, Кемерово, Камень-на-Оби, Татарск. При посещении названных городов услышанные в разговоре с людьми пословицы мною записывались просто по установившейся привычке» [9: 3-4].

После выхода на пенсию собирательница систематизировала свои записи, и в 2009 г. был опубликован словарь, по объему пословично-поговорочного материала (24 тыс. единиц) сопоставимый с вышедшим почти 150 лет до этого словарем В.И. Даля «Пословицы русского народа», словник которого (32 тыс. паремий) помимо пословиц и поговорок содержит приметы, загадки, чистоговорки, присловия и др. [1]. Сопоставима с авторской позицией В.И. Даля и словарная задумка М.И. Соколовой – отразить пословицы и поговорки, реально присутствующие в паремиологическом запасе носителя русского языка и используемые в живой разговорной речи жителями различных регионов России. Таким образом, словарные материалы М.И. Соколовой можно считать своеобразным паремиологическим «срезом», фиксирующим состояние пословично-поговорочного фонда во второй половине XX века и позволяющим сделать выводы о его динамике на фоне других материалов Полного словаря народной фразеологии.

Остановимся на такой категории устойчивых оборотов, записанных М.И. Соколовой, как поговорки. Под поговорками, как и в других словарных проектах В.М. Мокиенко, понимается «народная фразеология, или идиоматика. В отличие от пословиц, которые имеют назидательный смысл и являются логически законченными сентенциями, поговорки лишь оценивают то, что называют» [7: 3]. В Полный словарь народной фразеологии (ПСНФ), объединяющий материалы не только разных регионов, но и разных эпох, войдут более 2320 поговорок, записанных М.И. Соколовой. Это поговорки со структурой словосочетания: *здать баню с паром* [9: 97] ('очень сильно выругать, выпороть, строго наказать кого-л.'), *жить не в год, а в рот* [9: 609]('не делать запасов, расходовать все, что зарабатываешь') и близкие к паремиям обороты со структурой незамкнутого предложения, требующие обязательного распространения (*у кого*) *в глазах мёд, а на сердце лёд* [9: 288] ('о двуличном человеке'), *голова дома, а ум в гостях (у кого)* [9: 134] ('о глупом и рассеянном человеке'), а также коммуникативные

фразеологизмы со структурой предложения, которые в отличие от предыдущего типа оборотов являются «цельнопредикативными» [2: 318] номинативными единицами – именами ситуаций: *Грянул гром с ясного неба* [9: 345] ('о какой-л. неприятной неожиданности'); *Мы грудью встанем за вашей спиной* [9: 367, 568] (нерешительное обещание поддержать кого-л.).

Материалы М.И. Соколовой подтверждают актуальность для россиян в середине и конце XX века большого числа народных поговорок, записанных В.И. Далем, что в статьях ПСНФ отразит паспортизация источников (сокращением ДП здесь обозначается словарь Даля «Пословицы русского народа» [1]):

На печи по дрова поехал. *Народн. неодобр.* О бездельнике, отлынивающем от работы. ДП, 258; Соколова 2009, 32.

Без подмазки в душу влезет. *Народн.* О лицемерном, льстивом человеке. ДП, 661; Соколова 2009, 320.

Слово слову костыль подаёт у кого. *Народн.* О человеке с плохо развитой речью. ДП, 415; Соколова 2009, 508.

Подушка под головой не вертится у кого. *Народн.* О человеке с чистой совестью. ДП, 305; Соколова 2009, 516.

Более половины поговорок, разработанных М.И. Соколовой, ранее не фиксировались лексикографическими источниками, хотя их принадлежность к исконной русской фразеологии и многолетнюю историю бытования подтверждает лексический состав (ср.: апеллятивные и ономастические компоненты *алтын, полтина, аршин, пядь, хомут, калоши, Хавронья, Авдей*) и характерный для русской фольклорной традиции рифмо-ритмический рисунок. Приведем образцы интерпретации таких материалов в ПСНФ, где поговорки, представленные у М.И. Соколовой тематическими списками, получают толкование, указание на сферу происхождения и эмотивно-оценочную квалификацию: **Пропал Авдей от злых людей.** *Народн.* О том, кто пострадал по чьей-л. вине. Соколова 2009, 244. **Алёша, подвяжи калоши!** *Народн. Шутл.-ирон.* Насмешка над человеком по имени

Алексей. Соколова 2009, 328. **Аппетит: ем – пока шапка не слетит.** *Народн. Шутл.* О хорошем аппетите; о человеке, который жадно ест. Соколова 2009, 188. **Адрес: в старую хату – деду Игнату.** *Народн. Шутл.-ирон.* Неизвестно куда; о неточном, неполном адресе. Соколова 2009, 341. **На аршин борода, да ума на пядь.** *Народн. Ирон.* О пожилом и солидном внешне, но неумном человеке. Соколова 2009, 140. **В бане родился, а кашлять хочет по-горничному.** *Народн. Шутл.-ирон.* О спесивом человеке, зазнайке. Соколова 2009, 522. **Всем богам по сапогам.** *Шутл.* 1. Каждому свое. 2. Каждый будет наказан, каждому достанется (и правому, и виноватому). Соколова 2009, 159. **Вещи: хомут да клещи.** *Ирон.* Об отсутствии полноценного имущества у кого-л. Соколова 2009, 20. **Сошлись пара да ровня: Хавронья да корова.** *Народн. Шутл.* О друзьях, имеющих какие-то общие недостатки. Соколова 2009, 188. **С алтыном под полтину подъезжает.** *Народн. Неодобр.* О мошеннике, пройдохе. Соколова 2009, 318. **Богато живут – с плота воду пьют.** *Народн. Шутл.-ирон.* О бедняках, которые хотят казаться богатыми. Соколова 2009, 589.

Более полно отразить диапазон варьирования поговорок – ещё одна задача, которую решают лексикографы, включая материалы М.И. Соколовой в Полный словарь народной фразеологии. В первую очередь это лексические варианты, когда замены компонентов базируются на их тематической близости: **Наговорить семь коробов.** *Прост. Ирон.* То же, что **наговорить с три короба.** Соколова 2009, 62. **Бред пьяной кобылы.** *Народн. Неодобр.* То же, что **бред сивой кобылы.** Соколова 2009, 457. **Бред пьяной бабы.** *Народн. Неодобр.* То же, что **бред сивой кобылы.** Соколова 2009, 457. **Тётка Арина надвое сказала.** *Народн.* То же, что **бабушка надвое сказала.** Соколова 2009, 342. **Подлить керосина в огонь.** *Народн. Неодобр.* То же, что **подлить масла в огонь.** Соколова 2009, 452.

Структурные варианты различаются порядком следования компонентов или блоков компонентов. Так, если в большинстве лексикографических источников

мы находим обороты *ни шатко, ни валко* и *тише воды, ниже травы*, то у М.И. Соколовой еще и *ни валко ни шатко; ниже травы, тише воды* [9: 25, 416].

Довольно часто речь идет о количественных вариантах поговорок, когда их компонентный состав расширяется для повышения экспрессии за счет детализации или модификации образной основы. У М.И. Соловьевой мы находим такое варьирование (разной степени сложности), оно будет отражено и в ПСНФ:

Задать баню [с паром] кому. *Прост.* Очень сильно выругать, выпороть, строго наказать кого-л. Соколова 2009, 97.

Обходить за семь вёрст [околицей] кого. *Народн.* Не общаться с кем-л. (как правило – с мошенником, пройдохой). Соколова 2009, 317.

Через пень колоду [к мелкому броду]. *Прост. Неодобр.* О чьих-л. недобросовестных, небрежных действиях. Соколова 2009, 41.

Из молодых да ранних [– петухом поёт]. *Народн. Шутл.-ирон.* О спесивом человеке. Соколова 2009, 525.

Лежать на печи [– греть спиной кирпичи]. *Прост. Неодобр.* Бездельничать, жить без забот и труда. Соколова 2009, 30.

Собаку съел [да щенком закусил]. *Народн. Шутл.* Об опытном, умелом, знающем все тонкости какого-л. дела человеке. Соколова 2009, 319.

Зачастую такая экспликация поговорки является уже способом фразеопреобразования, цель которого – передать новое значение с опорой на лингвистическую пресуппозицию адресата речи – его владение исходным оборотом:

Ума палата, а язык – лопата у кого. *Народн. Шутл.-ирон.* Об умном, но излишне говорливом, болтливом человеке. Соколова 2009, 63. (Ср.: *ума палата* – ‘об очень умном человеке’ [7: 686].

Ушки на макушке – сами на опушке. О людях, доверивших наблюдение кому-л. и позволивших себе отдых, передышку в напряженной ситуации.

Соколова 2009, 13. (Ср.: *ушки на макушкеу кого* – ‘кто-л. очень внимателен, готов к чему-л. непредвиденному или неожиданному’ [7: 696].

Бог в помощь тебе похвастать. *Народн. Шутл.-ирон.* Говорится человеку, расхваливающему себя. Соколова 2009, 589. (Ср.: *Бог в помощь* – устар. ‘пожелание кому-л. успеха в труде’ [7: 45].

Собаку съел, да хвостом подавился. *Народн. Неодобр.* О мошеннике, пройдохе, которому что-то не удалось. Соколова 2009, 319. (Ср.: *собаку съел* – ‘об опытном, умелом, знающем все тонкости какого-л. дела человеке’ [7: 45].

По данным М.И. Соколовой, такой популярный современный способ трансформации поговорок, как контаминация, активно использовался носителями русского языка уже во второй половине XX века, что также позволяет констатировать разработку материалов сибирской собирательницы в ПСНФ. Так, на базе поговорок *бить баклуши* и *развесить уши* появляется трансформ, аккумулирующий семантику обоих исходных оборотов: **Один бьёт баклуши, а другой развесил уши.** *Народн. Ирон.* О бездельнике и доверчивом слушателе. Соколова 2009, 34. Поговорки *на вторых ролях* и *первая скрипка* объединяются в новом фразеологизме: **На вторых ролях, да первая скрипка.** *Разг. Шутл.* О влиятельном человеке, официально занимающем незначительное положение. Соколова 2009, 130, 437. А фразеологизмы *бабушка (бабка) надвое сказала*, *гадать на кофейной гуще*, *вилами по воде писано* при контаминации дают следующие результаты, зафиксированные М.И. Соколовой и обработанные составителями ПСНФ:

Бабка вилами по воде писала. *Народн. Шутл.* Неизвестно, состоится ли, произойдет ли что-то. Соколова 2009, 341.

Бабка на гуще гадала. *Народн. Шутл.* Неизвестно, состоится ли, произойдет ли что-то. Соколова 2009, 341.

Образование новых поговорок по известным фразео-семантическим моделям также можно проиллюстрировать материалами М.И. Соколовой, которые должны быть включены в ПСНФ:

Для каждого болта гайка. *Прост. Неодобр.* О любопытном, назойливом человеке, который вмешивается во все дела. Соколова 2009, 130. (Ср.: для каждой бочки затычка).

Менять/ поменять стрижа на ежа. *Народн. Шутл.* Выбирать из плохого худшее; не получать выгоды при обмене. Соколова 2009, 49. (Ср.: менять шило на мыло).

«Формула невозможного» как фразеосемантическая модель широко используется при образовании поговорок со значением ‘никогда’ [3: 208-214]. Любопытный пример реинтерпретационного из фразеологических образов при создании оборота с данным значением фиксирует М.И. Соколова: **Семь четвергов, да всё в пятницу.** *Прост. Никогда.* Соколова 2009, 77. Представляется возможным переосмысление народным языковым сознанием мотивировки оборота *семь пятниц на неделе* по логике «формулы невозможного» и использование элементов образа при создании новой поговорки.

Развитие результативной семантики при использовании образного мотива поговорки *вешать лапшу на уши* наблюдаем в акте фразеологического лингвокреатива: **На ушах вермишель расцвела виноградными лозами.** *Народн. Шутл.-ирон.* Об обманутом человеке. Соколова 2009, 373. В другом случае новый фразеологизм, использующий известный образный мотив, диктует новое прочтение исходного оборота: **Книга, а в ней кукиш да фига.** *Народн. Неодобр.* О неинтересной, несодержательной книге. Соколова 2009, 250, 372. Видимо, к такому выводу приходит носитель языка, переосмысляющий мотивировку поговорки *смотрит в книгу, а видит фигу*.

Таким образом, уникальный словарь М.И. Соколовой представляет собой ценный в культурно-историческом и лингвистическом плане лексикографический

источник, отразивший константы и динамику фразеологического состава русского языка, проявляющуюся и структурно-семантических трансформациях древних русских поговорок, образовании новых оборотов по традиционным фразеосемантическим моделями использовании исконных образных мотивов в актах нового фразеомообразования. Представляется возможной и целесообразной интерпретация этих материалов в формате Полного словаря народной фразеологии, предполагающем их детализированную семантико-стилистическую квалификацию.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1957. – 992 с.
2. Кунин А.В. курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
3. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
4. Мокиенко В. М. Принципы Ларинской лексикографии в трехтомном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 70–84.
5. Мокиенко В.М. Русская народная фразеология в лексикографическом освещении (принципы и разработка «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» с компьютерной базой данных) [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/proekt-rnf-17-18-01062.htm>. Дата обращения 04.02.2018.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2007. – 800 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2013. – 784 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2010. – 1024 с.
9. Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. – Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. – 622 с.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ КОННОТАТИВНОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Ню Юйфэн

аспирант

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Статья посвящена описанию инструментария современной фразеологии в аспекте междисциплинарного подхода. Такой подход позволяет расширить инструментарий исследования благодаря обращению к комплексному рассмотрению понятий языка и культуры, к устойчивым выражениям как к сгусткам национального и исторического факторов.

Ключевые слова: фразеология, коннотация, лингвокультура, язык, культура, методология

This article is devoted to the description of the tools of modern phraseology in the aspect of the interdisciplinary approach. This approach allows us to expand the research tools by applying to the comprehensive examination of the concepts of language and culture, to sustainable expressions as clusters of national and historical factors.

Keywords: phraseology, connotation, linguoculture, language, culture, methodology

Фразеологический фонд любого естественного языка представляется достаточно объемным вербальным пластом, содержащим репрезентативный исторический и метафорический контент в неравнозначном количественном выражении. Иными словами довольно краткие по выражению фразы благодаря своей прецедентности и образности передают весьма понятийно емкие данные той или иной лингвокультуры. Такое положение вещей позволяет ученым всего мира считать фразеологию вербальным памятником культуры, ее представлений о мире и духовной жизни нации [5]. Данное умозаключение является причиной того, что исследователи обращаются к освещению лингвистических объектов с позиции междисциплинарного знания, что позволяет фразеологии осуществлять отрыв компонентов-фразеологизмов от их словарного значения. В таком случае во главу угла ставится символизм фразеологических единиц, коннотация исследуемых единиц.

В.Н. Телия справедливо отмечает, что фразеологизмы выступают в качестве микротекстов, в качестве эталонов и стереотипов обыденного менталитета народа [4]. В связи с этим ученый указывает на необходимость размещения специальной информации культурно-коннотативного контекста в лексикографической статье. Также автор отмечает, что в культурной информации фразеологической единицы имеется по крайней мере два аспекта: универсальность или возможность быть ассоциированными с дефиницией и индивидуальность, которая эксплицируется посредством анализа внутренней формы [3].

Иными словами, фразеологические единицы представляют собой запечатленные в вербальной форме лингвокультурные сведения [3; 4]. Такая лингвокультурная информация в совокупности с ценностным фоном на подсознательном уровне воспринимается носителями языка, декодируется без дополнительных сложностей. В случае с другими лингвокультурами, фразеологические единицы с ярко выраженным денотативным компонентом в основном также легко декодируются. Такое положение дел вполне согласуется с понятием о ценностной ориентации лингвокультур, в основном имеющее универсальный характер. В данном случае речь идет о деноте или о мотивированности значения. Последняя связана с корреляцией значения с именем ситуации.

Сам механизм развертывания смыслов имеет следующий характер: сочетание слов относит сознание человека к сличению знаний с ценностной шкалой лингвокультуры, дается сигнал о том, что ситуация трактуется как положительная или отрицательная. Такого рода фразеологизмы имеют метафорическую или метонимическую подоплеку.

Особенности формирования значения устойчивых выражений отражены в их этимологических данных, в специализированных лексикографических источниках. Такого рода сведения практически неизменны во временном пространстве и составляют костяк вербального культурного фонда нации.

Таким образом, можно считать, что устойчивые выражения разных уровней являются своего рода микротекстами, обладающими некоторой прецедентностью, которая определяется их связанностью с фоновыми знаниями, культурным багажом.

В этой связи актуально обращение к лингвокультурологическому подходу и его инструментарию как одному из самых адекватных в изучению междисциплинарных объектов исследования. Заявленный инструментарий обращается к описанию языковых объектов в их связи со знаками культуры, символами и культурно-историческим подтекстом [1].

Рассматривая фразеологические единицы в рамках лингвокультурного подхода В.Н. Телия указывает на возможность устойчивых словосочетаний являться эксплицитными компонентами культуры, памятниками истории, доступными и понятными современникам [4]. Такой подход ставит во главу угла обращение к диахронии в аспекте рассмотрения историко-культурных коннотаций.

Сама по себе коннотация представляется в качестве оттенка значения, дополнительного к сигнификативному и денотативному компонентам, который по большей части носит стилистический характер. Следовательно, в изучении устойчивых выражений весьма актуален подход «сигнификат-денотат-коннотация». Этот подход весьма уместен в аспекте рассмотрения важности культурных ценностей в современном осмыслении. Таким образом, структура фразеологического значения может быть определена как двуплановая, когда на первом уровне переплетаются денотативно-сигнификативные компоненты, а сверху наслаивается коннотативный компонент, который базируется на образном переосмыслении двух предыдущих.

Понятие лингвокультурной коннотации является весьма распространенным в современной фразеологии. Еще широкая распространенность, тем не менее, не дает возможность четко дефинировать термин. По мнению В.И. Шаховского,

лингвокультурная коннотация представляет собой эталон менталитета народа, знак-микротекст, она способна выступать стереотипом лингвокультуры[6]. Иными словами, лингвокультурная коннотация способна профилировать отдельные грани значения, яркую внутреннюю форму, интенсифицирует ассоциации, мотивируют появление новых коннотаций. Само инициальное прямое системное значение является внутренней формой для появления переносного. Внутренняя форма выступает компонентом семантической структуры фразеологизма. Таким образом, коннотативное слово появляется тогда, когда денотат профилирует определенные признаки, а их образ перерастает в коннотацию.

Однако необходимо отметить, что процесс, описанный выше, не может считаться управляемым субъективно. Он в основном базируется на культурно-национальной специфике. Например, символом траура в китайской лингвокультуре является белый цвет, а в английском эту же функцию выполняет черный. Таким образом, культурные коннотации представляют собой фактор внутренней детерминации поведения и одновременно с этим профилируют форму ценностного освоения мира. При этом их наличие не должно нивелировать номинативную функцию денотата, поскольку сама по себе коннотация не существует в отрыве от предметного содержания.

Язык и культура, как было отмечено ранее, взаимосвязаны, что подтверждается существованием некоего абстрактного значения, которое в комплексе включает в себя сведения о лингвокультуре и ее взаимодействии с языковыми данными. Для описания этой взаимосвязи должен быть соответствующий параметр, именуемый, по мнению В.Н. Телия, лингвокультурной коннотацией [3]. Этот же термин, с точки зрения Ю.А. Сорокина, является национально-культурным компонентом связью культуры и языка как фоновые знания, своеобразные стереотипы культуры [2].

Столь разнообразная трактовка понятия фразеологических единиц в аспекте спаянности их компонентов, языка и культуры, позволяют говорить о

комплексности самого феномена. Это диктует необходимость обращения к ассоциативно-образному восприятию с целью описания культурно-национального смысла, установления культурной коннотации. Эти семантические наслоения осуществляются на системное значение. Эти наслоения имеют символический характер, ассоциированы с образами, символами и т.д.

Такого рода обращение к фразеологическому фонду нации позволяет установить их способность выступать в качестве эталонов и стереотипов обыденного менталитета, знаков-микротекстов, основного источника знаний о ментальности культуры народа. Последнее также транслирует знания о положительной или отрицательной коннотации, транслирует их поколения в поколение вместе с ценностными установками лингвокультуры.

Таким образом, исследования по фразеологии, существующие в унисон сегодняшнему дню, приветствуют развитие новых, междисциплинарных подходов к изучению ФЕ. В таком ключе получает развитие, как заявлено выше, лингвокультурологическое толкование. В данном аспекте особое значение придается описанию внутренней формы фразеологизмов как особой инициальной установки их мотивированности и спаянности значения.

Литература

1. Кириллова Н.Н. Предмет и методы исследования идиоэтнической фразеологии. – Л., 1988. – С. 36.
2. Сорокин Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М., 1982. – С. 61 – 73.
3. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. – М., 1993. – С. 302 – 314.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Чердынцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания.– М., 1996. – N 1. – С. 58 – 70
6. Шаховский В.И. Американская литература в эмоциональном осмыслении // Americana: вып. 3 «Проблемы преподавания истории и культуры США». – Волгоград, 1999.

ЗАГОЛОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОЙ ПРЕССЕ

Обрадович Маша (Босния и Герцеговина),

Мостарский университет, Мостар,

М.А. Дрога,

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный

исследовательский университет», Белгород, Россия

Рассматриваются особенности печатных изданий в Сербии и Хорватии. Также уделяется внимание заголовкам газетных статей, которые являются отражением современного состояния общества. Автор приводит некоторые статистические данные о самых важных темах и современных героях СМИ.

Ключевые слова: медиарынок Сербии, газета Хорватии, заголовок, манипуляция, СМИ.

Features of printed publications in Serbia and Croatia are addressed. Also attention is paid to newspaper headlines which are a reflection of the current state of society. The author cites some statistics on the most important topics and contemporary media heroes of mass media.

Keywords: media market of Serbia, Croatian newspaper, headline, manipulation, mass media.

В газете постоянно используются изобразительно-выразительные средства, например, метафоры, экспрессивная оценка ряда событий, кричащие заголовки. Мы проанализировали материалы периодических изданий Сербии и Хорватии с 2011 по 2017 годы, используя сравнительный анализ материалов в газетах «Глас ярности», «Блиц», «Политика», «Велика Србия». По итогам исследования нами сделаны некоторые выводы. Сербский таблоид «Блиц», являясь массовым изданием, формирует собственную аудиторию с помощью материалов на политическую тематику. С учетом того, что «Блиц» сегодня – это самое читаемое издание Сербии [1], можно говорить о том, что его аудиторией является большинство сербских граждан, читающих газеты. В «Блице» почти отсутствуют полемические материалы – речь идет о том, что если и создается полемический эффект с помощью публикации разных мнений, тут мы можем говорить о различных манипулятивных приемах типа «количественного доминирования» (большинство материалов одной точки зрения) или «качественного до-

минирования» (когда читатель больше доверяет конкретному мнению, а другое кажется ему изначально бездоказательным).

В большинстве газет (имеем в виду онлайн-издания), журналисты пишут о политике (в издании популярной сербской газеты Blic.rs). Самые читаемые вести о внутренней и мировой политике. К примеру, можно встретить следующий заголовок:

Дружба и(ли) интересы: Што скрывается между сербско-турецкой любви.

Этот и аналогичные газетные заголовки говорят о визите турецкого президента Эрдогана и об интересах Турции в этой стране. Журналисты пишут, что Турция под влиянием России создает хорошие отношения с Сербией, но некоторые аналитики считают, что отношения между двумя странами не зависят от России. Также пишут о разговорах о «турецком потоке», о внешнеторговом соглашении и об открытии турецкого «Халк» банка в Сербии. Эти статьи, по статистике интернет-блоггеров, имеют всего 25 комментариев читателей.

Следующий пример: *100 дней правления Анны Брнабич. Зарплаты увеличатся на 10%, пенсии на 5%.*

Здесь пишут, что премьер-министр Сербии Анна Брнабич обещала увеличить зарплаты учителям, ученым, врачам... Это статья имеет всего 126 комментариев читателей

Анализ языковых фактов, извлеченных из сербских газет, показывает, что большинство заголовков – о мировой политике. Иллюстрируем:

Солдаты Путина из тени... Наемники таинственного батальона "Вагнер" делают грязную работу Кремля. Имеют и свой сербский филиал!

Все больше бойцов из частной российской военной компании Вагнер борются в Сирии. Предполагается, что Кремль таким образом хочет замаскировать потери своих войск на самом опасном мировом фронте в данном моменте. Журналист напоминает, что нет прямых доказательств того, что Путин связан с

этими частными силами. Но как опубликовал английский *Daily Telegraph*, российский президент публично сказал, что Кремль может использовать частные военные компании для проведения спорных операций. Эта статья имеет всего 55 комментариев читателей [2].

Немаловажная часть газетных заголовков – о культурных новостях.

Эра игнорирования сексуального домогательства Харви Вейнштейна закончена или *Анна Каренина всегда интересная тема. Новый фильм Шахназарова.*

Кириллице угрожает опасность выталкивания

Министр культуры и информации Сербии Вукосавлевич сказал, что необходимо защитить кириллицу, потому что сербское письмо подвергается угрозе выдворения, если тенденция к неиспользованию продолжится. Отметим, что подобные статьи не имеют комментариев читателей. Выдвинем предположение, что на фоне политических событий (которыми буквально заполнены современные СМИ) новости культуры отходят на второй план.

Тема «Спорт» набирает обороты в современных сербских газетах. В рубрике о футболе пишут о местных игроках. Баскетбол – *Пять минут чистой магии. Вот так Тэо играл в баскетбол в НБА* (25 комментариев читателей).

Теннис – *Открытый чемпионат Австралии по теннису – Забыли Новака, сейчас пытаются выкупить* (39 комментариев читателей).

Можно заметить, что и в сербских и в хорватских СМИ пишут о визите турецкого президента. В хорватской газете *Večernji list* (vecernji.hr) пишут, что были подписаны соглашения между президентом Сербии Александром Вучичем и президентом Турции об инвестиционном и экономическом сотрудничестве между двумя странами, а также напоминают о строительстве части турецкого трубопровода, который Россия поставит на дне Черного моря, чтобы снабжать Юго-Восточную Европу газом.

В Хорватии как и в Сербии журналисты пишут более всего политических партий. Пишут и о ситуации в Испании, о декларации независимости Каталонии, о выборах в Австрии и о скорой встрече Владимира Путина и президента Хорватии Колинды Грабар Китарович в Москве. В рубрике культура хорваты пишут о лауреатах Нобелевской премии.

Исследователи отмечают, что в настоящее время почти все печатные издания Хорватии принадлежат иностранным владельцам (как правило, из Австрии и Германии). В 2000 г. в Хорватии было зарегистрировано около 1620 печатных СМИ, но только примерно 100 из них выходили регулярно (среди них 10 ежедневных газет и 8 еженедельников, распространяющихся по всей стране) [2]. Сложившаяся в газете система рубрик охватывает все основные сферы жизни. Рубрику «Dogarai» (События), занимающую первые 8 страниц, составляют новости внутривнутриполитической жизни, интервью, социальная тематика. В рубрике «Svijet» («Мир») освещаются международные события. В рубрике «Gospodarstvo» («Экономика») — новости экономики, сельского хозяйства, курсы валют. «Crna kronika» («Черная хроника») дает информацию о криминальных событиях в Хорватии, в рубрике «Komentari» («Комментарии») комментируются и анализируются важнейшие 110 события, причем среди авторов не только журналисты, но и ученые, экономисты и др. Есть традиционные рубрики «Спорт» и «Культура». Каждый номер выходит с местной вкладкой, посвященной информации и проблемам города или области с теле-радио программой и новостями шоу-бизнеса. На последних страницах располагаются занимательные новости со всего света (рубрика «Poslednje vijesti»). Газета имеет собственный сайт в интернете [4], который ведет работу с читателями. Так, ежедневно проводятся социологические опросы среди интернет-пользователей, результаты которых публикуются на следующий день в печатной версии. Любой пользователь Интернета может скачать полную версию издания в PDF-архиве бесплатно, в отличие, например, от сербской «Политики» или боснийской «Nezavisne Novine»).

Литература

1. Осенков, Е.В. Коммуникативные стратегии современных сербских периодических изданий различной политической направленности [Электронный ресурс] / Е.В. Осенков. – 2011. Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyloglog/2011/01/2011-01-42.pdf> (дата обращения: 16.10.2017).
2. Электронный ресурс: www.senica.ru/serbia/reviews (дата обращения: 15.10.2017).
3. Осенков, В.Е. Хорватская газета «VJESNIK» // Коммуникация в современном мире. – Воронеж, 2006. С. 109-110.
4. Электронный ресурс: www.vjesnik.hr (дата обращения: 15.10.2017).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАЛАМБУР И ЕГО ПЕРЕВОД

Л.Г. Петрова,

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Е.Г. Шапоренко

В статье рассматриваются некоторые приемы языковой игры, а также вопросы перевода фразеологических каламбуров.

Ключевые слова: языковая игра, перевод, фразеологический каламбур.

The article discusses some methods of wordgame, as well as questions of translation of phraseological puns.

Keywords: wordgame, translation, phraseological pun.

Языковая игра – это яркий пример творчества писателя, печать его индивидуально-художественного своеобразия, поэтому в рамках данной статьи остановимся на проявлениях данного феномена в художественных текстах. Язык художественной литературы может быть более разнообразным и ёмким, нежели литературный язык: он может выходить за пределы норм литературного языка, включать в себя образцы иной языковой практики, соответствующей стране и эпохе.

Появление в художественных произведениях таких языковых средств, которые либо перестали уже быть общепринятой нормой (архаизмы), либо не стали ещё общепринятой нормой (неологизмы), либо оторвались и не связаны

больше с общепринятой нормой (жаргонизмы), либо вообще не были связаны с национальным языком (иноязычные вкрапления), либо общеупотребительны в отдельных местностях, но не характерны для общенационального языка (слова и формы из территориальных диалектов) и т.д., может рассматриваться как закономерное использование языковых средств в целях художественного воздействия [6].

Таким образом, учитывая, что языковая игра – это результат использования художественно-языковых средств, определяемых индивидуальным языковым творчеством писателя, её можно рассматривать в системе «норма – другая норма», которая является стилистической, контекстной или ситуативной.

Существуют разнообразные приемы языковой игры: это может быть и незатейливая шутка, и острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.). Все эти приемы, находя свое выражение в языковой игре, могут использоваться как реализация эмотивной функции языка. Поскольку целью настоящей статьи не является рассмотрение всех приемов языковой игры, остановимся на таком ярком явлении, как каламбур.

В лингвистике до сих пор нет единого понимания сущности каламбура, что отражается и в терминологическом разном: этот прием ещё часто называют «игрой слов», «словесной остротой», «двойным смыслом» и т.д., причем содержание этих понятий и их соотношение часто трактуют по-разному.

«Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [5].

В современном значении каламбур рассматривается как фигура речи, обладающая определенной стилистической направленностью. Основными элементами каламбура являются, с одной стороны, одинаковое или близкое, до омонимии, звучание (в том числе и звуковая форма многозначного слова в его

разных значениях), с другой – несоответствие, до антонимии, между двумя значениями слов, компонентов фразеологического единства.

Множество каламбуров представляют собой намеренные переделки слов, а также переделки устойчивых выражений и «устойчивых текстов» – пословиц, поговорок, известных стихов, песен и т.п. Большая группа – это фразеологические каламбуры, заключающиеся в обыгрывании фразеологизмов.

Любой фразеологический каламбур строится на основе трансформаций, заключающихся в разрушении формы и/или содержания исходной фразеологических единиц, причем достигается параллельное восприятие как фразеологического значения фразеологических единиц, так и прямого значения компонентов или двойная актуализация.

Окказиональные изменения фразеологической единицы чрезвычайно широко распространены в современном английском языке. Объем подобных изменений измеряется степенью отклонения от фразеологизма-прототипа, т.е. от фразеологизма в его исходной форме.

Окказиональные изменения фразеологических единиц могут быть представлены посредством разложения фразеологического сочетания, замены компонента фразеологического сочетания, обыгрывания устойчивого фразеологического сочетания («оживления» одного из компонентов фразеологического сочетания), вклинивания компонента во фразеологическое сочетание.

Среди основных направлений изучения языковой игры вообще и каламбура в частности выделяется одно, которое остается одним из самых интересных и сложных – это проблема передачи языковой игры при переводе с одного языка на другой. Переводчик, воссоздающий игру слов, подчиняется сверхзадаче, поскольку в отличие от перевода обычного текста, при котором его содержание (в том числе образы, фон, авторский стиль) нужно влить в новую языковую форму, при переводе каламбура, перевыражению подлежит и сама форма подлинника –

фонетическая и/или графическая. Более того, нередко приходится менять содержание, в угоду форме, на новое, если невозможно сохранить старое. Это необходимо потому, что для полноценного перевода художественного произведения план выражения может оказаться важнее плана содержания. Нетрудно понять, что добиться при этом стопроцентно верного перевода, т.е. передать неизменным содержание, не меняя при этом и форму, удается сравнительно редко, так как между обыгрываемыми словами/фразеологизмами языком оригинала и соотносительными единицами языка перевода должны существовать не просто эквивалентные отношения, но полная эквивалентность с охватом двух (или более) значений.

Однако даже при таком положении не всегда можно рассчитывать на стопроцентно удачный перевод: между эквивалентами часто совсем неожиданно обнаруживаются незаметные при других обстоятельствах расхождения, – в сочетаемости, частностях или употребительности, в стилистической окрашенности или эмоциональном заряде, в наборе синонимов или антонимов, в этимологии или словообразовательных возможностях, в вызываемых ассоциациях или коварных намеках и т.п. А иногда даже незначительного с виду отличия достаточно, чтобы помешать правильному воспроизведению игры слов на язык перевода и заставить переводчика искать для этого новые пути.

В аспекте языковой игры и упомянутого выше фразеологического каламбура весьма показательное словотворчество Льюиса Кэрролла в одном из его произведений «Приключения Алисы в Стране Чудес», один из переводов которого на русский язык был сделан Н. М. Демуровой. Приведем некоторые примеры фразеологического каламбура из этого произведения и их вариант перевода Н.М. Демуровой.

Как отмечалось выше, одним из видов фразеологического каламбура является разложение компонентов фразеологической единицы, под которым понимается изменение структуры фразеологической единицы при сохранении ее

исходных компонентов и частичном переосмыслении всей фразеологической единицы или, чаще, одного из его компонентов.

Например, увлекателен момент, когда Алиса говорит о времени с Болванщиком и Зайцем. Вот как это выглядит в оригинале:

«I dare say you never even spoke to Time!»

«Perhaps not, ... but I know I have to beat time when I learn music».

«Ah! That accounts for it, ... he won't stand beating. ...» [8: 111].

В переводе Демуровой видим:

Ты с ним небось никогда и не разговаривала!

- Может, и не разговаривала, - осторожно отвечала Алиса. - Зато не раздумала о том, как бы убить время!

- А-а! тогда все понятно, – сказал Болванщик. – Убить Время! Разве такое ему может понравиться!

Здесь автор использует игру слов *to beat time* – *отбивать такт*, что представляется как прием разрушения фразеологического единства, восстанавливая основное значение глагола *to beat* – *бить*. В переводе Демуровой сохранена игра слов, поскольку в русском языке тоже существует фразеологизм «убить время» в значении «скоротать», но в диалоге персонажей значение глагола «убить» воспринимается Болванщиком буквально.

«A cat may look at a king», said Alice [8; 129].

Котам на королей смотреть не возбраняется, – сказала Алиса.

В этой старой английской пословице, означающей, что есть вещи, которые люди более низкого сословия могут делать в присутствии более высокого, использован тот же стилистический прием разложения фразеологического сочетания, где слова *cat* и *king* использованы в своем основном значении. В результате всё сочетание распадается и переосмыляется. Юмористический эффект создается столкновением привычного употребления сочетания (поговорки)

с контекстуальным, превращающим поговорку в свободное сочетание. Этот юмористический эффект полностью сохранен и в переводе Демуровой.

Случаем окказионального преобразования фразеологической единицы в стилистических целях является изменение компонентного состава фразеологизмов. Различаются простые и осложненные замены. Простые контекстуальные преобразования могут происходить как с изменением структуры фразеологизма, так и без ее изменения. Постоянный, или узуальный, компонент фразеологической единицы может заменяться единицей, которая синонимична или антонимична ему, связана или не связана с ней тематически. Например:

... «*when the Queen bawled out 'He's murdering the time!...'*» [8; 112].

Королева как закричит: «Убить Время! Он хочет убить Время! Рубите ему голову!»

Здесь компонент фразеологического сочетания *to kill time* заменяется синонимичным ему глаголом, которому придается основное значение. Поскольку в русском языке глаголы «*to kill*» и «*to murder*» имеют одинаковый вариант перевода «убить», то в переводе Демуровой комический эффект каламбура достигается реакцией королевы, которая требует наказания в виде отрубленной головы за преступление – убийство времени.

Интересным случаем окказионального преобразования фразеологизма является «оживление» одного из его компонентов. Например:

«*...they are both mad.*» [8: 102]. *Оба не в своем уме.*

«*It's a Cheshire cat, ...*» [8: 97]. *Это чеширский кот, ...*

Во времена Льюиса Кэрролла (как и сейчас) широким хождением пользовались поговорки «*Mad as a hatter*», «*Mad as a March hare*». Конечно, поэтому и возникли эти персонажи. «*Mad as a hatter*», возможно, есть искажение более старой поговорки (безумен как гадюка), однако, скорее всего, эта поговорка обязана своим происхождением тому факту, что до недавнего времени шляпники действительно сходили с ума. Ртуть, используемая при обработке фетра (она

запрещена сейчас законом в большинстве штатов и в некоторых странах Европы), нередко вызывала ртутные отравления. Жертвы этого отравления страдали судорогами, известными под названием «hatter's shakes», и это отражалось на их глазах и конечностях и затрудняло речь. На поздних стадиях больные страдали галлюцинациями и другими психическими расстройствами. «Mad as a March hare» имеет в виду безумные прыжки зайца-самца в марте, в период спаривания [9].

А далее выступает, вероятно, наиболее известный, после Алисы, персонаж сказки Кэрролла Чеширский Кот (Cheshire cat). Персонаж взят из выражения to grin like a Cheshire cat – ухмыляться во весь рот.

Происхождение этого выражения доподлинно неизвестно. Существуют два предположения:

1. Один художник в Чешире (графстве, где родился Льюис Кэрролл) изображал на вывесках ухмыляющихся львов;
2. Одно время головке чеширского сыра придавалась форма широко улыбающейся кошки [9].

Автор использует в этих двух случаях свой излюбленный стилистический прием: он «оживляет» не имеющий самостоятельного значения компонент фразеологического сочетания (идиома) и превращает его в одного из персонажей повествования. Демурова в своем переводе сохраняет прием оживления фразеологизма с учетом существующих английских поговорок, используя кальку «не в своем уме» и «Чеширский кот».

Весьма значителен стилистический потенциал вклинивания, и он является одним из художественных средств, используемых для повышения экспрессивности и эмоциональности высказывания. Вклинивание слов, переменных словосочетаний и предложений в состав фразеологической единицы производится в целях уточнения, усиления или ослабления значения фразеологизмов или контрастного сопоставления их значений. Например:

«...and that in about half no time!...» [8: 136]. *Решиай сейчас же – нет, в два раза быстрее!*

Автор обыгрывает сочетание *in no time* (мгновенно) и вводит для усиления слова *about half*, чтобы показать, что требование Королевы должно быть выполнено еще быстрее, чем «мгновенно». Поскольку на русский язык сочетание переводится одним словом, невозможно сохранить приём вклинивания, поэтому Демурова достигает комического эффекта описательным переводом.

Вышеизложенное позволяет нам констатировать, что наличие двух языковых систем, вовлеченных в процесс перекодировки, обязывает переводчика учитывать уникальность и своеобразие каждой из них в своем стремлении найти наиболее точную интерпретацию игры слов с максимально полным сохранением её стилистического колорита в языке перевода.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 516 с.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест. М.: Наука, 1983. С.156–215.
3. Кунин А.В. Вклинивание как лингвистическое явление // Иностранные языки в школе. 1973. №2. С. 13-22.
4. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопр. языкознания. 1995. №3. С. 56-69.
5. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
6. Степанов Г.В. О стиле художественной литературы // Вопр. языкознания. 1952. №5. С. 23–37.
7. Стилистика английского языка: Учебник / Под ред. А.Н. Мороховского, О.П. Воробьевой, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. Киев: Выща шк., 1991. 272 с.
8. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. Moscow: Progress Publishers, 1979. 235 p.
9. Интернет-ресурс
http://thelib.ru/books/kerroll_lyuis/priklyucheniya_alisi_v_strane_chudes_pernmdemurovo_y-read.html.

**«Я ГЛУБОКО ВЕРЮ В СПАСЕНИЕ... РОССИИ»: РОМАН ЮРИЯ МАМЛЕЕВА
«ШАТУНЫ»**

Уго Перси,

профессор Бергамского государственного университета, Бергамо, Италия

Юрий Витальевич Мамлеев – один из тех русских писателей, книги которого переведены на многие европейские языки. В статье анализируются особенности мысли и творческого письма писателя в романе «Шатуны».

Ключевые слова: Мамлеев, писатель, философ, Россия, христианство, шатуны.

Yuri Vitalievich Mamleev is one of those Russian writers whose books have been translated into many European languages. The article analyzes the peculiarities of the writer's thoughts and creative writing in the novel "Shatuns".

Keywords: Mamleev, writer, philosopher, Russia, christianity, shatuns.

Юрий Витальевич Мамлеев – один из тех русских писателей, книги которого переведены на многие европейские языки. Востребованность среди духовной элиты его творческой мысли понятна. Это тот писатель, философ, драматург и поэт, который своим творчеством формирует не только новое литературное течение, но и является основателем философско-патриотической доктрины «Вечная Россия». Это тот человек, который на одном из своих творческих вечеров сказал: «Я шёл от ада к раю».

Первый взгляд на произведения Мамлеева дает впечатление полного отсутствия любого следа христианской надежды. И все же, если не терять простую читательскую надежду, тусклый, далекий свет мерцает, все ужасы и монстры постепенно побледнеют и, наконец, от них остается только неприятная память. Правда, говорить о христианстве здесь неуместно, но все равно тяга к абсолюту, постоянные соприкосновения с религиозно-метафизической символикой и с разными шедеврами метафизико-экзотерической мировой литературы, сдержанная, но неподдающаяся вера в исконную Россию, все это позволяет нам усмотреть в произведениях Мамлеева и христианские черты.

В своей теоретической работе о «Судьбе бытия» сам автор так определяет задачу писателя: «Для писателя-метафизика задача [. . .] состоит в том, чтобы

обратить все свое духовное зрение на невидимого человека, интересуясь внешним человеком лишь постольку, поскольку в нем отражаются реалии скрытого, тайного, трансцендентного человека» [3, с. 99].

Итак, мы уже знаем, куда стремится философ Мамлеев, однако к каким творческим путям писатель направляет свой шаг и какие его «кормчие звезды»? Он сам предлагает некоторые пояснительные ключи, когда в интервью «Литературной газете» (от 16 ноября 1994, с. 3) он придает *«исключительное значение идеям великого современного метафизика Рене Генона»* и когда в выше цитируемой статье утверждает, что *«достаточно назвать Данте, как пример метафизического реализма»*; с другой стороны, *духовная алхимия, по его мнению, является знанием невидимого, скрытого человека там абсолютно несравнимо с тем мелким знанием о человеке, которое дает современная самая изоциренная психология» [2].*

На самом деле эти компоненты гармонично переплетаются в романе «Шатуны», в котором автор отнюдь не теряет из виду русские классические примеры от Гоголя до Достоевского и Сологуба. Несмотря на всех этих благородных предков, «Шатуны» волей-неволей являются одним из самых оригинальных литературных феноменов современной русской культуры. Но, если учение Генона и таинственные доктрины средневековой алхимии составляют теоретическую, символическую и сюжетную основу романа, то, как мне кажется, «Божественная комедия» ему придает четкую, хотя и отдаленную образную структуру.

Известно, что дантовская космология трехчастная: ад, чистилище и рай. Низвергнутый с небес, Люцифер упал на северное полушарие и вонзился в центр земли, оставляя за собой огромный овраг в форме опрокинутого конуса – ад. В качестве теллурического отката, на противоположном полушарии формировалась высокая гора – чистилище, на вершине которой находится окруженный вращающимися небесами рай. Достигнув адского дна, Данте и Вергилий должны

добраться до входа в чистилище, но приходится еще сделать кувырок, крепко держась за шкуру Сатаны, чтобы занять правильное положение и начать тяжелый путь вверх сквозь узкий и длинный проход через южное полушарие: «e quindi uscimmo a riveder le stelle», то есть «и затем мы вышли и снова увидели звезды».

Именно символ центра, связанный с мотивом мучительного прохождения по духовным и телесным ужасам до мелькания еще незнакомого, но уже утешительного света – это все творческий материал только внешне мрачного романа Мамлеева.

Видеть в жутком мире московского пригорода Лебединое ипостась советского абсурда можно, но нет сомнения, что в романе царствует тотальное отсутствие социально-политических координат. Сам автор многократно об этом говорил, хотя он нередко намекал на подпольную интеллигенцию, к которой сам активно принадлежал. Поэтому, роман следует читать исключительно в метафорическом ключе и самую дантовскую поэму не надо считать влияющей на него моделью, а как бы всеобщим прототекстом, в который «Шатуны» привнесут свой современный вклад. Правда, Мамлеев не организовал для читателя никакого потустороннего тура, там нет никаких четко определенных привалов. У него все более хаотическое, но все же в определенный момент внимательный читатель осознает, что он уже не находится в царстве ужаса, а в царстве, если еще не света, то по крайней мере надежды. Он как бы чувствует, что его незаметно заставили совершать кувырок и что он, как и Данте, уже видит Люцифера ногами вверх, и все дальше и дальше. Однако это не происходит раньше второй половины второй части романа. До этого – только дорога в ад, только сцены самоедства, сексуального безумия, расчленения тел людей и животных. При этом автору как будто все равно, его сочувствие ко всему этому похоже на реакцию Вергилия, советующего Данте: «Не заботься о них, а смотри и проследуй дальше».

Дорога в ад, по которой нас ведет Мамлеев, усеяна лингвистико-символическими знаками. В течение трех четвертей романа автор играет на

регистр внутренности или же направления во внутрь, и почти все речевые части функционально соответствуют выражению этого состояния. Эти языковые элементы являются не простыми носителями значения, а вербализацией авторского метафизического мира. Внутренность, центростремительное желание в собственное «себя» – это повествовательные элементы такой настойчивости, что они скорее являются морфологическими и структуральными. С другой стороны, так часто барочно составленные прилагательные, указывающие на телесную зону «живот/утроба/брюхо» (как, например, «мирообъемлющее брюхо»), только подчеркивают ощущение телесного заключения и погружения в вихрь, который все проглатывает во внутрь, или ко дну, или в центр, что одно и то же. В первой части романа мы находимся, так сказать, в поэтике «внутри/внутри». Эта внутренность отождествляется с понятием «центра», но если в «Божественной комедии» центр – это центр земли, в котором лежит поверженный Люцифер, в «Шатунах» – это пространственное понятие не определяется автором; тем не менее, он сам беспрестанно указывает на центр вообще, который символизируется огромным шаром живота главного героя. Приведем некоторые цитаты: *«В духе он целовал внутренности своего живота и застывал»* [3, с. 12]; *«Эта деятельность носила характер “в себя”»* [3, с. 13]; *«В доме было множество пристроек, полутемных закоулков и человеческих нор; кроме того, – огромный, уходящий вглубь, в землю подпол. [...] Он вскоре поехал по делу на север, в глубь России, к Архангельску»* [3, с. 101].

Последней фразой начинается вторая часть романа, и почти незаметно подготавливаются условия для входа в новое измерение. Автор, как кончик ножа его главного героя, метафизического убийцы Сонного, проникает через внутренности своих жертв и достигает цели, то есть внутреннего, духовного, настоящего человека. Автор, как современный Вергилии, довел нас до центра не только своего произведения, а вообще своей концепции, и все, что нас дальше ожидает, уже может быть только другим. Напомню, что и в «Божественной

комедии» пункт метафизической коммутации, пункт, где происходит «coincidentia oppositorum» [тождество противоположностей, лат.] находится в центре земли, именно там, где лежит Люцифер, который, между прочим, падая на землю, не потерял своего имени, т. е. он, хотя и находится в центре земного шара, на самом дне темного царства, еще обладает именем «носителя света» [lucem fero (свет ношу) лат.]. Если он там уже никакого света приносить не может, то он хотя бы его предвещает двум поэтам, которые, на самом деле, скоро увидят звезды.

Мамлеев постепенно уже переходит от поэтики «в/внутри/внутри» к поэтике «из/вы-/вне», от измерения земного или телесного заключения к измерению духовных или метафизических просторов. Анна Барская, как будто видя свой труп с того света, говорит: *«Я украшу его загробными цветами; или сяду на нем верхом, невидимо: вперед, вперед ... в просторы»* [3, с. 140].

Этот переход совершается во втором романе Мамлеева «Московский гамбит», в котором, парадоксально, более явны реалии подпольной Москвы 60-х годов. В «Шатунах» все еще доминирует центростремительная сила; даже в знаменитой сцене сексуального отношения Извицкого с самим собой, носящей черты бестелесности и метафизичности, поскольку она представляет собой ипостась соединения человека с собственным «Я», автор комментирует: *«Мир исчезал, словно делаясь оскопленным, и сексуальная энергия направлялась внутрь, обволакивая «Я» безграничной любовью»* [3, с. 183]. И далее: *«Кровавая тяга к себе, желание впиться, погрузиться в себя руками, как в бездонную, единственную вселенную застлала сознание»* [3, с. 192].

Не на земле, в этом «подвале вселенной», а там, «в себе», в настоящей вселенной, пространственные координаты рассеиваются и окончательно исчезают, и то, что стремится внутрь, в центр, там найдет не темноту, физического тела, а сияние «Я»: [...] *и душа выходила навстречу самой себе, поднимаясь, целуя подножие высшего «Я», докатывая до него сладостные, телесные волны само-любви. И в «Я», в родном «Я», раздавался уходящий внутрь, в бесконечность, ответный*

стон той же само-любви» [3, с. 195].

В своей книге «Символы священной науки» Рене Генон пишет: «[...] центральный пункт – это Принцип, чистое Вещество, и пространство, наполненное его излучением и существующее лишь ради этого же излучения [...], без которого пространство было бы только «лишением» и ничем, это Мир в самом широком значении слова, совокупность всех веществ и всех состояний бытия, составляющих всемирное проявление» (Guénon 1984, 63). Французский метафизик, однако, не теряет из виду, что центр может существовать самостоятельно, но если еще что-то кроме него существует, тогда это будет *вокруг* него в символах, то ли круга, то ли шара. Это объясняет не только предыдущую цитату из «Шатунов» («мирообъемлющее брюхо»), но и целую символическую концепцию романа. Автор с самого начала посвящает нас в эту сразу не очень понятную символику. Serial-killer Соннов сидит в электричке, его *«чуть рваный пиджак прикрывал большой живот, которым он как-то сосредоченно двигал в себя, и иногда похлопывал его так, как будто живот был его вторым лицом – без глаз, без рта, но, может быть, еще более реальным» [3, с. 3-4].*

Иначе говоря, лицо, самая духовная часть человеческого тела уступает место животу, поскольку, если первое выражает движения духа, во втором кроется ни более ни менее, как метафизический центр вселенной, неподвижный двигатель, словом, «Я», которое содержит простой человеческий дух, ему подчиненный. Этому неподвижному центру противопоставляется истинная мобильность круга и шара, вечности центра противопоставляется их временность. Гомологами центра круга в шаре являются, кроме центра самого шара, его полюсы, которые столь же неподвижны. Напомню, что до дантовской космологии Иерусалим с Гробом Господним и Голгофой находятся над адским обрывом, т.е. земной Иерусалим, Люцифер и небесный Иерусалим на вершине чистилища оказываются на одной и той же оси. Здесь очень уместна цитата Генона из таоистического текста «Чуанг-цу»: «Пункт, который действует осью нормы, это неподвижный центр круга, на

окружности которого вращаются все случайности, различия и индивидуальности» [7, с. 63].

Другими словами, жуткий, чудовищный хоровод в подмосковном пригороде Лебединое представляет собой внешний мир, мир смертной человеческой плоти, который в своих глубинах, то ли в животах своих жителей, то ли в подвалах и закоулках их домов, подсознательно хранит свет беспространственного мира. Как метафизический пьяница Ерофеева ищет духовное спасение ни в политико-географическом центре России, а в Петушках, так и метафизический мамлеевский убийца смутно идет в поисках себя самого не в близкую Москву, а «в глубь России, к Архангельску», там, где в глубине лесов прятались староверы. Размышляя над романом Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», А.В. Полонский делает довольно сходные выводы, когда пишет: «В романе Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» достаточно много топографически точно обозначенных мест самой Москвы и ее южного пригорода, со стороны Курского вокзала, однако далеко не каждый из них претендует на статус идеологического «барицетра». Есть точки, в которых давление ощущается с максимальной силой. Именно эти точки и определяют духовное движение героя – его идеологическую траекторию» [5, с. 182].

Само огромное тело России становится метафизическим существом, в его утробу русскому человеку страстно хочется погрузиться, вернуться, и там найти сияющий центр, храм высшей религии. Не важно, где находится этот центр, все равно центростремительная миссия России вне дискуссии.

М.Ю. Лотман и Б.А. Успенский пишут: «Характерно, что идея Москвы-третьего Рима достаточно скоро могла преобразовываться в идею Москвы-нового Иерусалима» [1, с. 204].

Не без интереса, как подчеркивают авторы статьи, то, что патриарх Никон построил новый храм Воскресенья после того, как неверные осквернили старый в Иерусалиме; но еще интереснее то, что он очень тщательно искал место стройки;

орография и гидрография места должны были изоморфно соответствовать иерусалимскому прообразу, сам храм должен был возвышаться на том же самом меридиане, потому что надо было создать Новый Иерусалим. Центр земли передвинулся, таким образом, на север, в русскую землю, но не потерял своей функции центра земного тела. Цитируя русского паломника XII века Даниила, находящегося в храме Воскресенья, М. Плюханова пишет: «“Вне стены за алтарем пуп земли”. Христианский мистический центр – “место среди земля, иде же распяся Христос”» [4].

Итак, освященное тело России может терпеть все ужасы лебединского ада не растериваясь, они жалкие, ничтожные, проходящие явления человеческого существования. В уже цитированном нами интервью «Литературной газете» Мамлеев выразил свое мнение о судьбе России; в нем еще не стирались метафизические прообразы центра и сосредоточенности: *«Я глубоко верю в спасение именно России. Мотивы этого спасения – в ней самой, в ее глубинной таинственной духовной сущности [...]. России нужно, прежде всего, одно – самосохранение. [...]. Сохранение своих недр, богатств, интеллектуальной силы, души. А если Россия сохранит себя, то, надеюсь, высшие силы защитят её, ибо именно такая Россия сможет положить начало новой духовной эре [2].*

Литература

1. Лотман Ю., Успенский Б. Отзвуки концепции «Москва-третий Рим» в идеологии Петра Первого // Лотман Ю., Успенский Б. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 3. Таллин, 1993.
2. Мамлеев Ю. Судьба бытия // Вопросы философии. 1993. № 10.
3. Мамлеев Ю. Шатуны. М., 1996.
4. Плюханова М. Б. О традициях Софийских и Успенских церквей в русских землях до XVI века. // «Лотмановский сборник», М.: О.Г.И., 1997.
5. Полонский А. Автор, герой и читатель в поисках храма в романе-анекдоте В. Ерофеева «Москва-Петушки» // Библейские мотивы в русской культуре и литературе. Poznan, 2000.
6. Guenon R. Il simbolismo della croce, Luni ed., Milano-Trento, 1998; первое изд.: Le Symbolisme de la Croix, Ed. Traditionnelles, Paris, 1931.

7. Guenon R. Simboli della scienza sacra, Adelphi, Milano, 1984; первое изд.: Symboles Fondamentaux de la Science sacrée, Gallimard, Paris, 1962.

ТЕКСТ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

А.В. Полонский,

доктор филологических наук, профессор

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Общество как исторически сложившаяся совокупность людей, форм их совместной деятельности и техник включает и такой обязательный параметр, как медиа. Статья посвящена рассмотрению ключевых особенностей современного медийного текста.

Ключевые слова: медиа, масс-медиа, практика, медиакommunikация, культура, текст, медийность.

Society as a historically formed set of people, forms of their joint activities and techniques includes such a mandatory parameter as media. The article is devoted to the key features of the modern media text.

Keywords: media, mass media, practice, media communication, culture, text, mediativity.

Общество как исторически сложившаяся совокупность людей, форм их совместной деятельности и техник включает и такой обязательный параметр, как медиа. Сегодня медиа из носителя информации, из простого посредника, из «невидимого», нефиксируемого сознанием фонового элемента социальной действительности, обрели статус социального субъекта, обладающего мощнейшим потенциалом социальной динамики. В обществе особенно востребованными оказываются медиакommunikации, ориентированные на ресурсообразование, или профит: пиар, с присущей ему услужливостью и избирательностью суждений; реклама, с ее отзывчивостью на оплаченный заказ, на создание сказочного мира тотального позитива и господства товара, на культурный запрос целевых аудиторий; шоу, вплетающее «звезд», приключения и политику в повседневность человека и создающие ему комфортные условия для интеллектуальной и эмоциональной разгрузки. Профит – маркетинговый или

идеологический – становится важнейшей целью информационного производства, опосредуемого медийными технологиями.

Предметом данной статьи является осмысление феномена *медийного текста* (медiateкста), который сегодня не без оснований претендует на статус доминирующего текста культуры. В практике научных исследований широко принято понимание медийного текста как совокупного речевого продукта трех форм массовой коммуникации – журналистики, рекламы и связей с общественностью, однако анализ опосредованного медийными технологиями совокупного информационного продукта позволяет рассмотреть феномен медийного текста несколько в иной смысловой перспективе.

В культурной квалификации медийного текста важно не упускать из виду то, что *медиа* представляют собой многослойный феномен, который связан с информационной потребностью человека и с его многообразным опытом интеллектуального и эмоционального переживания как действительности, так и собеседника, а во-вторых, то, что эпоха, в которой оказался современный человек, придала информации особый статус, превратив ее в свой важнейший ресурс, что привело не только к радикальному расширению спектра медиа и к бесконечной диверсификации их платформ и форматов, но и к качественным переменам в их социальном восприятии.

Явление, как известно, «творится масштабом его восприятия» [7, с. 7] и сфокусированностью внимания на тех или иных качествах. В практике современной жизни любой объект действительности стал фиксироваться сознанием как «зашифрованный» в окружающем человека пространстве медийный ресурс. Любой объект стал интерпретироваться с точки зрения не только его культурно-бытового предназначения, но и его технологической способности выполнять функции медиа. Восприятие медийного ресурса при этом разворачивается на двух уровнях, первый из которых связан с его извлечением из фона и регистрацией присущих ему конструктивно-

технологических свойств (материальной формы, фактуры, текстуры, внутренней структуры, плотности, принципов реагирования на внешнее воздействие и т. п.) в аспекте их коммуникативного потенциала, а второй – с соотнесением особенностей медийного ресурса с динамичным контекстом социального взаимодействия субъектов, с их намерениями (интенциями), целями, задачами, мотивами, интересами.

История медиа – это парафраз культуры человека, который на протяжении своей коммуникативной истории использовал разные медиа, разные «технологические расширения» [1], чтобы обеспечить должный формат коммуникации, тем не менее такого сосредоточенного и нюансированного внимания к медиа, такой прагматически ориентированной установки на их распознавание, каталогизацию и диверсификацию форм ранее не было. До сих пор медиа оставались незамеченными, невидимыми, «растворенными» в неструктурированном сознанием культурном фоне, однако благодаря инновационным процессам, форсированно развивающимся во всех сферах жизни и деятельности общества и в особенности в информационных технологиях, благодаря ментальной динамике человека медиа оказались в фокусе дифференцирующего социального восприятия.

В результате социального «проявления» медиа человек оказался в качественно новых для себя условиях: не только плотного погружения в медийную среду, о чем сегодня говорят исследователи, но и устойчивого «ощущения» медиа и даже «обязанности» к ним. Нередуцируемое чувство сопричастности феномену медиа означает то, что современный человек обрел качественно новую ментальную способность – «видеть» медиа и включать их фактор в свои культурные практики и в формируемые им содержательные структуры.

Динамическая способность сознания к восприятию в качестве медиа любых феноменов среды, способность к содержательному реагированию на медиа,

включающему в себя их опознавание, различение и использование с учетом подвижного контекста коммуникации и ее прагматического аспекта (совокупности коммуникативных интенций), изменила содержательную формулу культуры, включив в нее в качестве обязательного элемента фактор медиа и создав таким образом кардинально новую для культуры реальность, связанную с феноменом социального «проявления» медиа. Выделившись из культурного фона в различимую фигуру, медиа стали источником содержательных импульсов, устойчиво фиксируемых сознанием современного человека, стали той ценностью, тем значимым, интеллектуально и эмоционально переживаемым образом, который человек «встраивает» во все свои культурные практики.

Современная культура в виде фактора медиа обрела новое, устойчиво опознаваемое, «считываемое» и регистрируемое общественным сознанием качество – *медийность*, которая понимается как способ присутствия медиа в культуре, как ее содержательный отклик на конструктивные особенности медийного ресурса, на присущие ему технологии обеспечения движения информации. Медийность отражает качественно новый статус современной культуры и статус ее доминирующего текста. Как заметил А.М. Пятигорский: «Время изменяет тексты. Традиционные культуры сознательно или бессознательно (чаще первое) борются со временем за тексты, чтобы оно их не изменяло. Одним из основных методов этой борьбы было включение времени в текст, который тем самым становился формой существования времени как своего внутреннего объекта (содержания?)» [5, с. 14]. Сегодня знаком времени, включенного в текст, стал фактор медиа, а ключевой стратегией современной культуры стал «перевод» ее текстов в медийную форму.

Многообразие параметров медиа, формирующих отличительные свойства развертываемого текста, оказывается в фокусе устойчивого общественного сознания и, как следствие, становится предметом фокусированной рефлексии, устанавливающей проекцию конструктивно-технологических особенностей

медийного ресурса на внутреннюю организацию текста (особенности кода, стиля, характер интенций и т. п.), на его «смысловый ландшафт» [8], на принципы его производства и передачи, а также на *его внетекстовые* особенности (фактуру, объем, размер, форму, полиграфические характеристики и т. п.).

У каждой культуры, как и у каждого человека, есть свои медиа. Медийный «репертуар» современной культуры качественно обогатился благодаря новым, цифровым и сетевым информационным технологиям.

В осмыслении феномена медиа и их развертывания в текстовую реальность важно не упускать из виду и тот факт, что любые культурные преобразования происходят только при наличии мотивированного социального субъекта.

В современном обществе особенной инновационной мобильностью в аспекте коммуникативных технологий, безусловно, отличаются журналисты, а также специалисты в сфере рекламы и связей с общественностью, которые, будучи ориентированными на целенаправленное воздействующее движение информации в больших социальных группах, особенно заинтересованы в диверсификации медийных платформ и в их активном внедрении в свои практики, поскольку это повышает эффективность решения стоящих перед ними задач. Однако среди тех, кто почувствовал «медийную фактуру» современности и вовлек медиа в сферу своего устойчивого культурного потребления, находятся и другие представители т. н. «креативного класса» [6], которые открыты культурной динамике современной жизни, которые первыми улавливают и усваивают инновационные идеи, которые генерируют не только актуальную повестку дня, но и новые модели поведения. Среди них – политики и преподаватели, писатели и поэты, профессионалы и любители в сфере искусства, дизайна и моды, специалисты в сфере музейной и выставочной деятельности, в сфере экономики и маркетинга и многие другие «культурные посредники» (Л. Бовоне), коммуникативный статус которых формируется на основе осознания ими потенциала социальной среды, на основе их установки быть в гуще происходящей

публичной жизни (какой бы формат она ни принимала – группы, учреждения, города, страны или сообщества в Глобальной сети) и эффективно соперничать за социальную узнаваемость, лидерство и признание, в том числе посредством медийных и контентных стратегий.

В обществе, кроме того, есть особые группы людей – трендсеттеры (англ. *trend* «тенденция» и *to set* «устанавливать, начинать»), хипстеры (англ. *to be hip* «быть в теме»), медиагурманы и медиафанаты, которые, отличаясь высокой интеллектуальной и эмоциональной мобильностью, особенной волевой установкой на новизну, на авангардный тренд и эксперимент, вовлеченностью в динамику социальных процессов с их многообразными инновационными проектами в сфере медиа, незамедлительно включают нововведения в свой повседневный опыт.

Благодаря этим социальным субъектам, благодаря этим новаторам, чьи культурные практики устойчиво фиксируются общественным сознанием, медиа стали той «формой жизни», которая обуславливает форсированное развертывание в культуре новой, медийной текстовой реальности.

Совокупность свойств медийного текста поддается систематизации, результат которой позволяет выявить парадигму его форм.

Конструктивно-технологические особенности медиа, определяющие их способность по-разному фиксировать информацию в качественно различающихся средах – в *естественной среде*, то есть в среде физических объектов и явлений, свойства которых опознаются человеком органолептически, на основе анализа непосредственных восприятий, и в *цифровой*, реальность которой доступна только посредством особой, интерфейсной технологии, обеспечивающей взаимодействие пользователя с информационной системой, позволяют различать две формы медийного текста – *аналоговую* и *цифровую*.

В качестве отличительного свойства цифрового текста можно назвать *прогрессивную пластичность*, сущность которой обнаруживается в уникальной

способности текста к облегченному и «малозатратному» производству, его клонированию, резервному копированию, к мгновенным трансформациям и незамедлительному отклику на используемый прием (маркирование, масштабирование, шрифтование, деформацию, перемещение, включение, изъятие и т. п.), а также к существованию в широком диапазоне преобразованных, «открытых» и гипертекстовых форм, к упрощенному поликодовому объединению, интерактивности, фиксированию в итоговой форме и дистрибуции (рассылке).

Технологически обусловленная способность медиа фиксировать информацию посредством определенного семиотического кода или совокупности кодовоопределяет конструктивно-семиотический аспект медийного текста. На этом основании выделяется его *монокодовая* (моноссемиотическая) и *поликодовая* (полисемиотическая) форма.

Монокодовый текст в семиотическом отношении представляет собой однородное образование, смысловая структура которого репрезентируется посредством одной семиотической системы (вербальной, визуальной или аудиальной), в свою очередь *поликодовый текст* – это неоднородное, гибридное, конвергированное образование, совмещающее в себе различные семиотические ряды (семиотический комплекс), которые в смысловом пространстве текста вступают в прагматически или эстетически мотивированные отношения *консонанса*, то есть содержательной поддержки (пропонирующего диалога), или *диссонанса*, то есть содержательного опровержения (оппонирующего диалога), а также отношения *координации (согласования)* и *субординации* (иерархии).

В современном обществе особенно востребован, как известно, поликодовый (конвергентный) текст, в то время как «культура интерпретации и понимания письменных текстов стала стремительно закатываться» [3]. Несмотря на то, что обогащающийся опыт современного человека выражается в росте его словаря, выбор все же им устойчиво делается в пользу визуального нарратива.

Социально-коммуникативный аспект медийного текста формируется на основе способности медиа обеспечивать определенный формат или уровень циркуляции информации в обществе, распределять информацию и предоставлять одновременный к ней доступ определенному, мотивированному социальной и субъективной необходимостью количеству потребителей.

Медийный текст, генерируемый в сфере *межличностной* коммуникации, то есть *предназначенный конкретному лицу или лицам, которые посвящены в личные, не обсуждаемые публично обстоятельства жизни (частные письма)*, квалифицируется как *интерперсональный*. В свою очередь, текст, мотивированный большими, в признаковом отношении рассредоточенными аудиториями, ориентированный на имперсональное сознание и распространяемый посредством медиа, в обеспечении массовых коммуникаций (масс-медиа), обнаруживает свою *массмедийную* форму.

Современные цифровые технологии создали качественно новые коммуникативные контексты, в которых во взаимной обусловленности оказались не пересекавшиеся до сих пор, с одной стороны, межличностные формы коммуникации, имеющие *атрибуты субъективного, персонализированного опыта*, а с другой – массовые, ориентированные на имперсональное сознание, на преодоление границ персонализированного субъекта речи [1; 4]. В результате конвергенции разных коммуникативных сфер образовалась новая форма медийного текста, суть которой раскрывается в социальном экспонировании (и его масштабе) межличностного диалога. В этом случае можно говорить о *сетевом тексте*, то есть имеющем непосредственного адресата (адресатов), однако «выставленном на обозрение» общественности – всеобщее или целевой аудитории (например, адресованное конкретному лицу электронное письмо может иметь дополнительную рассылку; тексты в различных социальных сетях и т. п.).

Таким образом, при таком подходе медийный текст не исчерпывается ни журналистским текстом, ни рекламным, ни пиар-текстом, ни их совокупностью,

собранный под именем «текст массовых коммуникаций», не сводится к тексту, созданному на основе только цифровых технологий, а представляет собой особый феномен, сущность которого раскрывается в генерированной современной культурой способности сознания фиксировать «медийную точку зрения» [9], содержательно в акцентированном режиме реагировать на конструктивно-технологические параметры информационного ресурса (медиа). Инвазия «новых медиа» во все сферы общественной жизни и расширение их «отслеживающих человека» технологий качественно расширили возможности для производства текста любой формы и любой отраслевой принадлежности. Как коммуникативный феномен современной культуры медийный текст вступает в парадигмальный диалог с текстом «немедийным», традиционным, в котором технологический аспект текста современниками «не прочитывался» в такой степени акцентированности, преднамеренности и прагматичности.

Литература

1. Калмыков А.А. Медиалогия интернета. М., 2013.
2. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2007.
3. Марков Б. В. Проблема человека в эпоху масс-медиа. // Перспективы человека в глобализирующемся мире СПб., 2003. – С. 62-84.
4. Пронина Е. Е. Категории медиапсихологии // Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития. М., 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/49.htm>
5. Пятигорский А. М. Заметки об одной из возможных позиций философа // Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1997.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.
7. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
8. Эпштейн М. Пластичность философского текста: почему одни авторы более читаемы, чем другие // Звезда. 2014. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/1/17e.html>. Дата обращения: 25 августа 2015 г.
9. Pstyga A. Rzeczywistość medialna i medialny punkt widzenia i przekład // Międzyjęzykowe i międzykulturowe konteksty współczesnego dyskursu publicznego. Gdańsk: WUG, 2017. S. 125 – 142.

О СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ

Л. Л. Присная,

кандидат педагогических наук, доцент

Т. Н. Литвинова

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Рассматриваются структурные и функциональные закономерности звукового строя речи, обеспечивающие возможность порождения и восприятия речевого общения.

Ключевые слова: фонетика, фонология, фонема, языковая единица, функциональные свойства, фонологические знания.

The article investigates structural and functional principals of phonetic architecture of speech which provide for the possibility of generation and perception of communication.

Keywords: phonetics, phonemics, phoneme, language unit, functional characteristics, phonemics knowledge.

Необходимость теоретического осмысления фонетической системы языка является важнейшим инструментом педагогической деятельности учителей-русистов, так как устная речь во всех её видах (говорение, аудирование) призвана выполнять роль «слуховой наглядности». Это особенно важно для иностранной аудитории, в которой недостаточно сформированный уровень фонетических навыков мешает понимать значение слов, словосочетаний, предложений.

Одним из актуальных направлений современных фонетических исследований является изучение структурных и функциональных закономерностей звукового строя речи. Этим занимается фонология как семиотическая дисциплина, что отличает её от физиологической фонетики, изучающей речь в её физическом, акустико-артикуляционном аспекте. Внутренняя связанность этих дисциплин отражается в назывании фонологии функциональной фонетикой.

Заметим, что названные понятия «физиологическая фонетика» и «фонология» представлены в фонетической системе русского языка как отрасли языкознания. В связи с этим нам представляется целесообразным рассмотреть в данной статье вопросы, касающиеся фонетического строя языка. Это, на наш взгляд, позволит определить лингвометодические основы профессионально-ориентированного обучения фонетике, прежде всего, в иностранной аудитории.

Лингвистическими основами обучения иностранных студентов фонетической системе русского языка являются два раздела фонетики как отрасли языкознания: физиологическая фонетика и фонология.

Физиологическая фонетика изучает и объясняет образование и воспроизведение звуков органами речи, восприятие слухом человека всех компонентов фонетического строя языка. На основе физиологической фонетики методистами и лингвистами исследуются вопросы, связанные с развитием речевого слуха, овладением слухопроизносительных и ритмико-интонационных навыков.

По мнению В.А. Виноградова, уровень владения слухопроизносительными и ритмико-интонационными навыками обеспечивает / не обеспечивает правильность восприятия и порождения иноязычной речи. При этом «правильность» понимается как такое свойство речи, которое обеспечивает единое и однозначное для всех говорящих на данном языке узнавание и понимание языковых высказываний [1, с. 31]. Следовательно, для обеспечения узнавания и понимания речевых высказываний необходима соответствующая фонетическая информированность, т.е. знание правил редукции, артикуляции и т.д., поскольку без их учета не может быть обеспечено ни порождение, ни распознавание фонетического облика слова.

Ряд отечественных ученых, говоря об артикуляционной базе, подразумевает под этим совокупность основных фонетических признаков данного языка по сравнению с такими же фонетическими признаками другого языка. При этом

подчеркивается, что определение артикуляционных баз должно основываться, главным образом, на сравнении, и исходным моментом при этом должна служить артикуляционная база родного языка.

Понятие артикуляционной базы является особенно важным при лингвометодическом описании физиологической фонетики, обучающей произношению, для которой система артикуляционных реализаций моторной программы составляет важнейший компонент единой слухо-моторно-зрительной активности.

Представим артикуляционно-фонетическую характеристику гласных и согласных звуков русского языка.

<i>Характеристика гласного звука</i>		
по степени подъёма языка	высокий	
	средний	
	нижний	
по положению, по ряду (месту подъёма языка)	передний	
	задний	
	средний	
по наличию или отсутствию лабиализации	лабиализованный (=огубленный)	
	нелабиализованный (=неогубленный)	
<i>Характеристика согласного звука</i>		
по участию шума и голоса	шумный	глухой
		звонкий
	сонорный	
по месту образования	губной	губно-губной (билабиальный)
		губно-зубной (лабиодентальный)
	язычный	переднеязычный
		среднеязычный
		заднеязычный
по способу образования шума	щелевой =спирант	однофокусный
		двуфокусный
	смычно-проходной	носовой
		боковой=ротовой дрожащий=вибрант
по отсутствию или наличию мягкости	аффрикаты	
	твердый=веляризованный	
		мягкий=палатализованный

Представленные в этой таблице характеристики гласных и согласных звуков относятся к произношению только букв «в чистом виде». В устной речи многие из них приобретают дополнительные оттенки, призвуки, например:

Λ – редуцированный гласный [o], [a] в первом предударном слоге и абсолютном начале слова ([вΛдá], [Λнá], [Λкно]);

и^е – звук, средний между [и] и [е] ([л'и^есá], [б'и^едá]);

ы^э – звук, средний между [ы] и [э] ([шы^эстóк]);

ь, ь – редуцированные гласные [o], [a], [e] во всех безударных слогах, кроме первого предударного ([р'ыз'н'и^еслáс'], [пр'ьтп'ьл'гáт']);

·а – гласный, продвинутый вперед в начале длительности ([п'ьдгул'·áфшых]);

а· – гласный, продвинутый вперед в конце длительности ([т'ьлк'лвá·т']);

·а· – гласный, продвинутый вперед на всем протяжении длительности ([ув'и^ер'·á·л]);

ê, û – напряженные, закрытые звуки [e] и [и] ([в'êс'т'], [р'лз'л'ûчныí]);

э· – отодвинутый назад звук [э] ([п'ьл'жэ·н'ијэ]);

і – звук [и] неслоговой ([н'éк'ьт'ьрыі]);

т' – обозначение мягкости согласного звука ([н'и^эс'т'и]);

т̄ – обозначение долготы согласного звука ([т̄óт'и^эп'ьл'], [л̄ч'áíьн'јьэ]).

Этим снимается проблема непрямого соответствия звучания букв алфавита и букв письменной записи речи.

При работе над интонацией трудности представляют: а) слитное произношение отдельных частей предложений, объединенных в синтагмы; б) произношение предцентральной части ИК-1 на среднем тоне говорящего; в) резкое повышение тона на гласном центра ИК-3; г) понижение тона на постцентральной части ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-5.

Экспериментально-фонетические исследования обнаружили сложную картину функционирования в русской речи сегментных и просодических средств,

пересечение их свойств, выражающих как общие коммуникативные значения, так и их оценки. Взаимодействие этих средств раскрыло ряд закономерностей, которые привели к выводу о первичности просодических характеристик по отношению к сегментным. Выявлено, что модификация сегментов внутри цепочки слогов происходит под влиянием таких просодических средств, как темп, различные виды слоговой выделенности, ударения различной иерархии, тональные перепады и др.

В частности, одной из важнейших просодических характеристик русского речевого потока является ритм. Особенности ритмического моделирования русской речи наиболее трудно усваиваются иностранными студентами, так как они создают тот иностранный акцент, который часто наблюдается у студентов, хорошо овладевших лексикой и грамматикой русского языка и имеющих относительно правильное произношение звуков. Будучи тесно связанным с акцентирующей речью, ритм упорядочивает слоговые последовательности во времени, делая речевую цепь более обозримой. Тем самым облегчается восприятие устного текста и понимание сказанного.

Все это свидетельствует о необходимости усвоения определенного просодического минимума для формирования коммуникативных фонетических навыков и умений у студентов-иностранцев. В.М. Федосеева выделила следующие наиболее существенные моменты при обучении просодии речи иностранцев, изучающих русский язык как иностранный:

– сравнительно большое членение потока (членение текстов осуществляется преимущественно паузами с перерывом в звучании, наиболее частотными из которых являются паузы малой длительности; длительные паузы маркируют межфазовые стыки, будучи употребительными внутри фраз, они способствуют выделению логических центров);

- особый мелодический рисунок, характеризующийся чередованием серий нисходящих и восходящих терминальных тонов с различными уровнями завершения, отражающих иерархию рем внутри фраз и всего абзаца;
- маркированная рематическая структура значительной части тоногрупп (сдвиг ядра влево), часто с сильным сдвигом в ядре, выполняющая функцию логического выделения;
- вариативность темпа, проявляющаяся как внутри тоногрупп, так и в их последовательности [2, с. 8].

Демонстрации образцовости иноязычной (русской) речи, формирования произносительного эталона обеспечивается за счет реализации не только системных, но и нормативных признаков фонем, соблюдения артикуляции, модификации звуков в русском потоке речи. Указанные признаки рассматриваются во втором разделе лингвистики, который именуется фонологией.

Фонология изучает и объясняет ту роль, которую «компоненты фонетического строя, по отдельности или совокупно, играют в передаче говорящим или читающим вслух на том или ином языке своих собственных или выражаемых автором текста мыслей» [3, с. 12]. На основе фонологии решаются вопросы формирования, совершенствования и развития звукового строя речи учащихся, что предполагает глубокое знание фонетического строя изучаемого (русского) языка и решение проблемы формирования и совершенствования фонетико-фонологических навыков учащихся.

Для лингвометодического исследования большое значение имеют идеи языковедов петербургской (ленинградской) школы, связанные с бодуэновским различием двух видов единиц – языковых и функционально-речевых. Основные идеи в этом плане сводятся к понятию *фонемы как потенциальной части слова и противопоставлению активной и пассивной фонетики, как реализации более общего принципа.*

Учет фонетических характеристик – при постулировании их подчиненности функциональным свойствам – предполагает наличие достаточно сложных правил, регулирующих отношения между теми и другими. Например, фонемный состав слова определяется на основе знаний о составе фонем языка и правил их дистрибуции: разные аллофоны одной фонемы невозможны в одной и той же фонетической позиции, тогда как один и тот же аллофон не может встречаться в разных позициях.

Изменения звукового облика слова или морфемы трактуются или как аллофонические изменения, или как чередования фонем, т.е. фонемный состав слов типа «рок», «рог» или «коз», «кос» одинаков, и в этом случае можно говорить о неразличении морфем, но не фонем, что следует учитывать при формировании системы теоретических знаний о фонетической системе русского языка.

Главное отличие существовавших Московской и Ленинградской фонологических школ заключается в следующем: для отнесения разных звуков к одной фонеме необходимо и достаточно, чтобы звуки находились в дополнительном распределении (дистрибуции) в зависимости от фонетических позиций и занимали одно и то же место в одной и той же морфеме (точнее – морфе), т. е. позиционно чередовались. Фонему представляет весь ряд (совокупность, множество) позиционно чередующихся звуков. В этот ряд могут входить самые различные звуки: близкие и далекие, а также нуль звука. У фонемы две основные функции: 1) перцептивная, которая способствует отождествлению и 2) сигнификативная, способствующая различению значимых единиц языка – слов и морфем.

Выделение данных функций имеет принципиально важное значение для определения лингвистических основ формирования системы фонологических знаний и коммуникативных фонетических навыков и умений. Так, применение морфологического критерия опирается на перцептивную функцию фонем:

опознавание и отождествление говорящими слов, а также морфем, выступающих в разных контекстах и реализованных в связи с этим разными звуками, осуществляется не только благодаря единству значения, но и единству фонемного состава. Вместе с тем морфологический критерий опирается и на сигнификативную функцию фонем: выступая в одной морфеме и не участвуя, следовательно, в смысловом различии, позиционно чередующиеся звуки относятся к одной фонеме.

Ученые-фонетисты выделяют две основные функции фонемы: 1) конститутивная (отождествительная) и 2) дистинктивная (различительная). Основной, или главной функцией является конститутивная, а дистинктивная функция выступает как следствие конститутивной. В основу фонологического анализа ими положен принцип сходства, тождества, а не различия. Поэтому сторонники ЩФШ из двух функций фонемы – конститутивной и дистинктивной, на первый план выдвигают первую, отражающую сходство. И действительно, на начальном этапе фонологического анализа сходство важнее различия, поскольку фонологический анализ начинается с констатации тождества [4, с. 23, 32]. Для лингвометодики важно не то, что звуковая оболочка словоформы «дом» имеет фонемный состав, отличный от звуковых оболочек словоформ «том» или «дым», а то, что словоформа «дом» «звучит» всегда одинаково (то есть имеет одинаковый фонемный состав) для всех носителей русского литературного языка независимо от того, какой смысл вкладывается в каждой конкретной фразе в это слово при его произнесении, и независимо от некоторых суперсегментных характеристик. Фонетическое различие – необходимое условие различия фонематического, причём из столкновения фонетического тождества и смыслового различия вытекает само понятие фонемы, поэтому тождества и различия могут быть только фонологическими.

Все сказанное позволяет решать выделенные нами ранее задачи следующим образом:

– членение речевого потока на фонемы является функцией членения на морфемы, то есть, если звуковая последовательность разделяется морфемной границей, то она разделяется и фонемной границей (членится на две фонемы, причём аналогичная последовательность не на морфемной границе также членится на две фонемы);

– два аллофона принадлежат одной фонеме, если они могут чередоваться в одной морфеме и находятся при этом в состоянии дополнительной дистрибуции. В операторном плане фонема как бы выводится из аллофонов, но на самом деле в системе языка существует только сама фонема, реализуемая рядом оттенков (аллофонов), которых столько, сколько позиций.

Оба принципа чётко изложены и канонизированы во 2-м издании «Общей фонетики» Л.Р. Зиндера [5, с. 53], ближайшего ученика Щербы, а также в ряде других работ. Не в классической фонологии, а именно в фонологии речевой деятельности (ФРД) подразумевается, что все, даже неопределенные сегменты, должны получить фонемную идентификацию. Это объясняется следующим: для слушающего не нужно устанавливать фонемный состав услышанной фразы, если понятен ее смысл, равно как и говорящему важно передать сообщение, а не продемонстрировать умение четко артикулировать звуки. Если же смысл не очень понятен вследствие недостаточно четкой артикуляции, у слушающего может возникнуть необходимость установления фонемного состава непонятого сегмента, а у говорящего – необходимость артикуляторно более четко реализовать соответствующую фонемную последовательность.

Таким образом, «грамматическая информация» помогает установить не фонемную цепочку, а смысл сказанного. Например, грамматическая информация и контекст помогают понять смысл «недоартикулированной» в спонтанной речи словоформы «поле» (*пришел с поля, вышел на поле, работает в поле* и т.д.). При неполном типе произнесения оказывается невозможно фонематически идентифицировать конечный заударный гласный на основании фонетических

характеристик. Но, поняв, то есть, реконструировав данную словоформу, слушающий одновременно реконструирует и фонемную последовательность, закреплённую за этой словоформой для полного типа произнесения в кодифицированном литературном языке (КЛЯ) (*вышел на поле или работает в поле*). Если носитель не владеет полным типом КЛЯ, его фонемные цепочки будут отличаться от принятого в КЛЯ стандарта.

Фонология речевой деятельности исходит из того, что «количество используемых в РД единиц больше количества фонем, и в этом случае необходимо установить, какие процедуры позволяют перейти к усвоению учащимися фонемного описания изучаемого языка». Более того, принцип «минимальности» фонемы предполагает, что нет другой (кроме фонемы) функциональной сегментной единицы, которую нельзя было бы представить как последовательность фонем, т.е. все остальные звуковые последовательности – фразы, синтагмы, фонетические слова (акцентные группы), слоги – принципиально могут члениться на фонемы (но могут, конечно, состоять и из одной фонемы). «При порождении высказывания говорящий также должен преобразовать идеальную фонемную последовательность, характеризующую каждое из слов, в фонетическую цепочку, свойства которой зависят как от фонемных, так и от просодических составляющих» [6, с. 9–11]. Представители ФРД полагают, что последовательность должна быть такой: от состава фонем к тем единицам, которые предположительно используются в речевой деятельности [7, с. 38]. Это имеет большое лингвометодическое значение, поскольку состав фонем – это самое определенное, что есть в звуковом строе языка, имеющего такие единицы как фонемы.

Функционирование в русской речи сегментных и просодических средств, пересечение их свойств, выражающих как общие коммуникативные значения, так и их оценки, раскрыло ряд закономерностей, которые привели к выводу о первичности просодических характеристик по отношению к сегментным.

Выявлено, что модификация сегментов внутри цепочки слогов происходит под влиянием таких просодических средств, как темп, различные виды слоговой выделенности, ударения различной иерархии, тональные перепады и др.

Данные выводы позволяют нам разработать специальную лингвофонетическую систему, включающую теоретический блок, целью которого является формирование знаний о фонетике и фонологии русского языка.

Литература

1. Виноградов В. А. Лингвистика и обучение языку. – РАН, Ин-т языкознания. – М.: Academia, 2003. – 370 с.
2. Федосеева В. М. Просодия дидактического монолога в английском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Минск, 1983. – 21 с.
3. Васильев В. А. Обучение английскому произношению в средней школе. – М.: Изд-во Просвещение, 1979. – 144 с.
4. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М.: Наука, 1983. – 295 с.
5. Зиндер Л. Р. Общая фонетика: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1979. – 312 с.
6. Фонология речевой деятельности / Л. В. Бондарко, Н. Б. Вольская, В. И. Кузнецова и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 162 с.
7. Попов М. Б. Фонологические проблемы русского языка (синхронический и диахронический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2004. – 386 с.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СУАХИЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)

М.Е. Раюшкина

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

В статье рассматриваются основные сферы заимствования слов языка суахили из английского языка и приводятся примеры их употребления в речи

Ключевые слова: заимствование, английский язык, суахили.

The given article shows the usage of lexical borrowing from English in Swahili and provides the examples of different loan words

Keywords: loan words, English, Swahili.

Разнообразный вокабуляр лексики, охватывающий все сферы жизни, включая технические и прикладные науки, спорт, мероприятия, образование, был

заимствован из английского языка, и так значим для населения Африки в эпоху глобализации и массовой информации. Суахили – динамичный язык и старается идти в ногу со временем, поэтому во многом опирается на вокабуляр английского языка и коэффициент заимствований в языке – феноменальный.

Прежде чем Британская империя вторглась на территорию Африки, суахили подвергался влиянию других языков: немецкому, португальскому и, особенно, арабскому. В результате тесных контактов между арабским населением и народом Африки, а также принятием ислама, процент заимствования слов арабского происхождения в суахили был очень велик, но с началом колониальной зависимости от Великобритании, язык начал заимствовать лексику из английского языка. С тех пор, английский язык является главным источником обогащения лексики суахили.

Одно из самых ранних упоминаний об английских заимствованиях в суахили приходится на начало 19 века и связано с поставкой хлопчатобумажной ткани в Занзибар из Массачусетса. Ткань называлась «amerikani»или «merikani»от английского American [6].Сегодня, «merikani»означает «американец».

Knappert обращает внимание исследователей на поэзию суахили, а именно, на одно из первых стихотворений, в котором последняя строка полностью состоит из английских заимствований [4]. Поэт, Swadibin Ali, из Ламу (Кения):

Haifaikutoyuwayangu hali

Nili hai kwako siweki badali

Gudi bai yanisiki mai dali

‘You ought to know my condition:

I am alive; I love no one but you,

Good-bye, I am sick my darling’

Исследователь Josephine Dzahene-Quarshie утверждает, что процесс увеличения лексики достигается в результате: заимствования и ассимиляции в основном имен существительных и глаголов из английского языка, а также образованием новых слов в результате слияния двух языков: английского и суахили [1, 2010].

Следует отметить, что заимствование можно рассматривать как естественный так и неестественный процесс: большинство слов, вошедших в язык с легкостью, не создают трудностей в процессе понимания речи, в то время как другие слова вызывают трудности в восприятии и употреблении.

Кроме того, носители языка суахили используют в речи слова на английском языке, так как они короче. Например, вместо употребления длинной фразы на суахили «kifaachamawasilianokitumikachokatiyakomputanasimu», в речи используют английское слово «modem» [5].

Исследователь R. H. Gower подчеркивает, что при поиске слов, заимствованных из английского, внимание следует уделять тем сферам жизни, где языки больше всего контактируют между собой в процессе общения. Например, в больнице *daktari* (doctor) и *dressa* (dresser) уже давно закрепились. Кроме того, названия распространенных болезней и известных лекарств: *malaria*, *numoniya* (pneumonia), *aspirini* и *kwinini* (quinine).

Транспорт представлен рядом заимствований из английского языка, а именно: *reli* (railway), *baisekele* (bicycle), *stesheni* (station), *motokaa* (motor-car) and *lori* (lorry). «*Mixsi*» (mixedtrain) используют в разговоре при описании грузового поезда, а также пассажирских поездов. Названия деталей автомобиля, таких как, *spiringi*, *breki*, *radieta* и *tankiyapetrol* даже не требуют перевода. Словосочетания *kupiga stati* (to start an engine), *kupiga resi* (to accelerate or race an engine) *kutia gia* (to put in gear) неразрывно связаны с автомобильной промышленностью.

Военное время привнесло ряд изменений в лексике языка суахили. Следует отметить, что население Африки ассоциировало и проводило

параллель военной техники с животными, например, *faru* (arhinoceros) чтобы описать танк, *para* (a shark) для подводной лодки и *ndegeulaya* (a European bird) для самолета.

Сфера образования, школы заимствовали ряд выражений из английского языка: *tuliwini* (we won), *atafeli* (he will fail), *nimerasi* (I have passed) и *watapunishiwa* (they will be punished) [3].

Влияние английского языка связано с футбольной терминологией. Самое распространенное слово названия футбола на суахили «*soka*» (soccer). Слово «*goli*» (goal) имеет скорее значение футбольных ворот, чем «score» (счет).

Josephine Dzahene-Quarshie в своей статье выделяет в лексике, связанной с футболом, 4 основные семантические категории: позиция игроков на поле (*kira-goalkeeper, winga-winger*), представители и участники футбола (*kocha-coach, timu ya kifundi -technicalteam*), основные технические выражения и глаголы действия (*penati – penalty, hatua ya mtoano – knock-out stage*) [2, 2012].

Однако, заимствования из английского языка не стоит рассматривать как абсолютное отсутствие выбора слов в суахили. Слова из английского усваиваются в языке несмотря на присутствие эквивалента в суахили. Примеры данных слов:

Swahili	Englishloan	English gloss ^[SEP]
<i>Pigachapa</i>	<i>taipi</i>	type
<i>mchezaji^[SEP]mchezo</i>	<i>mwanasoka (hybrid)</i>	footballer
<i>wampira</i>	<i>soka/mechi</i>	Soccer/footballmatch

Переключение кода с суахили на английский язык является еще одним доказательством того, что оба языка взаимосвязаны между собой. В настоящее время, население в процессе общения свободно переключается с одного языка на другой [1, 2010].

Таким образом, процесс заимствования лексики из английского языка рассматривается как результат исторического развития, связан с контекстом и сферой употребления отдельно заимствованных слов.

Литература

1. Dzahene-Quarshie J. English in contact with Swahili: enrichment or threat?//Original scientific paper. – Ghana, 2010. – P. 62 - 65
2. Dzahene-Quarshie J. English loans in Swahili newspaper football language// Ghana Journal of Linguistics. – 2012. – P. 39
3. Gower R.H. Swahili borrowings from English// Journal of the International African Institute. – 1952. – P.155
4. Knappert J. Four centuries of Swahili verse: a literary history and anthology. – London: Heinemann Educational, 1979. – 323 p.
5. Petzell M. Expanding the Swahili vocabulary//Africa and Asia. – Гетеборг, 2005. – P. 90
6. Whiteley W. H. Swahili: the rise of a national language. – London: Methuen, 1969. – 150 p.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.И. Ромеро Интриаго,

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

В настоящей статье представлены подходы к классификации фразеологических единиц в испанской лингвистике. Основное внимание уделяется типологии устойчивых выражений в исследуемом языке.

Ключевые слова: фразеологическая единица, типология, классификация, испанский язык.

In the present article approaches to classification of phraseological units in the Spanish linguistics are presented. The main attention is paid to typology of set expressions in the studied language.

Keywords: phraseological unit, classification, Spanish.

В современной лингвистике вопрос об объеме и границах фразеологии является достаточно спорным. Несмотря на то, что отечественными и зарубежными учеными накоплен значительный материал как для фразеологии отдельных языков, так и для общей теории фразеологии, до сих пор основные понятия этой дисциплины формулируются по-разному.

Г. Корпас Пастор отмечает, что в испаноязычной лингвистической литературе интерес к фразеологии появился достаточно поздно – в середине 70-х годов XX века [CorpasPastor, 2013].

Первые исследования в этой области отличались фрагментарностью и в основном были выполнены в рамках диахронического подхода. Однако с конца 90-х годов ученые занимаются такими спорными вопросами, как определение сущности фразеологизма и границ фразеологии, что напрямую связано с проблемой установления основных свойств, позволяющих выделить фразеологические единицы в отдельный класс языковых явлений. Что касается определения фразеологической единицы, то в современной испанистике широкое распространение получил термин *unidad fraseológica* (фразеологическая единица), который принимается большинством ученых, а фразеология, согласно общепринятой позиции, представляет собой лингвистическую дисциплину, которая занимается изучением фразеологических единств [Iñesta M., Ramies B: 2002].

Среди возможных подходов к обозначению фразеологической единицы в испаноязычной традиции выделяются следующие:

- плюривербальное выражение (*expression pluriverbal*);
- плюривербальное лексикализованное единство, пословицная фраза (*unidad pluriverbal lexicalizada y habitualizada*);
- плюривербальная лексическая единица (*unidad lexica pluriverbal*);
- устойчивое выражение (*expression fija*).

В некоторых трудах по фразеологии испанского языка в качестве синонима фразеологической единицы используются термины *frasema* (фразема) и *fraseolexema* (фразеолексема).

При всем разнообразии терминов выделяется несколько ведущих подходов к определению понятия фразеологической единицы:

1. Сторонники узкого подхода (Х. Касарес и др.) считают *фразеологические единицы семантически преобразованными словосочетаниями, соотносимыми со словом или с понятием*. Ключевым признаком единиц, рассматриваемых в

рамках данного подхода, является *семантическая слитность компонентов и идиоматичность*, т.е. невыводимость общего значения выражения из значения его компонентов или наличие хотя бы одного переосмысленного компонента в составе фразеологизма.

2. При широком подходе к фразеологизмам относят единицы, соотносимые не только с понятием, но и с суждением. Сторонники данного подхода (Г. Корпас Пастор и др.) рассматривают в качестве фразеологического единства любые переосмысленные выражения, соотносимые как со словом, так и с предложением. В понимании Г. Корпаса Пастора, *фразеологические единицы – это устойчивые сочетания слов, состоящие как минимум из двух компонентов и не превосходящие сложного предложения* [Corpas Pastor G, 2013].

В испаноязычной лингвистической традиции устойчивые словосочетания в рамках широкого подхода к фразеологии могут также рассматриваться пословицы, поговорки (*refranes, proverbios*) и другие виды изречений (*aforismo, máxima, apotegma, sentencia, dicho, fraseproverbial, modismo, locución*).

Вопрос о сущности фразеологических единиц как сложных и многоаспектных явлений языковой системы тесно связан с выделением их специфических признаков. Мнения ученых по этому вопросу расходятся, однако среди ключевых характеристик фразеологических единств большинство лингвистов склонны выделять:

1) *раздельнооформленность* (*polilexicalidad, pluriverbalidad*): фразеологическая единица, в отличие от слова, состоит, по меньшей мере, из двух слов, имеющих самостоятельное грамматическое оформление и ударение. Например: *andar a la gaudaya – бродяжничать, скитаться* состоит из четырех компонентов;

2) *устойчивость* (*fijación, estabilidad*), т.е. постоянный компонентный состав фразеологизма. Большинство ученых считает устойчивость фразеологической единицы ее ключевым дифференцирующим признаком.

Однако можно говорить лишь об относительной устойчивости фразеологизма.

3) *идиоматичность* (*idiomaticidad*) фразеологической единицы, то есть невыводимость общего значения выражения из значения его компонентов,

например: *tener sus bemoles* (букв.: *иметь свои бемоли* – *быть нешуточным делом*), или наличие хотя бы одного переосмысленного компонента в составе фразеологического единства. Например: *henchir el baúl* (букв.: *набить сундук* – *наестся до отвала, набить брюхо*);

4) **воспроизводимость** (*frecuenciadeluso*) фразеологизмов в речи в качестве готовых лексических единиц. При этом следует иметь в виду, что если относить к фразеологии все то, что мы воспроизводим в речи, а не создаем, то в качестве фразеологической единицы должны рассматриваться не только пословицы и поговорки, но и различные цитаты, песни, известные стихи, афоризмы и т.д.

Следовательно, данный критерий может считаться существенным при определении специфики фразеологической единицы только в совокупности с такими признаками, как устойчивость фразеологизма, его идиоматичность и раздельнооформленность.

В середине XX века предпринимаются первые попытки систематизировать фразеологизмы. Для развития фразеологии испанского языка особое значение имеют труды Х. Касареса [Касарес Х, 1958], показавшего происхождение и функционирование устойчивых словосочетаний в различных типах речевых актов.

В конце XX века в Испании появляются исследования, затрагивающие различные аспекты функционирования фразеологизмов в речи и в тексте: анализу подвергаются морфологические и синтаксические характеристики фразеологизмов, их функции в тексте, а также специфика реализации указанных единиц в различных типах дискурса [Ruiz Gurrillo, 1997]. Следует отметить, что «традиционные» для испанской фразеологии темы (вопрос о границах фразеологии и критерии выделения фразеологизмов, их основные признаки и классификация) в это время отходят на второй план.

В конце 90-х годов XX века проблемы, рассматриваемые испаноязычными учеными, касаются семантических характеристик функций фразеологизмов, особенностей фразеологизмов профессионального и терминологического происхождения. Становятся популярными такие аспекты

изучения лексико-фразеологической системы языка, как полисемия, антонимия и гипонимия, построение лексико-фразеологических полей, а также анализ и описание тематических групп устойчивых словосочетаний. Ученые проявляют интерес к семантике компонентов, организующих фразеологизм: наиболее изученными оказываются *соматизмы* (названия частей тела человек а или животного), *колоративы* (обозначения цвета), *анимализмы* (компоненты, которые генетически или эпидигматически восходит к названию животного [Е.А. Корман, 1997]), и *нумеративы* (количественные, порядковые или дробные числительные).

В связи с повышением интереса исследователей к языковой картине мира в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии фразеологизм часто рассматривается как комплексный языковой знак, отражающий специфику национального мировидения. В рамках указанного подхода в испаноязычной лингвистике анализу подвергается внутренняя форма фразеологизмов, специфика отражения национально-культурной формы знаний [Corpas Pastor, 2013].

В испанской лингвистике первая фразеологическая типология создана лингвистом Х. Касаресом в 1950 году. В 1975 А. Сулуага, основываясь на работах Х. Касареса и на исследованиях немецких и советских языковедов, выделил следующие виды фразеологических единиц:

1. Именные:

- *tocino de lcielo* (белки, взбитые с сиропом);
- *lascarabina de Ambrosio* (ни на что не годная вещь – ни Богу свечка, ни черту кочерга);
- *coser y contar* (пара пустяков).

2. Знаменательные:

- *hecho un brazodemar* (разодетый в пух и прах);
- *en un santiamen* (водинмиг);
- *cada quisque* (всякий).

3. Соединительные:

- *ancha es Castilla* (эх, была, не была!).

В своих работах А. Сулуага выделяет следующие группы устойчивых выражений:

- устойчивые словосочетания, которые сочетаются с другими элементами во внутреннем предложении;
- фразеологические выражения, которые представляют собой полные высказывания.

Вопрос о выделении фразеологических единиц в отдельный класс языковых явлений тесно связан с проблемой их классификации. В современном испанском языке до сих пор нет единого мнения о том, что такое фразеологическая единица, следовательно, нет и единства взглядов на то, каков состав таких единиц в языке.

Литература

1. Касарес Х. Введение в современную лексикографию: учеб. пособие. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 354 с.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1985. - 160 с.
3. Corpas Pastor G. Manual de Fraseología española. Gredos – Madrid, 2013. – 210 p.
4. Zuluaga. Estudios de fraseología. La Habana, Academia de Ciencias de Cuba, 1985. – 234 p.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Л.Ф. Свойкина,

кандидат педагогических наук, доцент,

Сяо И (Китай),

магистрант

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

В статье рассматриваются компаративные конструкции в русском и китайском языках, выявляются их сходные и отличительные черты.

Ключевые слова: сопоставительное изучение, китайский язык, русский язык, сравнение.

The article deals with comparative constructions in Russian and Chinese languages, their similar and distinctive features are revealed.

Key words: comparative study, Chinese, Russian, comparison.

Сопоставительное изучение языков является достаточно популярным аспектом в лингвистике, поскольку способствует установлению контактов между представителями различных языков и культур, развитию языковой способности личности.

Сравнение является одним из выразительных средств языка, показателей языкового и творческого мышления любого этноса.

Как правило, оттенки значений компаративных конструкций разнообразны и определяются обычно значением союзов, лексическим составом сравниваемых выражений, имеющих значение собственно сравнения, уподобления, соответствия и т.д. Кроме указанных значений существуют ассоциативные связи в языках, передающих сравнительные характеристики определённого предмета. В китайском языке, также как и в других языках имеются такие же конструкции, структуру которых мы попытаемся передать в данной работе.

Сразу же необходимо отметить, что в современном китайском языке по сравнению с русским, нет такого разнообразия способов морфологического словообразования. «В современном китайском языке есть два основных способа образования слов в морфологии: 1) способ прибавления суффикса; 2) способ удвоения слова» [2:169].

В китайском языке можно выделить четыре способа конструирования сравнительных предложений в китайском языке:

При первом способе конструирования сравнительных выражений главную роль играет предлог 比. Он используется в предложениях, имеющих как утвердительное, так и отрицательное значение. Приведём схематично структуру таких предложений:

а) в утвердительных предложениях А比В + признак, по которому проводится сравнение:这本书比那本书新。 *Эта книга новее той книги.*

因陪笑道：“舅母说的，可是衔玉所生的这位哥哥？在家时亦曾听见母亲常说，这位哥哥比我大一岁，小名就唤宝玉，虽极憨顽，说在姊妹情中极好的

。

«- Вы имеете в виду мальчика, который родился с яшмой во рту? - с улыбкой спросила она.- Мама мне часто о нем рассказывала. Его, кажется, зовут Баоюй, и он на год старше меня, шаловлив, сестер очень любит» (ЦаоСюэцинь).

б) в отрицательных предложениях – А不比В + признак, по которому мы проводим сравнение (Примечание: А и В здесь и далее – объекты сравнения).我不比他聪明。 – *Я не умнее его.*

少顷间，只听得呀的一声，洞门开处，里面走出一个仙童，真个丰姿英伟，相貌清奇，比寻常俗子不同。

«Немного погодя он вдруг услышал скрип, дверь растворилась, и из пещеры вышел божественный отрок удивительной красоты. От него так и веяло благородством, и он ничуть не был похож на обычных молодых людей» (У Чэн-энь).

Следующий вариант построения компаративных конструкций происходит с участием уже упоминавшегося предлога, но уже при наличии дополнения:

А + Гл. + Д. + Гл. + 比В + признак, по которому проводится сравнение.

А + Гл. + Д + 比 + Гл. + 得 + признак, по которому проводится сравнение.

Например: 我说汉语说得比他好。 *Я говорю на китайском языке лучше него.*

(А + Гл. + Д. + Гл. + 得 + 比 В).

Другой вариант заключается в использовании указанного предлога и ряда глаголов 注意 (обращать внимание), 了解 (понимать, изучать), 会, (уметь, мочь), 喜欢, (нравится), 爱 (любить), При этом глаголы не дублируются.

С указанными глаголами конструкция строится по следующей схеме:

А 比 В + Гл. (из этих глаголов) + дополнение.

Например: 我比他爱画风景画。 – Я люблю рисовать пейзажи больше, чем он.

Предложения, имеющие отрицательный контекст, строятся с помощью, А + 不比 + Гл. + Д.

Следующий вариант конструирования сравнительных выражений заключается в выделении различий, которые могут носить как общий, так и конкретный характер.

В предложениях, имеющих различия общего характера, употребляются слова **一点儿**(немного), **得多**(намного больше).

Например: **我们的教室比他们的教室大一点儿** – *Наша аудитория немного больше их аудитории.*

我们的教室比他们的教室大得多 – *Наша аудитория намного больше их аудитории.*

Различия, носящие конкретный характер, выражаются следующим образом: **这本书比那本书贵二十五元。** – *Эта книга дороже той книги на 25 юаней.*

Предложения, имеющие различия общего и конкретного характера, строятся по следующей схеме: **A+比+B+признак сравнения + конкретное.**

Далее рассмотрим вариант, когда используются **多 больше, 少 меньше, 早 раньше, 晚 позже.** В этом случае предложения строятся по следующей схеме: **A+比+B+多/少/早/晚+Гл+ конкретное различие + дополнение.**

В качестве примера приведём следующие предложения.

比我多买两公斤苹果 – *Он купил на три килограмма больше груш, чем я.*

我比你晚回家半个小时 – *Я пришел в университет на полчаса позже тебя.*

Второй способ выражения сравнительных отношений основан на использовании слов **和一样 (和不一样) такой же (не такой же), одинаковый с:**

A + 有 (没有) + B + признак, по которому проводится сравнение – в утвердительном предложении.

悟空道：“我也头圆顶天，足方履地，一般有九窍四肢，五脏六腑，何以 **比人不同**？”

«Да ведь у меня такая же круглая голова, которая поднята кверху, такие же ноги, которыми я хожу по земле. У меня девять отверстий и четыре конечности и такие же внутренности, как у человека. Чем же я отличаюсь от людей?» (У Чэн-энь).

A + 有 + B + признак, по которому проводится сравнение – в отрицательном предложении.

三藏道：“此风其恶，比那天风不同。”行者道：“怎见得不比天风？”

«–Нет, это какой-то злоеющий ветер, он совсем не похож на обычный,– взволнованно произнес Сюань-цзан».

«–Чем же он необычный?– спросил Сунь У-кун» (У Чэн-энь).

При наличии в предложении дополнения:

А + Гл. + Д. + Гл. + 得 + 有 + В + признак, по которому мы проводим сравнение他说汉语说得有我好 – Он говорит на китайском так же хорошо, как и я.

Другой способ образования сравнительных конструкций предполагает использование *такой же (не такой же)*.

При этом в утвердительном предложении предложение строится по схеме А + 跟 + В + 一样 + признак, по которому проводится сравнение; в отрицательном предложении предполагается такой вариант: А + 跟 + В + 不一样 + признак, по которому идет сравнение. Например:

祖师道：“你虽然像人，却比人少腮。”

«–Хотя ты и похож на человека, однако щеки у тебя меньше, – возразил патриарх» (У Чэн-энь).

今听你说的，是为此无疑矣！怪道我这女学生言语举止另是一样，不与近日女子相同。

«Вполне естественно, что речь и манеры моей ученицы совсем не такие, как у других девочек!» (ЦаоСюэцинъ).

Последний вариант выражения компаративных отношений связан с наречиями. Наречия 更 (еще, больше) и 最 (самый) образуют сравнительные формы. В китайском языке данная часть речи достаточно распространена: 很 – очень, 极 – крайне, 很 – весьма, 尤其 – особенно. Часть наречий генетически связана с прилагательным: 好 – хорошо, 坏 – плохо, 常常 – часто, 彻底 – основательно, 明显 – явно; с существительным: а) одиночные наречия: 擅自的 – без спросу, 小声的 – шепотом; б) словосочетания: 向远处 – вдаль; с глаголом: 勉强的 – нехотя, 玩似的 – играючи. По сути указанные наречия являются словосочетаниями, но выполняют роль наречий. То же самое можно сказать о наречиях, образованных от числительных.

Китайские наречия могут делиться по степени сравнения:

很 – очень, 及其 – весьма, 非常 – чрезвычайно, 稍微 – слегка, 过分 – чересчур, 尤其 – особенно;

Китайские наречия, также как и русские, имеют три формы сравнения – 原始级 начальную, 比较级 сравнительную, 最高级 превосходную: *весело, веселее, веселее всего* – 快活 – 更快活 – 最快活; *красиво, красивее, красивее всех* – 美丽 – 更美丽 – 最美丽.

Если сравнительная степень наречий в русском языке образуется посредством присоединения к основе слова окончания *-ее, -ей* и *-е*, а также с помощью постановки слов *менее* и *более*, которые стоят перед начальной формой наречия, то в китайском языке указанная степень образуется путем постановки перед наречием таких слов, как 更 – *более*, 比较 – *довольно*, 更快的 – *быстрее*, 比较好的 – *лучше*.

Превосходная степень в русском языке имеет три способа словообразования: а) с помощью добавления перед наречием *наиболее* и *наименее*: *наиболее (наименее) громко*; б) употребление наречия в сравнительной форме с добавлением после наречия *всего* и *всех*: *красивее всех, смешнее всего*; в) путем добавления к корню суффикса и окончания *-ейше* и *-айше*: *покорнейше, нижайше*.

В китайском языке превосходная степень образуется посредством присоединения морфемы 最: 最慢的 – *медленнее всех*, 最坏的 – *хуже всего*. Вместе с этим используются другие способы образования степеней сравнения и превосходной степени: а) применение морфемы – 些 после наречия: 快些 – *быстрее*; б) словосочетания с предлогом 比: 比谁都快的 – *быстрее всех*. Стоит отметить, что последний способ больше используется в письменной, а не в устной речи.

Необходимо подчеркнуть, что все три сравнительные формы китайских наречий прежде всего уточняют особенности действия (глагола):

火车快得快，比轮船快些，飞机飞行，所以运动的最快。Поезд движется быстро, быстрее парохода, а самолет летит, поэтому движется быстрее всего.

Так, Х. Куань, исследующий степени сравнения в китайском языке, предлагает следующую их классификацию [2: 172]:

Положительная (абсолютная) степень	Сравнительная степень
<p>Хороший 好</p> <p>Очень хороший 很好</p>	<p>Лучше 更好</p> <p>Еще лучше 更加好</p> <p>Еще лучше (чем, чем) 越来越好</p> <p>Более лучший 越发好</p> <p>Немного лучше 好一点</p> <p>Незначительно лучше 稍好</p> <p>Чуть лучше 稍微好一些</p> <p>Несколько лучше 略微好点儿</p> <p>Почти что лучший 几乎好多了</p> <p>Чрезвычайно хороший 好极了</p> <p>Исключительно хороший 挺好</p> <p>Крайне хороший 极其好</p> <p>Необычайно хороший 格外好</p> <p>Особенно хороший 尤其好</p>
<p>Быстрый 快</p> <p>Очень быстрый 很快</p>	<p>Быстрее 更快</p> <p>Еще быстрее 更加快</p> <p>Немного быстрее 快一点</p> <p>Незначительно быстрее 稍快</p> <p>Чуть быстрее 稍微快一点</p> <p>Несколько быстрее 率为快点儿</p> <p>Намного быстрее 快多了</p> <p>Чрезвычайно быстрый 快极了</p>

	Исключительно быстрый 挺快 Крайне быстрый 极其快 Необычайно быстрый 格外快
--	--

Автор отмечает, что деление по группам наречий довольно условно, однако это помогает избежать ошибок при обучении компаративам.

Помимо всего вышеперечисленного в китайском языке, так же как и в русском, существует ряд оборотов, выражающих сравнительные отношения. Например, 不像那个方便 не так удобен, как тот; – 不像那个好 не так хорош, как тот, 越... 越... – чем, тем.

Особое место занимает оборот 越 ...越... – чем, тем. Например: 越远越不好走 – чем дальше, тем хуже ехать; 越学越难 – чем дальше учиться, тем труднее; 越快越危险 – чем быстрее водить машину, тем опаснее.

Таким образом, рассмотрев структурно-семантические особенности сравнительных конструкций в китайском языке, мы пришли к определенным выводам. В современном китайском языке в отличие от русского нет такого разнообразия способов выражения компаративных отношений. В китайском языке существуют следующие способы: 1) выражение с помощью предлога 比 2) с использованием слов 有 такой же (не такой же), 和一样 одинаковый с...; 3) выражение сравнения с помощью наречий.

Литература

1. Маслова, В.А. Параметры экспрессивности текста /В.А. Маслова// Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 179-188.

2. Хань Куань. Морфологические способы выражения сравнения в русском и китайском языках // Вестник МИЭЛ ИГУ. Серия «Восточные языки» / отв. ред. Е.В. Крайнова. – Иркутск : Изд-во Иркут. Гос. ун-та, 2010. – № 1. – с.169-174.

СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сиярто Жофия Пирошка (Венгрия),

Л.Г. Петрова,

кандидат педагогических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В статье рассматриваются определения с точки зрения их структуры, функций и грамматических значений. Положения подкрепляются примерами.

Ключевые слова: *определение, русский язык, роль, функция.*

The article considers attributes of the Russian language from the point of view of their structure, functions and grammar meanings

Keywords: *attribute, Russian, role, function.*

В «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» приведена дефиниция определения, от которой мы будем отталкиваться в своей работе: «...второстепенный член предложения, относящийся к словам с предметным значением и характеризующий называемые этими словами предметы со стороны их качеств, признаков или свойств: **новый парк, зарубежная командировка, полка сестры, прочные знания**». На наш взгляд, данное толкование является довольно кратким, но содержательным, характеризует сущность определения, хотя и не в полном объеме. Для того чтобы лучше разобраться в его сути, необходимо шаг за шагом проанализировать всё, о чём в нём идёт речь. В рамках данной работы оценим роль определений в предложении, рассмотрим структуру определительных отношений, их функции и грамматические значения определений. Обращаем внимание на то, что все примеры взяты из произведения Ференца Молнара «Мальчишки с улицы Пала» (в переводе О. Россиянова).

Итак, в приведённой выше дефиниции констатируется, что определение относится «к словам с предметным значением». Из этого следует, что определительная структура состоит из двух элементов: **субъект и его признак**. Признак определяет субъект, поэтому называется определением, а субъект –

определяемым словом. В русском языке определительные конструкции строятся двумя разными способами:

- **определение** (признак) + **определяемое слово** (субъект): *скучающий бегемот* [2], *по его бледному личику* [18], *такое замечательное место* [10];
- **определяемое слово** (субъект) + **определение** (признак): *мальчишек с улицы Пала* [12], *на склоне холма* [24], *в день битвы* [78].

Причём ролью определений наделяются не только прилагательные, причастия, местоимения, как считал Пешковский, а почти все части речи:

- **прилагательное**: «Под **высоким** куполом **центральной** части **неподвижные** пальмы простирали кверху свои **веерообразные** листья и высился **целый** лес каких-то **южных** растений» [35];
- **местоимение**: «Я теперь понял не только, что виноват перед вами, но и что вы не заслужили такого отношения с **моей** стороны, так как вы просто замечательно вели себя с **моим** отцом» [79];
- **существительные**: «Честь имею, господин **генерал**: командир **краснорубашечников** положен на обе лопатки». [115];
- **причастие**: «И белокурый малыш с **пылающим** от жара лицом и лихорадочно **блестящими** глазами тихо, словно сам чувствовал себя виноватым и признавался в чем-то дурном, ответил...» [74];
- **числительное**: «Каждый платил по **десять** крайцаров в неделю». [43];
- **наречие**: «**Очень** холодная вода была в бассейне» [53];
- **инфинитив**: «На улице Марии он так ясно ощутил эту успокоительную близость, что пустился бежать, охваченный желанием **очутиться** наконец на пустыре» [119] и др.

Определение всегда относится к именам существительным, местоимениям-существительным, редко – к другим частям речи или выражениям, которые выступают в качестве существительного. Рассмотрим несколько примеров. Итак, определения относятся к:

- существительным: 1) нарицательным: «*И, с трудом выдавливая из себя венгерские слова,...*» [4]; 2) собственным: «*Ему вспомнился великий Наполеон*» [69];
- местоимениям: «*Хорошие вы наши, как спасибо за всё вам сказать!*»;
- прилагательным: «*А маленький больной, словно почувствовав, что на него смотрят и ради него хранят молчание,...*» [108];
- причастиям: «*Заведующий производством выступал на конференции*»;
- числительным: «*Ну вот, у этих двух уже уроки на уме*» [121]
- наречиям: «*Наше завтра зависит только от нас*»;
- букве: «*В слове «был» звучит мягкий [л]*» и др.

Что касается функций и грамматических значений определений, то в дефиниции указывается, что определения характеризуют предметы, лица или явления «со стороны их качеств, признаков или свойств». Из этой функции вытекает и другое название определения: **атрибут**. Слово атрибут происходит от латинского „*attributum*”, точнее от глагола „*attribuere*”, где „*ad-*” значит «к чему/кому», а „*tribuere*” – «дать, раздавать, подарить», т.е. – обеспечить кого/что чем-нибудь. Толковый словарь современного русского языка так детерминирует термин атрибут: «*необходимый знак предмета или явления*» или «*постоянная принадлежность, характерный признак*».

Подводя итог, подчеркнём, что определение квалифицирует, очерчивает и описывает признаки, характеристики предметов, лиц, явлений, таким образом отличая их от других.

Функционально определение может отвечать на следующие вопросы: «**Какой?**»: «(Какой?) *Бородатый* господин наморщил лоб» [73]; «**Который?**»: «(Который?) *Первый* кусок принес Вейс, и мы основали общество» [41]; «**Чей?**»: «У нас все равно назначены на сегодня выборы (чьи?) *президента*» [17]; «**Сколько?**»: «Теперь всё будет (сколько?) *два* крайцера» [4].

Далее рассмотрим грамматические значения определений.

Грамматические значения определений

Грамматические значения	Вопросы	Примеры
по качественному признаку	Какой? Который?	<i>тонкая черная труба»</i> [10], <i>красивый, плечистый, смуглый</i> парень [13], <i>свободное место в первом</i> классе
по количеству	Сколько?	<i>одинадцать</i> голосов [20], <i>четыре – пять</i> взмахов веслами [34]
по действию	Какой?	<i>этот отгороженный</i> участок земли [68], <i>дрожащим</i> голосом [18]
по месту	Какой?	<i>городской</i> шум [119] или шум <i>города</i> , те сорта <i>азиатских</i> чаев [4]
по времени	Какой?	<i>этот теплый мартовский</i> день [1], с дуновением свежего <i>весеннего</i> ветерка [1]
по отношению к другому предмету	Какой?	<i>стены стеклянные</i> [36] За <i>каменной</i> стеной [23] или <i>стены из камня</i>
по принадлежности	Чей?	<i>судьба нашей державы</i> [89], <i>послы краснорубашечников</i> [86], <i>бабушкины</i> рецепты или <i>рецепты бабушки</i>

Если мы внимательно изучим приведённую выше таблицу, нам удастся заметить, что определения способны конкретизировать предмет по разным грамматическим значениям, а именно: по качественному признаку, по количеству, по месту, по времени, по отношению к другому предмету, по принадлежности.

Литература

1. В.Г. Гузев, А.А. Бурькин: Общие строевые особенности аглютинативных языков (Actalinguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. – Т. 3. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 109–117).
2. A. Jászó Anna: A magyar nyelv könyve, Budapest, 2007. – С.411- 427.

3. Balogh Judit: A jelző és az értelmező In: Magyar Nyelvőr, Budapest, 1999. – С. 191-207.

4. Papp István: Magyar nyelvtörténet, Debrecen 2014. – С. 177–179.

Источники

1. Ференц Молнар: Мальчишки с улицы Пала (в переводе О. Россиянова), Москва, 1958.

МЕСТО ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.Г. Супрун,

аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

Целью данной статьи является определение эллиптических конструкций в структуре современного английского языка. В статье рассматриваются различные точки зрения отечественных и зарубежных исследователей на сущность эллипсиса и его функции в английском языке.

Ключевые слова: эллипсис, эллиптические конструкции предложения, неполные предложения, текст, дискурс.

The aim of this article is determination of elliptical constructions in the structure of modern English. The article discusses different points of view of Russian and foreign researchers on the entity of the ellipsis and its functions in English.

Keywords: ellipsis, elliptical constructions and sentences, incomplete sentences, text, discourse.

Огромный поток информации как результат развития научно-технического прогресса и глобализации, в целом, привёл к тенденции сокращения языковых высказываний. В течение времени количественный показатель неполных предложений в текстах возрос и, исходя из этого, язык претерпел лингвистическую экономию, особенно в устной речи. Ещё в 1959 году А.М. Пешковский отмечал, что «точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее бессловесной подпочвы. Чем меньше слов, тем меньше поводов для недоразумений» [7: 58]. Адаптация языка произошла таким образом, что появились новые способы выражения мысли, в которых заключается столько информации, сколько достаточно для понимания.

Исходя из трактовки Б.А. Ильиш, эллиптические предложения – это предложения, где пропущены один или несколько членов предложения, которые могут быть недвусмысленно поняты из контекста [6: 252]. Таким образом, эллипсис (от греч. *elleipsis* – опущение) – это намеренное опущение слова, которое может быть легко восполнено из контекста. Но не всегда значение эллиптического предложения может восстанавливаться из контекста, необходимо обращать внимание также на ситуацию, а смысл пропущенного слова или слов может определяться формой и значением, оставшихся в предложении слов. По поводу соотношения терминов «эллипсис», «эллиптическая конструкция» и «эллиптическое предложение» до сих пор звучат разногласия, но общепризнанным фактом является то, что «эллиптическая конструкция» и «эллиптическое предложение» – синонимы, а эллипсис – ядро.

По типу восстановления эллипса эллиптические предложения на несколько групп [2]:

- когда эллипс восстанавливается из того же предложения:
«Lord Henry stroked his pointed brown beard and tapped the toe of his patent-leather boot with a tasselled ebony cane» [1:5];
 - когда эллипс восстанавливается из предшествующего предложения, которое может быть произнесено тем же говорящим лицом или другим говорящим лицом (участником диалога):
«-It is not my property, Harry.
-Whose property is it?
-Dorian's, of course, - answered the painter» [1: 12];
- когда эллипс восстанавливается из последующего предложения, что случается реже, но всё же такого рода конструкции встречаются в английском языке «-They are both simply forms of imitation», remarked Lord Henry. «But do let us go. Dorian, you must not stay here any longer. It is not good for one's morals to see bad acting. Besides, I don't

suppose you will want your wife to act, so what does it matter if she plays Juliet like a wooden doll? She is very lovely, and if she knows as little about life as she does about acting, she will be a delightful experience. There are only two kinds of people who are really fascinating – people who know absolutely everything, and people who know absolutely nothing. Good heavens, my dear boy, don't look so tragic! The secret of remaining young is never to have an emotion that is unbecoming. Come to the club with Basil and myself. We will smoke cigarettes and drink to the beauty of Sibyl Vane. She is beautiful. What more can you want?

-Go away, Harry, - cried the lad. -I want to be alone. Basil, you must go. Ah! Can't you see that my heart is breaking?» The hot tears came to his eyes. His lips trembled, and rushing to the back of the box, he leaned up against the wall, hiding his face in his hands» [1: 38].

Место эллиптических конструкций в языковой системе до сих пор чётко не определено, исследователи рассматривают данный вопрос с разных сторон: 1) с семантической точки зрения – как разновидность импликации, не связанной с нарушением синтаксических связей, наряду с другими имплицитными формами и средствами организации смысла (Ш. Балли, Шендельс Е.Н., Старикова Е.Н. и др.); 2) с синтаксической – как незамещенность, невербализованность синтаксических позиций или нарушение синтаксических связей в лексико-синтаксической структуре простого и сложного предложения (Ширяев Е.Н., Маркелова Н.Ю., Сковородников А.П. и др.) и как разновидность простого предложения – неполное предложение (Виноградов В.В., Попова И.А., Гаспаров Б.М. и др.); 3) с точки зрения речевой ситуации – как явление разговорной спонтанной речи, диалогического единства (Скребнев Ю.Р., Земская Е.А., Иванчикова Е.А. и др.); 4) как стилистический прием (Балла Ш., Сковородников А.П., Гальперин И.Б. и др.); 5) как

регулярные речевые реализации в аспекте языка и речи (Шведова Н.Ю., Бархударов Л.С., Блох М.Я. и др.); б) как текстовое явление в семантическом и коммуникативном аспектах (Адамец П., Балли Ш., Дикарева С.С., и др.) [5].

Необходимо помнить, что эллипсис также может встречаться на уровне морфологии и словообразования, и самое большое распространение эллипсис получает в качестве способа словообразования. К примеру, одним из способов образования новых слов является переход слова из одной части речи в другую часть речи в результате эллипсиса словосочетания. Например, в русском языке таковыми являются слова столовая, гостиная и мороженое, которые были образованы в результате эллипсиса словосочетаний столовая комната, гостиная комната и мороженое молоко [8: 41].

Таким образом, понятие эллипса в современном английском языке занимает неопределённое место на стыке стилистики и семантики, которое варьируется в отличие от контекста и коммуникативной ситуации.

Литература

1. Oscar Wilde The Picture of Dorian Gray/Black Cat, 2007. – 143 pages.
2. Абракова И.Ю., Кудряшова А.Н. Структурные особенности построения эллиптических предложений в современном английском языке на примере британской прессы// Режим доступа: [http://nf-innovate.com/content/files/psn/psn%202015/psn%207\(15\)-15/psn1\(9\)-15/psn2\(10\)-15/psn3\(11\)-15/%D0%90%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%92%D0%90%20%20%D0%9A%D0%A3%D0%94%D0%A0%D0%AF%D0%A8%D0%9E%D0%92%D0%90%20.pdf](http://nf-innovate.com/content/files/psn/psn%202015/psn%207(15)-15/psn1(9)-15/psn2(10)-15/psn3(11)-15/%D0%90%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%92%D0%90%20%20%D0%9A%D0%A3%D0%94%D0%A0%D0%AF%D0%A8%D0%9E%D0%92%D0%90%20.pdf) . Дата обращения: 14 марта 2018 г.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. –М., 2005. –608 с.
4. Бузаров В. В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. – М., 1998. – 364 с.
5. Джумалиева Г. К. Виды эллипсиса в разноструктурных языках // Вестник ИГУ. № 19. Б.: Издательство ИГУ, 2007. // Режим доступа: http://nbisu.moy.su/_ld/6/601_Djumaliev_a_ISU.pdf . Дата обращения: 13 марта 2018 г.
6. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка// учебник для студентов пед. институтов/ Б. А. Ильиш.– Издание 2-е. – Ленинград: Просвещение, 1971.– 367 с.
7. Пешковский А.Н. Избранные труды. –М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 252 с.
8. Тутаришева М.К., Тутаришева М.К. Сущность, роль и функции эллипсиса в языке (на материале разноструктурных языков) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. –С. 38-43.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ТОПОНИМОВ

Г. БЕЛГОРОДА

С.В. Фуникова,

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Цуй Яосиньянь (Китай)

Статья посвящена проблеме топонимов-годонимов г. Белгорода. Автор статьи дает чёткую лексико-семантическую систематизацию названий улиц г. Белгорода. Представлена классификация по следующим признакам: определенная грамматическая характеристика слова, названия улиц, в которых используется прилагательное, фамилии выдающихся людей: писатели, поэты, исторические и политические деятели и т.д.

Ключевые слова: *топоним, годоним, улица, город, семантика, лексика, классификация.*

The article is devoted to the problem of place names – hydraulic names of Belgorod. The author of the article gives a clear lexical-semantic systematization of the names of the streets of Belgorod. They are classified according to the following criteria: some grammatical characteristics of words, names of streets, in which the adjective is used, the names of prominent people: writers, poets, historical and political figures, etc.

Keywords: *toponym, Hodonin, street, town, semantics, vocabulary, classification.*

Трудно представить себе современный мир без географических имен и названий. Каждый топоним несет разнообразную информацию: историческую, географическую, лингвистическую, так как географические названия – это свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространялись в тех или иных странах.

Проблемами топонимики занимались многие российские лингвисты, среди них можно выделить Ю.В. Аргудяеву, Г.В. Глинских, А.В. Суперанскую и др.

Значение, которое несёт в себе название улиц, очень глубокое. Семантика представляет собой систему, не жестко детерминированную. Непосредственно наблюдаемая ячейка семантики – полнзначные слова (например, существительное, глагол, наречие, прилагательное) – организована по принципу «семантического треугольника»: внешний элемент – последовательность звуков или графических знаков (означающее) – связан в

сознании и в системе языка, с одной стороны, с предметом действительности (вещью, явлением, процессом, признаком), называемым в теории семантики денотатом, референтом, с другой стороны – с понятием или представлением об этом предмете, называемым смыслом, сигнификатом, интенционалом, означаемым.

Мы провели анализ топонимов-годонимов улиц г.Белгорода и пришли к некоторым очень интересным выводам. Так, например, мы выделили 11 семантических групп названий улиц г. Белгорода.

(1) Названия улиц даны поопределенной грамматической характеристике слова. Они могут разделиться на существительные, прилагательные и словосочетания, употребляемые в родительном падеже,

- Улицы, в название которых входят только существительные: одно именительного падежа, второе – родительного падежа. Например: улица Александра Невского, проезд Автомобилистов, улица Литвинова, проспект Б. Хмельницкого, переулок Попова, переулок Трутовского, переулок Танкистов, улица Тимирязева, улица Урицкого, улица Фрунзе, улица Чехова, бульвар Юности, улица Щорса, улица Щепкина, улица Энгельса, улица Михаила Добронравова и т.д.

- Названия улиц, в которых используется прилагательное, например:

Шоссейная первая улица, Юрьевский переулок, Порубежный второй переулок, Троицкий тупик, Полянский второй переулок, Полевая улица, Портовая улица, Южный второй переулок, Портовый первый переулок, Порубежный первый переулок, Порубежный третий переулок, Порубежный четвертый переулок, Ясенева улица ит.д.

- Названия улиц по словосочетаниям, например:

бульвар 1 Салюта, улица 50-летия Белгородской области, улица Белгородского полка, улица 8 Марта, 9 Мая улица, улица 60 лет Октября, переулок им. декабриста Пестеля П.И., улица им. лейтенанта Мишеница, улица им. Катукова М.Е., улица 89 Стрелковой Дивизии, улица им. Высоцкого В.С. и т.д.

(2) Названия улиц в Белгороде могут классифицироваться по фамилиям выдающихся людей. Среди единиц этой группы мы выделяем 6 подгрупп.

- Названия улиц даны по фамилиям русских писателей и поэтов, например:

Архангельская улица, улица Белинского, улица В.Бунина, улица Василия Ерошенко, улица Гоголя, переулок Гоголя, улица Горького, улица им. Окуджавы Б.Ш., улица Лермонтова, улица Маяковского.

- Названия улиц даны по фамилиям деятелей международного революционного движения:

Переулок Апанасенко, улица Апанасенко, улица Буденного, улица Буханова, улица Ватутина, улица Владимира Тимощука, улица Вячеслава Денисова, улица Генерала Васильева и т.д.

- Названия улиц даны по фамилиям Героев Советского Союза: Улица Горовца, улица им. Героя Советского Союза Орлова А.И., улица им. Героя Советского Союза Хромых В.П., улица им. Катукова М.Е., улица им. Шумилова М.С., улица Кутузова, улица Матросова, Николая Сурнева.

- Названия улиц даны по фамилиям деятелей науки и культуры:

Улица Ворошилова, улица Клыкова, улица Королева, улица Макаренко, улица Мечникова, улица Михаила Эрденко, улица Мичурина, улица Мокроусова и т.д.

- Названия улиц даны по фамилиям исторических и политических деятелей:

Переулок им поэта-декабриста Раевского В.Ф., переулок им поэта-декабриста Рылеева К.Ф., улица Калинина, улица Котовского, улица Крылова, Куйбышева 1-й переулок, площадь Литвинова, переулок Луначарского, Малышевский 1-й переулок, улица Машковцева, Михайловское шоссе, проспект Б.Хмельницкого.

- Названия улиц даны по фамилиям людей, оставившие свой след в истории города. Например:

Улица Першина, улица Пирогова, улица Покатаева, улица Механизаторов, улица Котельщиков, улица Костюкова, улица Виктора Лосева и т.д.

(3) Названия улиц даны по объектам, расположенным на улице или вблизи от неё:

Иосафовский сквер, Карьерный 1-й переулок, Меловая улица, Музейная площадь, Кирпичная улица, Овражная улица, Огородный 1-й переулок, Окраинный 1-й переулок, Ореховый 1-й тупик, Перевальная улица, Локомотивная улица, Парковая улица, Подгорная улица, Подлесный 1-й переулок.

(4) Названия улиц классифицируются по важным историческим событиям:

Октябрьская улица, Первомайская улица, улица Победы, улица Декабристов, улица 9 Мая, улица 89 Стрелковой Дивизии, улица 8 Марта, Улица 60 лет Октября, улица 50-летия Белгородской области, улица 5 Августа.

(5) Названия улиц даны по внешним особенностям:

Магистральная улица, Непроезжий 1-й переулок, Открытая улица, Песчаный переулок, Полевая улица, Полянская улица, Пейзажная улица, Непроезжий 1-й переулок, Озерная улица, Малый 1-й переулок, Лучевой 1-й переулок, Лесная улица, Лазурная улица, Левобережная улица, Набережная улица, Извилистая улица.

(6) Названия улиц даны по общественно-политической терминологии эпохи СССР:

Колхозная улица, Комсомольская улица, Красноармейская улица, Красногвардейская улица, Красносельская улица, Краснояружская улица, Улица Красных Партизан, Майский 1-й переулок, Улица Молодогвардейцев, Кооперативная улица, Земский 1-й переулок, Дальняя Комсомольская улица, Гражданская улица, Улица 3 Интернационала.

(7) Названия улиц даны по названию населённых пунктов, географических названий, названий городов и районов России или Украины:

Купянская улица, Курская улица, Кузнецкий переулок, Корочанская улица, Кашарский проезд, Донецкая улица, Дарницкий 3–й переулок, улица Губкина, Грайворонская улица, Гостенская улица, Гатчинский переулок, Волчанская улица, Вологодский переулок.

(8) Улицы, в название которых входят профессии: Проезд Автомобилистов, Переулок Котельщиков, Кузнечный тупик.

(9) Названия улиц даны по направлению и сезонам: Западный переулок, Восточная улица, Летний 1–й переулок, Весенняя улица.

(10) Названия улиц даны по промышленному производству, развитому в г. Белгород:

Карьерный 2–й переулок, Индустриальная улица, Заводской 1–й переулок.

(11) Названия улиц даны по видам полезных ресурсов, находящихся вблизи г. Белгород:

Изумрудная улица, Березовая улица, Бирюзовый 1–й переулок, Дубравная улица, Засечная улица, Кленовая улица, Ковыльный 1–й переулок, Меловая улица, Ореховый 2–й тупик.

Таким образом, вы пришли к выводу, что название улицам было дано по определенным критериям, мы выделили 11 групп улиц: улицы, в название которых входит имя существительное, причем первое стоит в именительном падеже второе – в родительном; по объектам, расположенным на улице или поблизости от неё; по фамилиям выдающихся людей; по важным историческим событиям; по внешним особенностям; по общественно-политической терминологии; по названию населённых пунктов, географических названий, названий городов и районов России или Украины; по профессии людей; по сезонам. Следовательно, можно отметить, что в названиях улиц Белгорода существуют многие правила именования, которые связаны с историей и культурой города Белгорода и России.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Путешествующие топонимы / Ю. В. Аргудяева // Филология народов Дальнего Востока (Ономастика). – Владивосток, 1977. – С. 37–44.
2. Глинских Г. В. Топонимическая система и структурно–семантические признаки исходных апеллятивов / Г. В. Глинских // Формирование и развитие топонимии: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд–во УрГУ, 1987. – С. 29–44.
3. Беленькая В. Д. Некоторые лингвистические категории топонимики / В. Д. Беленькая // Оронимика. – Москва, 1969. – С. 12 – 15.
4. Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии / А. В. Суперанская // Микротопонимия. – Москва: Наука, 1967. – С. 31–39.
5. Суперанская А. В. Топонимия Крыма: в 2 т. Т. 1. Ч. 1: Введение в топонимию Крыма. Ч. 2: Систематический указатель названий ненаселенных объектов Крыма / А. В. Суперанская, З. Г. Исаева, Х. Ф. Исхакова. – Москва: Московский Лицей, 1997. – 403 с.
6. Топонимы в текстах-воспоминаниях старожилов // Ключевской р–н. История и современность: сборник статей. – Барнаул: Изд–во Алт. ун–та, 2002. – С. 27–34.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Чжао Пэнбо (Китай),

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

Фразеология как отрасль современного научного знания представляет собой одну из самых неисчерпаемых и интереснейших областей. Статья посвящена вопросам специфических особенностей фразеологических единиц китайского языка. Фразеологизмы китайского языка имеют своё национальное своеобразие. Описываются некоторые семантические свойства фразеологизмов, приводится их типология и классификация.

Ключевые слова: фразеология, китайский язык, чэньюй, яньюй, гуаньюньюй.

Phraseology as a branch of modern scientific knowledge is one of the most inexhaustible and most interesting areas. The article is devoted to the specific features of phraseological units of the Chinese language. Phraseological units of the Chinese language have their own national identity. Some semantic properties of phraseological units are described, their typology and classification is given.

Keywords: phraseology, Chinese, idiom, proverb, locution.

Китайский язык, или ханьюй (汉语), является одним из самых старых и самых сложных языков в мире. Китайский язык принадлежит к тибетским

семьям, имеет свои особенности, которые отличаются от других языков. Во-первых, это фонетические особенности. Вы также можете обратить внимание на иероглифы, грамматику и лексическую структуру языка. Один из разделов лексикологии китайского языка – фразеология. Для китайского и русского языков характерно богатство фразеологического фонда. Фразеологическая единица китайского языка – это наследие прошлого, а характерные символы китайского государства – яшма, нефрит, дракон, знаменитые китайские герои – окружают нас повсеместно и часто символизируют реалии Китая. Конечно, есть и нейтральные фразеологические единицы, которые можно использовать для перевода иностранной литературы. Китайские фразеологические единицы включают готовые выражения, пословицы, привычные выражения и поговорки.

По мнению Ма Гофаня, можно выделить пять разрядов фразеологических единиц: это фразеологизм (чэньюй), пословица (яньюй), недоговорка-иносказание (сехоуяй), фразеологическое сочетание (гуаньюньюй) и поговорка (суюй). Важнейшая группа в системе фразеологии китайского языка образует устойчивые словосочетания, готовые выражения, которые называются «чэньюй». «Чэньюй» – это стабильная комбинация слов, построенная в соответствии с древними китайскими нормами. Чэньюй семантически монолитен, имеет обобщённо переносное значение, выразителен и является функциональным членом предложения. Обычно фразеологические единицы данного вида делят на параллельные и непараллельные конструкции. Чэньюй параллельной конструкции состоят из четырех морфем-слов. Например: 望穿秋水 – ждать с нетерпением, (букв. «проглядеть все глаза»). Другой вид фразеологических единиц образуют чэньюй непараллельной конструкции, например: 三寸不烂之舌 – остер на язык; хорошо подвешенный язык (букв. «язык в три цуня и без изъяна»). Однако, среди них встречаются также чэньюй, состоящие из пяти и более морфем. Чэньюй непараллельной конструкции отличаются от чэньюев параллельной конструкции тем, что они допускают использование служебных

слов. Часто в их составе есть союзы, предлоги и отрицательные частицы, а иногда можно наблюдать двойные отрицания, усиливающие выразительность чэньюя.

Китайские пословицы 谚语 «Яньюй» и поговорки 俗语 «Суюй» показывают жизненный опыт, опыт и мудрость китайского народа. Часто они безличностны в выражаемых ими суждениях, изречения нередко имеют поучительный характер. Китайский яньюй обладает известной устойчивостью, неделимостью. Порядок слов в таких единицах не изменен, иначе экспрессивность пословицы ослабляется. Китайские пословицы содержат в себе яркую эмоциональную оценку явлений действительности. Например: 世上无难事，只怕有心人 – В этом мире нет ничего непреодолимого для решительного человека; В мире нет трудных дел – нужны лишь усердные люди. 鸡窝里飞出金凤凰 – из грязи в князи; из простого народа выдвинулся выдающийся человек (букв. «из курятника вылетела птица феникс»).

歇后语 – «Сехоуэй». Являются особым типом народных речений в китайском языке, которые М. Г. Прядохин называет недоговоркой-иносказанием. Недоговорка-иносказание состоит из двух частей: первая – иносказание, вторая – раскрытие его смысла. Иногда в сехоуэй употребляется только первая или только вторая часть.

В.И. Горелов разделил фразеологические единицы китайского языка на изобразительно-выразительные средства и собственно выразительные средства (образные и безобразные). Например: 竹篮打水——一场空 – все зря; носить воду решетом (букв. «набирать воду [например, из колодца] корзиной – всё впустую»). Гуаньюньюй дословно переводится как «привычные выражения». Они строятся по нормам современного разговорного языка.

Данные фразеологические единицы являются устойчивыми словосочетаниями, с целостным переносным значением, они характеризуется эмоционально-экспрессивной насыщенностью, образностью.

Говоря об главных источниках происхождения гуаньюньюй, следует, в первую очередь, назвать живую разговорную речь, легенды, литературные произведения, крылатые слова и т.д. История этих фразеологических единиц уходит вглубь веков. Точную дату их появления назвать невозможно. Таким образом, можно сказать, что гуаньюньюй является специфическим разрядом фразеологизмов китайского языка, которые обладают яркой жанрово-стилистической отнесенностью, просторечностью, образностью и лапидарностью. Например: 庐山真面目 – истинный облик; действительное положение дел (букв. *«истинный облик горы Лушань»*) Фразеология китайского языка широко представлена во всех речевых стилях и особенно в литературно-художественной речи.

Многие фразеологические единицы появились в древние времена и дошли до нас, сохранив свою форму. Некоторые появились недавно. Эти выражения принимаются обществом и широко используются.

Литература

1. Войцехович, И. В. Практическая фразеология современного китайского языка / учебник / И. В. Войцехович, – М.: АСТ: Восток – запад, 2007. – 509 с.
2. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. – М.: Просвещение 1979. – 192 с.
3. Зограф, И. Т. Официальный вэньянь / И.Т. Зограф, – М.: Наука, 1990. – 340 с.
4. Ма Гофань. Сехоууй. – Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь, 1983. – 299 с.
5. Прядохин М.Г., Прядохина Л.И. Краткий словарь трудностей китайского языка – М.:Муравей, 2002., – 464 с.
6. Семенас А.Л. Лексика китайского языка – М.: Восток-Запад, 2005. – 310 с.

РАССКАЗЫ А.П. ЧЕХОВА
«ДОРОГИЕ УРОКИ» И «ЗИНОЧКА»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
Чыонг Тхи Кам Ми (Вьетнам),
магистрант кафедры русского языка, профессионально-речевой и
межкультурной коммуникации

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент
Петрова Л.Г.

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

Статья посвящена смысло-стилистическому анализу рассказов А. П. Чехова «Дорогие уроки» и «Зиночка». В статье раскрываются основная тема, идея, сюжет двух рассказов, определяется их актуальность и система образов.

Ключевые слова: *А.П. Чехов, анализ, сравнительный анализ, школьная проблема, тема, воспитание и образование, образ учителя.*

This article is devoted to semantic-stylistic analysis of the stories «Expensive Lessons» and «Zinochka» by Anton Pavlovich Chekhov. The purpose of this article is to analyze the artistry of Chekhov, to disclose the main theme, the idea, the plot of two stories, to determine their relevance and the system of images.

В данной работе мы обращаемся к теме, посвящённой творчеству А.П. Чехова – великого писателя-классика, драматурга. Этот могучий талант пришёл в русскую литературу в 80-е годы XIX века – период, который в истории России получил название «эпоха безвременья», когда из-за политической ситуации молодое поколение, утратив свои цели и смысл жизни, казалось сонным, равнодушным, мрачным и безнадёжным. В произведениях Чехова, отличающихся реалистичным стилем повествования, отражается русская жизнь конца XIX – начала XX века. Проблемы, поставленные Чеховом в своём творчестве, актуальны и в настоящее время.

В процессе знакомства с творчеством Антона Павловича Чехова мы заметили, что тема воспитания и образования часто поднимается в его произведениях, в том числе и в рассказах «Зиночка» и «Дорогие уроки». Интересно, что оба рассказа были опубликованы в одно и то же время – в 1887 году. Нужно было бы отметить тот факт, что в России до Октябрьской революции 1917 года было много иностранцев, которые, не имея специальной педагогической подготовки, преподавали русским людям свой родной язык.

Знание русской жизни того времени помогает лучше осознать смысл рассказа «Дорогие уроки».

И в «Дорогих уроках», и в «Зиночке» Чехов пытается проследить жизнь героев, повествует о взаимоотношениях ученика и учителя, подчёркивает проблемы образования путём создания образа учителя и образа учащегося той эпохи. Хотя рассказы были написаны в рамках одной темы и касаются общей проблемы, их герои наделены своими особыми характерами, своей неповторимой индивидуальностью.

Образ учащегося в рассказе «Дорогие уроки» представлен Чеховым такими первоначальными характеристиками: «Воротову лет 26, он пухл, тяжёл и страдает одышкой», имел степень кандидата, но не знал иностранных языков. Рассказ начинается с позиции, что знание иностранных языков – чрезвычайно полезно и важно. На первый взгляд казалось, что с этим трудно не согласиться. Главный герой – Воротов, решил побороть свою врождённую лень и стал искать учителей по французскому и немецкому языкам. Ему порекомендовали француженку Алису Осиповну Анкет. Стоит особо упомянуть о том, что уже на её первом занятии, Воротов заставляет учительницу изменить её метод, минуя такие базовые знания как буквы, звуки, слова и «прямо приступить к чтению какого-нибудь автора». На наш взгляд, это объясняется тем, что обладая учёной степенью, Воротов считает недостойным своего звания начинать с алфавита и стесняется признаться в своей некомпетентности в области изучения иностранных языков. Его единственный метод изучения языка – переводить какую-нибудь книгу с французского языка на русский, по-моему, странноватый, тем более, что всё время он повторяет не французские слова, а их перевод на русский. У меня сложилось впечатление, что их роли на занятии немного поменялись: то Воротов перебивает свою учительницу и требует изменить её метод, то он объясняет француженке, как взрослые люди изучают языки, и сам предлагает учебные пособия, книги. Однако герой не проявлял должного усердия на занятиях, а всё время рассматривал свою учительницу – её волосы, её одежду, вдыхая её нежный запах и ловя себя на нехороших мыслях.

Хотя он и невысоко оценивает педагогические способности Алисы Осиповны, но и отказать ей в занятиях он не может, так как она начинает нравиться ему, как женщина. В итоге, «переведено уже четыре книги, а Воротов не знает ничего, кроме слова «memoires»». Свои неудачи в учёбе он объясняет тем, что Алиса Осиповна «очень необразованна и учить взрослых не умеет».

Без охоты, без внимания занимается и герой рассказа «Зиночка», но описывается он Чеховом совсем по-другому. Если Воротов показал себя странным, чудаковатым человеком, то Пётр, главный герой в рассказе «Зиночка», «самый толстый из охотников», рассказывает о первой ненависти к нему гувернантки Зиночки, когда ему было лет восемь, и был он хитрым, злым мальчиком.

Маленький Петя оказался свидетелем свидания старшего брата Саши и гувернантки Зиночки. Он начал шантажировать молодую девушку, пугая рассказать всё маме. Петя пользуется любовной тайной, чтобы делать, как он хочет: «не учить уроков, ходить в классной вверх ногами и говорить дерзости». Он достиг своей цели, всё, в конце концов, рассказав маме, после чего эту молодую гувернантку постепенно выживают из дома.

Образ учительницы (несостоявшейся) также чётко отображён в этих рассказах. Если Алиса Осиповна «кончила курс в частном пансионе и имеет право домашней учительницы», то Зиночка «незадолго перед тем была выпущена из института». Обе героини – молодые девушки и, наверняка, не успели научиться работать с учениками. Мне кажется, что и Алиса, и Зиночка даже не стараются правильно вести себя на занятиях, относятся и к занятиям, и к своим ученикам с некоторым равнодушием. Алисе Осиповне неважно, кто будут её ученики – дети или взрослые. Не имея никакого опыта работы со взрослыми, всё равно она взялась преподавать Воротову, и отвечает на каждое его требование одной лишь фразой: «Как хотите!». Зиночка же на уроках рассказывает скучно, часто повторяет то, о чём уже тысячу раз рассказывала, сидит, рассеянно глядя в окно, и ждёт только свидания с братом ученика. Но если Алиса Осиповна – девушка практичная, сильная, то Зиночка – слабая,

заискивает и прогибается перед шантажистом – своим восьмилетним учеником. Зиночка, кроме того, чтобы сдерживать в себе ненависть к мальчику, ничего больше не могла делать. Чехов, описывая образы молодых учительниц, и не восхищается ими, и не критикует их открыто; в его произведениях можно чувствовать его сопереживание с женщиной. Он проникается сочувствием к девушкам, «зарабатывающим себе кусок хлеба». Хотя героини выбрали неверный путь в преподавании – одна из них, Алиса Осиповна, принимает и выполняет все вздорные требования и желания своего ученика; другая же, Зиночка, начинает просить, умолять ученика, чтобы он не раскрывал её тайну. Но это говорит о том, что они пытаются сделать всё, только бы их не выгнали с работы.

Проведя сравнение этих рассказов, я отметила ещё такие моменты: если в «Дорогих уроках» говорится о любви мужчины, то в «Зиночке» – о женской ненависти; если в первом рассказе открытый финал, то во втором – закрытый финал. Тем не менее, несмотря на очевидные различия между ними, рассказы заканчиваются тем, что главный герой каждого из рассказов не может забыть свою учительницу, так как «ненависть так же не забывается, как и любовь». Описывая отношение учеников и учителей, Чехов не подробно и методически точно пишет о том, как и каким образом учиться или преподавать, а лишь между строк выражает своё мнение о том, каким должен быть учитель, и каким он быть не должен.

«Дорогие уроки» и «Зиночка» – рассказы маленькие по объёму, но на нескольких страницах сказано о многом. Это особенность прозы Чехова – необычайная краткость и содержательность. Как признавался сам Чехов: «Умею о длинном говорить коротко». Простота его повествования – это результат огромной, напряженной работы писателя, поскольку «краткость – сестра таланта». Проблемы, затронутые в его творчестве, актуальны и в наши дни и, по всей вероятности, не потеряют своей актуальности как в скором, так и в скором будущем.

Литература

1. А.П. Чехов. Собрание сочинений в восьми томах. Библиотека «Огонёк». – Издательство «Правда». – Москва, 1970. – Т. 6. – 511с.

РУССКИЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДМЕТА, ИСХОДНЫЙ И КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ ДВИЖЕНИЯ, И ИХ АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Шевченко Н.Н.,

магистрант кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент

Петрова Л.Г.

*ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия*

В статье рассматриваются предложно-падежные конструкции русского языка в сравнении с их аналогами в английском языке.

***Ключевые слова:** предложно-падежные конструкции, сравнение, семантика, русский как иностранный.*

In the article prepositional and case constructions of Russian in comparison with those in the English language are considered.

***Key words:** prepositional and case constructions, comparison, semantics, Russian as foreign.*

Лингвометодические литературные источники определяют проблему способов выражения пространственных отношений как одну из самых интересных в теории и практике преподавания РКИ. Этому находится ряд объяснений:

- человек осознаёт свое место в мире и определяет направленность своих действий именно благодаря пространственным значениям в конкретных видах их проявлений (В.С. Бондаренко, Е.Ю. Владимирский, М.В. Всеволодова и др.);

- среди обстоятельственных отношений как раз пространственным отношениям характерна принадлежность к ряду смысловых значений, отличающихся в русском языке завидным разнообразием и способностью передаваться при помощи и посредством грамматических форм и различных приёмов (З.Н. Иевлева, З.Г. Паршикова, А.К. Панда, А.Л. Шумилова и др.).

Для иностранцев, изучающих русский язык, значительную сложность представляет не только правильное использование пространственных

предложно-падежных конструкций, но и усвоение самой системы рассматриваемого фрагмента языка, отличной от их родного языка или языка-посредника. Этими факторами предопределяется интерференция.

Для усвоения пространственных отношений трудоёмкими в англоязычной аудитории, на наш взгляд, являются:

- пространственные предлоги русского языка, как таковые;
- многообразие флективных форм имени существительного и прилагательного в русском языке, которое в английском языке отсутствует. Не овладев навыками употребления пространственных предложно-падежных конструкций, иностранные студенты не смогут избежать большого количества грамматических ошибок.

Практика работы над данным грамматическим материалом показала, что обучение пространственным предложно-падежным конструкциям русского языка англоговорящих иностранных студентов следует строить, учитывая:

- системные и функциональные свойства единиц языка и речи. Это позволит обучающимся получить целостное представление о формальных, функционально-семантических и коммуникативных свойствах изучаемых единиц, вскрыть специфику их взаимодействия и механизмы функционирования в речи;

- характерные особенности русского языка в сопоставлении либо с родным языком, либо с языком-посредником (английским), которым они владеют на достаточном уровне. Это связано с тем, что источником интерференции в процессе овладения предложно-падежными конструкциями русского языка являются несовпадения в исследуемых фрагментах русского и английского языков.

В ходе нашего исследования было выяснено, что Е.Ю.Владимирским осуществлен анализ дифференциальных семантических признаков, учитывающих отношения действия к пространству, отношение форм пространства к предмету; выделены лексико-семантические группы имен, характерные для конструкций с пространственным значением; лексико-

семантические группы глаголов, влияющие на семантику конструкций; установлены смысловые соотношения между конструкциями [1].

По признаку отношения действия к предмету все пространственные ППК разбиваются на большие смысловые группы, выражающие:

- а) статику - место осуществления действия;
- б) динамику - путь движения;
- в) движение к конечному пункту;
- г) движение от исходного пункта.

Исходя из этого, сравним пространственные предложно-падежные конструкции в русском и английском языках и приведём примеры:

Пространство как место осуществления (где?)

Внутреннее пространство предмета:

в + П.п.

Деньги **в** ящике. The money is **in** the drawer.

Она работает **в** школе. She works **at** school.

Мы сейчас **в** России. We are **in** Russia now.

Поверхность предмета:

на + П.п.

Деньги **на** столе. The money is **on** the table.

Фото **на** стене. The photo is **on** the wall.

Пространство под нижней плоскостью предмета:

под + Т.п.

Велосипед находится **под** навесом. The bike is **under** the awning.

Пространство позади предмета:

за + Т.п.

Они находятся **за** палаткой. They are **behind** the tent.

Конечный пункт движения (куда?)

Внутреннее пространство предмета:

в + В.п.

Я положил деньги **в** ящик. I put the money **in** the drawer.

Она идёт **в** школу. She is going **to** school.

Мы едем **в** Россию. We are going **to** Russia.

Поверхность предмета:

на + В.п.

Я кладу деньги **на** стол. I put money **on** the table.

Сын вешает фото **на** стену. Son hangs a photo **on** the wall.

Пространство под нижней плоскостью предмета:

под + В.п.

Велосипед поехал **под** навес. The bike went **under** the awning.

за + В.п.

Они зашли **за** палатку.

They went **behind** the tent.

Исходный пункт движения (откуда?)

Внутреннее пространство предмета:

из + Р.п.

Я достал деньги **из** ящика. I took the money **out** of the drawer.

Она возвращается **из** школы. She comes back **from** school.

Мы приехали **из** России. We came **from** Russia.

Поверхность предмета:

с, со + Р.п.

Я беру деньги **со** стола. I take money **from** the table.

Сын снимает фото **со** стены. Son takes photos **from** the wall.

Пространство под нижней плоскостью предмета:

из-под + Р.п.

Велосипед выехал **из-под** навеса. The bicycle rode out **from under** the awning.

из-за + Р.п.

Они вышли **из-за** палатки. They went **from behind** the tent.

«Закрепленность» тех или иных ППК за выражением определенных значений (типов пространственных отношений) в известной степени определяется принадлежностью к той или иной лексико-семантической группе

грамматически главенствующего слова конструкции: глаголы местонахождения – конструкции со значением места; глаголы однонаправленного движения – конструкции, обозначающие исходный или конечный пункт движения, и т.п.

Как видно из приведённых примеров, способы выражения пространственных отношений в русском и английском языке даже на этом участке грамматики далеко не всегда отличаются полным совпадением. Флективность русского языка накладывает дополнительные трудности на усвоение пространственных ППК. В связи с этим, иностранные учащиеся допускают большое количество ошибок, связанных:

- с выбором пространственных ППК, соответствующих смыслу предложений,
- с употреблением приставок в глаголах движения и самих глаголов,
- с использованием глаголов, обозначающих приведение предмета в горизонтальное или вертикальное положение из другого состояния,
- с их грамматическим выражением.

Кроме того, студентами испытываются значительные трудности в подборе антонимичных ППК.

Литература

1. Владимирский Е.Ю. Выражение пространственных отношений при помощи предложно-падежных конструкций // Русский язык как иностранный: актуальные вопросы описания и методики преподавания. Сб. спецкурсов. – М.: Русский язык, 1982. – С. 87 - 118.
2. Шатилов С.Ф. Некоторые вопросы сопоставления иностранного и родного языков в методических целях. // РЯЗР. – 1985. – № 5. – С. 51 - 64.
3. Chamo A.U., O'Meily J.M. The Cognitive Academic Language Learning Approach in Language Issues: Reading for Teachers. Durking D.B. ed. White Plains, New York. Longman Publishers USA, 1995. – С 160 - 175.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЗООНИМА «ВОРОБЕЙ» В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. С. Яковлева

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

Данная работа посвящена особенностям лингвокультурологического описания зоонима «воробей», функционирующего в качестве смыслообразующего во фразеологизмах китайского и английского языков. Изучение феномена компонента-зоонима устойчивых выражений в контексте обращения к национальному экстралингвистическому опыту в контексте типологического описания дистантных языков позволило выявить как ряд общих, так и ряд уникальных черт восприятия птицы, биологически относящейся к одному виду домовых воробьев.

Ключевые слова и фразы: зооним, лингвокультурология, домовый воробей, английский язык, китайский язык.

This paper is devoted to the description of zoonym “sparrow” as an important meaning of idioms in the Chinese and English languages. The article focuses on the phenomena of zoonym component idioms in based on national experience in the context of the typological description of distant languages. The analysis discovered some unique and common features in the perception of a bird which is strongly associated with the house sparrow.

Keywords: zoonym, animalism, the house sparrow, the English language, the Chinese language.

Воробей – одна из тех незаметных, но узнаваемых, характерно чирикающих птичек, обитающих около жилища человека (отсюда и ее название – домовый).

В XX веке воробей расселился практически по всему земному шару, в городской и в сельской местности, чему способствовал его высокий акклиматизационный потенциал, позволяющий птичке вести оседлый образ жизни, добывая корм в человеческих поселениях. Окраска оперения воробья от серо-чёрной до коричнево-серой.

Изучение зоонима «воробей» представляется интересным в аспекте изучения национально-культурной специфики языковой картины мира в дистантных языках, таких как китайский и английский. По мнению Н.Ф. Алефиренко, особенно важно выявлять «ассиметрию культуры» при сопоставлении языков, которая выявляется между обозначаемыми реалиями,

артефактами культуры. «Культурный компонент знаков не прямой номинации создается их семиотичностью, символичностью и связью с этнокультурным сознанием народа» [Алефиренко, 2010: 98-99].

Однако, прежде всего, дадим дефиниции терминов, к которым мы обращаемся в статье, поскольку данный вопрос остается дискуссионным, а терминология не является устоявшейся. Термин зооним впервые появляется в научной литературе в 60-ых гг. прошлого столетия, происхождение термина греческое (зоо — животное + оним — имя). И.В. Куражова считает, что зоонимы – относятся к собственно названиям животных в прямом обыденном значении [Куражова, 2007: 3]. Собственно этого подхода в отношении зоонимов мы будем придерживаться в дальнейшем.

Рассмотрим определения, данные в толковом словаре китайского языка Синьхуа. 雀(воробей) определяется как 鸟类的一科, 吃粮食粒和昆虫。特指“麻雀”, 泛指小鸟: 雀跃 (高兴得像雀儿那样跳跃)。雀盲 (即“夜盲症”)。雀斑。雀噪 (名声宣扬, 含贬义)。[www.xh.5156edu.com. 2018]. – («Пернатые птицы, едящие зерно и насекомых. В общем слово «воробей» относится к любой маленькой птице. Прыгать от счастья (прыгать по-воробьиному)»).

Компонент-зооним 雀 относится к числу продуктивных в китайском языке (около 50 примеров), тем не менее, популяция воробьев в Китае в рамках кампании по уничтожению воробьев (打麻雀运动(消灭麻雀运动), организованной в по решению Мао Цзедуна, была практически истреблена. Воробьи были объявлены вредителями сельского хозяйства, требующими истребления. В результате это привело к массовому голоду, поскольку уничтожать гусениц и других насекомых стало некому. Пришлось ввозить этих маленьких птичек из СССР, а в настоящее время политика компартии Китая направлена на сохранение воробьев и сохранение природы в целом.

Воробьи умные и бойкие птички, которые никогда не перестают чирикать, постоянное чириканье как видоспецифическая черта имплицитно выражается во фразеологизмах китайского языка: 鸦雀无声 (yāquèwúshēng) –

обр. мертвая тишина (букв. не слышно ни вороны, ни воробья); 鳥趨雀躍 (*fúqūquèyuè* -) обр. кричать и прыгать от радости.

Персонифицированные характеристики небольшого размера 雀 (воробья) метафорически коррелируют с качественными признаками человека, связанными с его социальным статусом: 燕雀安知鴻鵠志 (*yànquè ānzhī hóng hú zhì*) – букв. ласточкам и воробьям не понять цели величественного лебедя; 麻雀虽小, 五臟俱全 (*máquè suī xiǎo, wǔzàng jù quán*) букв. воробей маленький, но все у него есть.

В китайских ФЕ находим противопоставления, являющиеся типичными для этого языка: антиномия большой и маленькой птицы: 鳥趨雀躍 (*fúqūquèyuè*) – обр. плясать от радости (букв. утка переваливается, воробей прыгает); антиномия животного и птицы: 羅雀掘鼠 (*luóquèjuéshǔ*) – обр. мобилизовать все силы (букв. стрелять по воробьям и бить мышей); антиномия насекомого и птицы: 螳螂捕蟬, 黃雀在後 (*táng láng bǔ chán, huáng què zài hòu*) – обр. не думать о возмездии, на сильного всегда найдется управа (букв. богомол хватается цикаду, не замечая позади себя воробья).

В английском языке дефиниция зоонима *sparro* вкратка: *a small brown bird that is common in the US and northern Europe* [www.macmillandictionary.com 2018] – («Маленькая коричневая птичка, обитающая в Америке и северной Европе»).

В английском языке компонент-зооним *sparrow* не является продуктивным (менее 5 ФЕ), *sparrow*, как отмечает словарь, птица маленькая: *a sparrow in hand is better than a pigeon on the roof*. – обр. лучше обладать малым в реальности, чем фантазировать о недостижимом (букв. лучше воробей в руке, чем голубь на крыше).

Шумное поведение воробьев, возможно, явилось мотивационным компонентом ФЕ *two sparrows upon one ear of wheat cannot agree* – обр. о заядлых спорщиках (букв. два воробья никогда не договорятся о колоске пшеницы).

Образ воробья популярен в современной попкультуре. Капитан Джек Воробей (**Captain Jack Sparrow**), кинематографический герой, сыгранный известным актером Джонни Деппом прекрасно вписывается в образ птицы: это шумный, задиристый пират мгновенно снискал славу и любовь миллионов людей по всему миру, став прецедентным именем и аспектом семантики зоонима *sparrow* (воробей).

Таким образом, в процессе лингвистического исследования компонента-зоонима *雀/sparrow* (воробей) мы можем выстроить следующую схему релевантных фентипических признаков, послуживших основой для метафоризации образа. Наиболее продуктивным и универсальным является признак «маленькая птица», обоснованный в обоих словарях. Постоянное чириканье также является мотивационным метафорическим признаком, однако находится на втором месте. Национально-специфичным являются в китайской культуре антиномии компонентов-зоонимов, данная особенность не характерна для английского фразеологического фонда.

Исходя из проведенного анализа примеров, можно сделать вывод о том, что символика компонента-зоонима, не смотря на стандартные метафорические признаки, не всегда совпадает. Эти различия обусловлены несовпадением качественных характеристик птицы. В китайской лингвокультуре, хотя и присутствует противопоставление в социальной иерархии, тем не менее, даже маленький человек заслуживает уважения, согласно конфуцианской морали. В европейской же культуре мир организован по принципу превосходства в физической силе и в привлекательности.

Метафоры китайского и английского языков представляют собой удивительное сочетание традиционной морали, национальных ценностей, взглядов и лингвистических особенностей, представляющих национальные знания и представления о мире.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко.: Флинта, Наука; Москва; 2010

2. Куражова И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [текст] / Ирина Владимировна Куражова. – Иваново, 2007. – 201с.
3. Новый словарь иностранных слов. URL: www.вокабула.рф [Дата обращения: 01.03.2018]
4. Китайский онлайн словарь – Zhonga.ru URL: www.zhonga.ru [Дата обращения: 01.03.2018]
5. Толковый словарь английского языка Macmillan Dictionary URL: www.macmillandictionary.com [Дата обращения: 01.03.2018]
6. Oxford Dictionaries. Language Matters. URL: www.oxforddictionaries.com [Дата обращения: 01.03.2018]

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЗООНИМА КАК КЛЮЧ К ФОРМИРОВАНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Е. С. Яковлева

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

Статья посвящена анализу метафорического потенциала зоонимов на материале китайского и английского языков. Приводится положение о том, что зоонимы в разных языках имеют общие метафорические признаки, являющиеся мотивационными компонентами возникновения фразеологизмов, однако интерпретация универсальных метафорических признаков через названия животных имеет национально-культурную специфику, основанную на особенностях мировосприятия этноса.

Ключевые слова и фразы: зооним, метафора, лексема, языковая картина мира.

The article deals with analysis of the animalistic component's metaphorical potential based on the Chinese and English languages. The point is that zoonyms in different languages have common metaphor's features which are the motivation point of idioms' materializing. Nevertheless the actual functioning of the lexems has national specificity of interpretation based on the features of the ethnic world of view.

Keywords: zoonym, metaphor, lexem, language world of view.

Одним из актуальных вопросов в современном языкознании остается проблема изучения зоонимов в семантических, концептуальных, фразеологических, литературоведческих исследованиях. Не смотря на столь обширный исследовательский опыт (уже более 60 лет исследований), ответы на многие вопросы остаются не найденными, в частности остается дискуссионным вопрос путей метафоризации зоонимических компонентов в составе фразеологических единиц. «Зоометафора представляет собой процесс

наименования объекта и предмета области-мишени именем какого-либо животного из области- источника» [Чекулай, Прохорова, 2016: 163].

Поскольку зоонимия является сложным объектом, включающим в себя географические, биологические, экстралингвистические знания, под которыми мы подразумеваем опыт восприятия и интерпретации этносом образа того или иного животного), представляется перспективным рассмотреть базу становления зоонимной метафоры, выявить и описать те наблюдения народа, которые становились основой для возникновения зоонимной метафоры. Данная проблема возникает на стыке нескольких научных дисциплин, а именно когнитивной лингвистики, фразеологии, лингвокультурологии. Основой в таком случае служит собственно компонент-зооним, являющийся по своей сути лексемой, получающей свою лингвокультурологическую интерпретацию в качестве «ключа» фразеологизма. Прежде чем приступать к собственно описанию мотивационных метафорических признаков, необходимо уточнить дефиницию термина «зооним», поскольку это все еще остается дискуссионным вопросом.

У языковедов не сложилось единого мнения о том, что такое зооним, нет, следовательно, и единого мнения о составе этих единиц в языке. Одни исследователи включают в состав зоонимов названия родов животных (Багана Ж., Куражова И.В., Лаврова О.В. и др.) другие включают также производные от наименований животных слова, ключки животных (Денги А., Подольская Н.В. и др.)

В рамках данного исследования работы мы будем вслед за О.В. Лавровой считать, что зоонимы – это лексико-семантические варианты слов, выступающие в качестве родовых названий животных [Лаврова, 2009: 121].

Ж. Багана писал, что, «метафорические и метонимические переносы в составе фразеологизмов возникают на основе реально существующих предметов... и являются эвристически значимыми» [Багана, 2014: 42]. Разумеется, мы не говорим о том, что национально-культурная специфика фразеологических единиц в отношении зоонимов отсутствует, но мы полагаем,

что существуют универсальные признаки – база метафоризации. В процессе исследования был собран и систематизирован материал современного китайского и английского языков, и, в процессе анализа, были выделены универсальные метафорические признаки, которые становились основополагающими для формирования культурного контекста, обусловленного универсальными фенотипическими свойствами живых организмов:

- способ питания: 如狼牧羊 (*rú láng mù yáng*) – букв. будто волк пасет овец (обр. о жестоких правителях); *fox guard in the hen house; fox in the hen house* – букв. лиса в курятнике.

- одомашненность: 亡羊补牢 (*wáng yáng bǔ láo*) – букв. чинить хлев, когда овцы пропали (обр. запоздалое благоразумие); *cook someone's goose* – букв. приготовить гуся (обр. погубить); *a wild goose never laid a tame egg.* – букв. дикий гусь не отложит хорошее яйцо (обр. не стоит ждать хорошего от плохого человека).

- сила, мощь: 九牛二虎之力 (*jiǔ niú èr hǔ zhī lì*) – букв. сила как у девяти быков и двух тигров; *as strong as an ox, (as) strong as a bull* – очень сильный.

- размер: *a sparrow in hand is better than a pigeon on the roof.* – обр. лучше обладать малым в реальности, 麻雀虽小, 五脏俱全 (*máquè suī xiǎo, wǔzàng jù quán*) букв. воробей маленький, но все у него есть.

- сообразительность, ум: 狡兔三窟 (*jiǎotù sānkū*) – букв. у хитрого зайца три норы, (обр. иметь множество вариантов); *slyasafox, crazylikeafox* – букв. умный, хитрый как лиса.

- особенности поведения: *when the cat's away the mice will play* – букв. когда кошки нет, мышам раздолье; 胆小如鼠 (*dǎnxiǎo rúshǔ*) – обр. быть трусливым.

- окраска: 鹅毛大雪 (*émáodàxuě*) – букв. снег как гусиный пух (обр. сильный снегопад); *yellow dog* – трус.

- звуки, которые издают животные: 鬼哭狼嚎 (*guǐ kū láng háo*) – обр. завывать, выть; 鸦雀无声 (*yāquèwúshēng*) – обр. мертвая тишина (букв. не

слышно ни вороны, ни воробья); *keep a dog and bark yourself* – букв. если держишь собаку, сам не лай (обр. не работай за своего подчиненного).

Таким образом, бивалентная сущность зоонимов, как биологических организмов, и как элементов действительности, действительно обуславливает ту универсальную базу, на основе которой строится национально-специфичная картина мира. По мнению Н.Ф. Алефиренко, внутренняя форма «речемыслеительном «эмбрионе» и внутренней схеме языка, функционируя в живом языке становится источником «лингвокреативного стимула» ассоциаций, коннотаций и др. [Алефиренко, 2010:114]. Собственно говоря, этим ключом зоонимных идиом как раз и является зооним, его жизнь, послужившая материалом ключа.

Современные исследования в области лингвокультурологии пытаются разгадать загадку метафоризации зоонимов, которые вследствие своей бивалентной сущности, являются универсальными с точки зрения биологии, и уникальными, по мнению лингвистики. Поликультурная среда и диалог культур дают шанс разгадать эти загадки языка и наша статья, возможно, одна из ступенек к этой победе.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко.: Флинта, Наука; Москва; 2010.
2. Багана, Ж. Фразеологические африканизмы, содержащие зоонимные компоненты с некоторыми представителями фауны / Ж. Багана // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики = Actual problems of linguistics, literature studies, intercultural communication and linguodidactics : сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Белгород, 12-14 мая 2014 г. / НИУ БелГУ, Ин-т языкознания РАН, Ун-т Ниццы - Софии Антиполис ; редкол.: В.А. Виноградов и др. – Белгород, 2014. – С. 38-43.
3. Лаврова О. В. Страноведческий компонент названий животных в аспекте межкультурной коммуникации: дис. . ка-нд. пед. наук: 13.00.02: С-Пб., 2009. – 265 с.
4. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. Зоометафора как фрагмент картины мира/И.В.Чекулай, О.Н.Прохорова//сб.науч.ст.междунар.науч.конф., Проблемы лингвистики и лингводидактики. Белгород, 2016. – С. 164-177.

5. Словарь английский идиом ThefreedictionarybyfarlexURL:
idioms.thefreedictionary.com[Дата обращения: 01.03.2018]

6. Китайский онлайн словарь – Zhonga.ruURL: www.zhonga.ru [Дата
обращения: 01.03.2018]

Отпечатано в
ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

Подписано в печать 08.05.2018 г.
Усл. п. л. 15,25 Тираж 300 экз. Заказ 1442
г. Белгород, пр. Б.Хмельницкого, 137, корпус 1, офис 357
Тел. 35-88-99*401, 8 910 360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru